УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 3 (69) № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь
2017

ISSN 2413-1679
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77 - 61821 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского, протокол № 11 от 21 декабря 2017 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Богданович Галина Юрьевна – д-р филол. наук, проф.
(главный редактор)
Александрова Ирина Викторовна – д-р филол. наук, проф.
Борисова Людмила Михайловна – д-р филол. наук, проф.
Гуменюк Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф.
Курьянов Сергей Олегович – д-р филол. наук, доц.
Меметов Айдер Меметович – д-р филол. наук, проф.
Новикова Марина Алексеевна – д-р филол. наук, проф.
Орехова Людмила Александровна – д-р филол. наук, проф.
Петренко Александр Демьянович – д-р филол. наук, проф.
Петров Александр Владимирович – д-р филол. наук, проф.
Савченко Любовь Васильевна – д-р филол. наук, проф.
Селендили Лемара Сергеевна – д-р филол. наук, проф.
Скороходько Светлана Александровна – канд. филол. наук, доц.
Титаренко Елена Яковлевна – д-р филол. наук, проф.
Шилина Анжела Григорьевна – д-р филол. наук, проф.
Яблоновская Наталья Всеволодовна – д-р филол. наук, проф.
Ященко Татьяна Антоновна – д-р филол. наук, проф.
Егорова Людмила Геннадьевна – канд. филол. наук, доц.
(ответственный секретарь)

Подписано в печать 21.12.2017. Формат 70х100/16.
Заказ № НП/165. Усл. п. л. 11. Тираж 50. Бесплатно.
Дата выхода в свет 08.06.2018.
Отпечатано в Управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
http://sn-philol.cfuv.ru

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 г. (№ 2167) по группам специальностей: 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Филологические науки. Том 3 (69). № 1. 2017 г. С. 3–12.

1. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070:001.4

ЕЩЕ РАЗ О ТЕРМИНОЛОГИИ: ФАКТ И СИТУАЦИЯ В РАБОТЕ НАД ЖУРНАЛИСТСКИМ МАТЕРИАЛОМ

Волокитин Д. Ю.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И Вернадского», Симферополь
e-mail: dmitrijvolokitin@yandex.ru

В статье анализируется содержание понятий «факт» и «ситуация» с точки зрения практической журналистики для их правильного понимания и использования обучающимися в процессе планирования и создания своих медиапродуктов. Исследуется трактовка данных понятий другими авторами. Указывается на принципиальные различия между фактом и ситуацией при анализе конкретного информационно-новостного материала. Автор приводит аргументы в пользу того, что в работе с обучающимися нецелесообразно применять понятие «факт» в качестве отправной точки для создания журналистского продукта. Начинать необходимо с реальной ситуации, обладающей медийным потенциалом, то есть заложенной в ней определенной новостной мощью, определяющей степень (масштаб) информационного повода. Такую ситуацию допустимо называть «идеей» (прообразом) будущего журналистского продукта, или просто «медийной ситуацией». На конкретных примерах автор показывает, как определить ситуации, содержащие условия для разработки обучающимися замыслов своих будущих материалов. Также рассматривается целесообразность использования понятий «факт», или «факты», не на этапе планирования обучающимися своих работ, а непосредственно при сборе ими фактических данных при практической реализации заявки (пошагового плана) будущего журналистского материала.
Ключевые слова: факт, ситуация, медиапотенциал, идея, информационный повод, замысел

ВВЕДЕНИЕ

Определенную трудность при подготовке обучающихся вызывают терминологические разночтения. Нередко разные авторы по-своему трактуют одни и те же термины, вкладывая в них различное содержание. Проиллюстрируем это на конкретном примере. Обучающийся обращается к преподавателю со следующим вопросом: «Я ищу тему для написания материала, можете ли вы мне ее подсказать?». Преподаватель, понимающий этот термин в его классической интерпретации, предлагает: «Политика, спорт, наука, культура, здоровье - мало ли тем…». Обучающийся уточняет: «Но мне необходимо что-то более конкретное…». Преподаватель парирует: «Значит, вам нужна не тема, поскольку тема - предмет изображения (то, о чем вы пишете) в широком смысле, а я как раз и перечислил различные темы». Обучающийся не сдается: «Вы неправильно меня поняли, когда я

просил у вас тему, я имел в виду конкретный факт». Но затем выясняется, что и под понятием «факт» обучающийся понимал не совсем то, что ему на самом деле требовалось. Ничего удивительного в этом нет. Из-за терминологических разночтений в методике преподавания журналистики «тему» (иногда ее используют как синоним «идеи») и «факт» обучающиеся не то что трактуют неправильно, зачастую они употребляют их просто как слова-паразиты. Цель данной статьи – внести терминологическую ясность в данные понятия, поскольку автор считает их ключевыми на начальном этапе планирования обучающимися своих будущих медиапродуктов. Это, по его мнению, в определенной мере облегчит им реализацию поставленных задач, что обуславливает актуальность данного исследования.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, факт – действительное, вполне реальное событие, явление [10, с. 845]. Разные исследователя вносят в это понятие свои уточнения. Например, называют факт в журналистике не только достоверным отражением фрагмента реальности, но и обладающим социальной репрезентативностью [5]. Говорят о факте и как «об изначальном содержательном элементе» и «дискретном куске действительности» [4, с. 118-119]. Есть определение факта как атома действительности [8].

Принято также различать онтологический и гносеологический смыслы понятия «факт». В первом случае – это единица реальности, доступная наблюдению, но существующая независимо от сознания человека. Во-втором, - фрагмент сознания, отражающий единицу реальности [8]. В результате чего «отражение оригинала не является самим оригиналом» [9, с. 5].

В какой же мере понятие «факт» может иметь практическое значение в процессе подготовки обучающихся?

В научный оборот как журналистский термин его ввел В. А. Аграновский. Фактом он считал точку отсчета будущего материала. Факт, по его мнению, дает толчок возникновению замысла. Замысел «перерабатывается» в тему, из темы

вырастает концепция - модель будущего произведения, после чего определяется тактика сбора материала и жанр будущей публикации [1].

В. А. Аграновский демонстрирует работу данной концептуальной цепочки на примере своей повести «Остановите Малахова!». Замыслом он называет свое желание «написать о профилактике правонарушений». Темой – практическую реализацию этого замысла, а фактом – «горячие точки» судьбы юноши (Малахова), которые сформировали из него преступную личность [1, с. 21]. Обратим особое внимание на то, что фактом Аграновский считает не фрагмент, элемент, кусок, атом или единицу реальной (действительной) жизни своего героя, а целые жизненные вехи Малахова. Другими словам, это, как минимум, набор взаимосвязанных между собой фактов, которые некоторые авторы интерпретируют как ситуацию [8].

Действительно, согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, ситуация – это совокупность обстоятельств, положение, обстановка [10, с. 717], то есть состоящая из множества фактов. Любопытно, что ситуацию, как и факт, также рассматривают в онтологическом и гносеологическом смыслах, ведь, отражаясь в сознании, реальная ситуация теряет часть своих связей и в результате аналогичным образом искажается [8].

Недаром В. А. Аграновский писал: «Мы обязаны «увидеть» нечто за фактом, «разглядеть», «угадать», «предположить», «почувствовать» - и все это совершенно невозможно без знаний, без информированности, без социального опыта» [1, с. 34]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что под фактом как источником замысла журналистского материала В. А. Аграновский на самом деле имел в виду конкретную реальную ситуацию, которая и определяла модель будущего медиапродукта. То есть именно ситуация, а не факт является той самой точкой, с которой и начинается планирование (отсчет) журналистского материала.

Из этого вытекает закономерный вопрос – всякую ли жизненную ситуацию можно использовать как фундамент для создания медиапродукта? А если нет, то как из «многообразного мира во всех его проявлениях» начинающему журналисту выявить ту, которая поможет «выстрелить» [6, с. 151]?

Рассмотрим несколько примеров.

Пример 1.

Вот ряд взаимосвязанных между собой фактов и ситуаций. 1. Крым. 2. Лето. 3. Начало очередного курортного сезона. 4. Как всегда, ожидается наплыв отдыхающих. 5. Жаркая погода. 6. Нет дождей. 7. Засуха. 8. В водоемах не хватает воды. 9. Подача воды в отдельные населенные пункты осуществляется по часам. 10. Трудности испытывают как местные жители, так и гости полуострова. 11. Власти Республики обещают решить проблему в ближайшее время.

Крым? – его наличие нам ни о чем не говорит. Также как и то, что с приходом лета здесь начался курортный сезон, и ожидают отдыхающих - ситуация вполне тривиальная, подобное происходит каждый год. Жаркая погода? Нет дождей? – и в этом нет ничего необычного. Засуха? – можно говорить о зарождении интереса, так как это уже не совсем ординарная ситуация, но что за ней стоит? В водоемах не хватает воды? – интерес возрастает, так как положение дел усугубляется. Подача воды в отдельные населенные пункты осуществляется по часам? – информационная ценность события увеличивается. Трудности испытывают как местные жители, так и гости полуострова? – вот мы, наконец, и добрались до ситуации, которая является полноценным поводом для информационного сообщения. Власти обещают решить проблему в ближайшее время? – раз дело зашло так далеко, что даже власти спохватились, значит степень новостной мощи, от которой зависит масштаб информационного повода, более чем достаточна.

Подведем итог:

1. Ситуация. Накануне курортного сезона из-за засухи Крым испытывает перебои с подачей воды. Проблема настолько серьезная, что за ее решение взялось руководство Республики.

2. Медийный потенциал. Возникает ряд вопросов, ответы на которые желает знать аудитория: «Какое количество людей, в каких населенных пунктах испытывает дефицит воды?», «Какова ситуация с водоснабжением в курортных регионах?», «Каковы объемы нехватки воды?», «Какие меры предпринимают местные власти для того, чтобы улучшить ситуацию – откуда возьмут воду?», «Как долго продлится засуха?», «Скоро ли пойдут дожди и позволят ли они решить проблему?», «Можно

ли говорить о том, что нынешний курортный сезон на полуострове сорван?», «Как избежать подобной ситуации в будущем?».

3. Информационный повод. Из-за засухи накануне лета в Крыму возник дефицит питьевой воды. Серьезно ли это отразится на проведении курортного сезона?

4. Замысел. Это материал о крымчанах и курортниках, которые из-за засухи в начале лета испытывают дефицит воды, и тех мерах, которые крымские власти предпринимают для решения проблемы.

Пример 2.

1. Иван Петров. 2. Ему - 49 лет. 3. Женат. 4. Имеет сына. 5. Живет в Симферополе. 6. Окончил художественное училище. 7. Увлекается живописью. 8. Написал более тысячи картин. 9. Восхищается творчеством Леонардо да Винчи и Рафаэля. 10. Готовит в Симферополе к 50-летнему юбилею выставку своих лучших картин. 11. Иван Петров – признанный во всем мире мастер кисти.

Без последнего пункта первые десять для нас ровным счетом ничего не значат. Ведь если бы Иван Петров был пять раз женат, имел десять детей, окончил двадцать художественных вузов, написал три тысячи картин, восхищался всеми живописцами мира и готовил к юбилею сразу несколько своих персональных выставок, но при этом не был признанным во всем мире художником, у нас бы отсутствовал «железный» информационный повод. Следовательно, новостная ценность ситуации (ее медиапотенциал) равнялся бы нулю.

Однако в данном случае ситуация подсказывает нам следующий замысел. Это материал о мировой знаменитости - симферопольском художнике Иване Петрове, который к своему 50-летнему юбилею готовит в столице Крыма выставку лучших картин.

Пример 3.

Как сообщили в «Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике», в прошлом году в его состав для музеефикации были переданы античные городища на территории Ленинского района: Артезиан, Илурат, сельское

поселение Полянка. Сегодня к северо-западу от городища и некрополя Артезиан идет стихийная добыча песка из нелегальных карьеров.

В зоне карьера оказались курганные группы из 20 курганов, 450 квадратных метров некрополя на глубине до 0,7 метра, а под тяжелым колесным трактором античные гробницы. В отвале культурного слоя находятся плиты перекрытий античных гробниц, строительный отес, бут и обломки античной керамики первых веков нашей эры.

Музей-заповедник уже полгода направляет многочисленные обращения в правительственные органы о необходимости спасти археологическое наследие Восточного Крыма, запретить карьерные разработки по добыче песка [2].

Данная новость содержит, как минимум, три ситуации, способные стать источником замыслов журналистских материалов.

Замысел первый. Это материал о сотрудниках Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, которые в одиночку борются за спасение ряда античных памятников, оказавшихся в зоне нелегальных карьеров.

Замысел второй. Это материал о бездействии руководства и правоохранительных органов Ленинского района, которые, похоже, закрывают глаза на незаконную добычу песка, чем наносится как экологический, как финансовый, так и культурный ущерб региону.

Замысел третий. Это материал о жителях Ленинского района, которые мирятся с очевидным попустительством властей, связанным, в частности, с незаконной добычей в их регионе песка, в результате чего разрушаются античные памятники, а также наносится экологический и финансовый ущерб.

Конечно же, в связи с имеющейся ситуацией, вопросы возникают и к руководству Республики, и к соответствующим профильным ведомствам, в частности, министерству культуры, и к надзорным ведомствам, и к экологическим организациям, и к коллегам-музейщикам. Но в данном случае для нас главное то, что в качестве отправной точки для создания журналистского материала необходима та ситуация, в которой обучающийся может обнаружить определенный медийный потенциал, то есть величину новостной мощи, определяющую степень (масштаб)

информационного повода (причину, основание, побуждение, мотив) для ее медийной реализации.

По нашему мнению, такую ситуацию точнее всего отражает понятие «идея». Согласно Википедии, идея (др.-греч. ἰδέα — видность, вид, форма, прообраз) в широком смысле – мысленный прообраз какого-либо действия, предмета, явления, принципа, выделяющий его основные, главные и существенные черты [3]. Таким образом обладающую медийным потенциалом ситуацию допустимо называть «идеей», или «медийной ситуацией», в качестве мысленного прообраза будущего материала.

Широко распространено мнение о том, что в основе любого журналистского произведения лежат факты - своеобразные кирпичики, из которых выстраивается вся его структура [6]. В этой связи мы считаем целесообразным использовать понятие «факт», или «факты», не на этапе планирования обучающимися своих работ, а непосредственно при сборе ими фактических данных. Иногда «кирпичиками», составляющими тело (структуру) медиапродукта, также называют «данные», «сведения», «информация», «материал» и т.д.

ВЫВОД

Крайне важно, чтобы на этапе планирования своих первых журналистских работ обучающиеся понимали, с чего начинается создание медиапродукта. Когда обучающийся просит у преподавателя «тему», «факт», «идею», «концепцию», «рабочую версию», «модель» или что-то еще для создания своего журналистского материла, на самом деле ему необходима конкретная жизненная ситуация, способная стать толчком для возникновения замысла с его последующей реализацией. Однако об этом обучающийся не всегда догадывается.

Происходит это потому, что в методике преподавания журналистского мастерства существуют серьезные терминологические разночтения. При этом обучающиеся стремятся усвоить простые по форме, краткие и совершенно понятные «рабочие» формулировки. Чтобы термины не употреблялись в разных смыслах,

целесообразно прислушаться к мнению Г. В. Лазутиной, предлагающей «договориться о том их значении, которое будет для нас основным» [8, с. 73].

Факт и ситуация как совокупность фактов «самих по себе» не представляют для начинающих журналистов никакой практической ценности. Имеет значение лишь конкретная ситуация, обладающая информационным поводом, новостную мощь которой определяет заложенный в ней медийный потенциал. Такие ситуации допустимо называть идеями (прообразами) будущих медиапродуктов.

После окончания планирования материала, после того, как сформулирован его замысел и составлена заявка (пошаговый план), понятие «факт», или «факты», целесообразно использовать в качестве синонимов таких понятий, как «сведения», «информация», «материал» при сборе обучающимися фактических данных уже на этапе создания (практической реализации заявки) журналистского продукта.

Если терминологические разночтения будут и дальше иметь место, это в определенной мере продолжит усложнять учебный процесс. Преподаватели и студенты будут говорить друг с другом на разных языках, или, по крайней мере, не всегда правильно друг друга понимать.

Список литературы

1. Аграновский, В. А. Ради единого слова. Журналист о журналистике [Текст] / А. В. Аграновский - М.: Мысль, 1978. – 168 с.
2. Аргументы недели Крым [Электронный ресурс] // Информационное агентство. – Режим доступа: http://an-crimea.ru/page/news/155361. – (Дата обращения: 08.09.2017).
3. Википедия [Электронный ресурс] // Общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия со свободным контентом. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Идея. (Дата обращения: 07.06.2017).
4. Горохов, В.М. Закономерности публицистического творчества. Пресса и публицистика [Текст] / В. М. Горохов. - М.: Мысль, 1975. – 190 с.

5. Дэниис, Э., Мэррилл, Дж. Беседы о масс-медиа: [Перевод] / Эверетт Дэннис, Джон Мэррилл. – М.: Рос.-амер. информ. пресс-центр: Вагриус, 1997. – 383 с.
6. Ким, М. Н. Технология создания журналистского произведения [Текст] / М. Н. Ким. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 320 с.
7. Колесниченко, А. В. Практическая журналистика [Текст] / А. В. Колесниченко. – М.: Изд-во Московского университета, 2008. – 192 с.
8. Лазутина, Г. В. Основы творческой деятельности журналиста [Текст] / Г. В. Лазутина. – М.: «Аспект Пресс», 2001. – 240 с.
9. Поелуева, Л. А. Факт в публицистике: Автореф. канд. дис. – Москва, 1988. – 22 с.
10. Толковый словарь русского языка / Ожегов С. И.; Шведова Н. Ю. – М.: «Русский язык», 1991. – 918 с.

ONCE AGAIN ABOUT TERMINOLOGY: THE FACT AND THE SITUATION IN WORK ON JOURNALISTIC MATERIAL

D.Yu. Volokitin

Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation

Summary. The article analyzes the content of the concepts "fact" and "situation" from the point of view of practical journalism for their correct understanding and use by students in the planning and creation of their media products. The interpretation of these concepts by other authors is explored. It points to the fundamental differences between the fact and the situation in the analysis of specific information-news material. The author argues that while working with students it is inappropriate to apply the concept of "fact" as a starting point for creating a journalistic product. It is necessary to start with a real situation, which has a media potential, thus, it has a certain news power, which determines the extent (scale) of the information occasion. This situation can be called an "idea" (prototype) of a future journalistic product, or in other words "media situation". On specific examples, the author shows how to identify situations that contain conditions for developing learners' plans for their future work. Also, the expediency of using the concepts "fact" or "facts" is considered, not at the stage of planning their work by trainees, but directly when they gather actual data at the stage of practical implementation of the application (step-by-step plan) of future journalistic material.
Keywords: fact, situation, media potential, information occasion, idea, purpose, plan.

References

1. Agranovskii, V. A. Radi Yedinogo Slova. Zhurnalist o Zhurnalistike [For the Sake of a Single Word]. Moscow: Mysl' Publ., 1978. 168 p.
2. Argumenty Nedeli Krym [Informatsionnoye agentstvo Argumenty Nedeli Krym]. Available at: http://an-crimea.ru/page/news/155361. (accessed 08 September 2017).
3. Vikipediya [Wikipedia]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ideya. (accessed 07 July 2017).
4. Gorokhov V.M. Zakonomernosti Publitsisticheskogo Tvorchestva. Pressa i Publitsistika [Regularities of Journalistic Creativity. Press and Journalism]. Moscow: Mysl' Publ., 1975. 190 p.
5. Dennis E., Merrill, J. Besedy o Mass-Media [Media Debates: Issues in Mass Communication]. Moscow: Vagrius Publ., 1997. 383 p.
6. Kim M. N. Tekhnologiya Sozdaniya Zhurnalistskogo Proizvedeniya [The Technology of Creating a Journalistic Work]. Saint-Petersburg: Mikhaylov Publ., 2001. 320 p.
7. Kolesnichenko A. V. Prakticheskaya Zhurnalistika [Practical Journalism]. Moscow: Moscow University Press, 2008. 192 p.
8. Lazutina, G. V. Osnovy Tvorcheskoi Deyatel'nosti Zhurnalista [Basics of the Creative Activity of a Journalist]. Moscow: Aspekt Press, 2001. 240 p.
9. Poelueva L. A. Fakt v Publitsistike: Avtoref. Dis. … Kand. Filol. Nauk [Fact in Journalism]. Moscow, 1988.
10. Ozhegov S. I ., Shvedova N. Yu. Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 1991. 918 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Филологические науки. Том 3 (69). № 1. 2017 г. С. 13–26.

УДК 070

ИЗМЕНЕНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ ПОСЛЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лепина Л. С.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И Вернадского», Симферополь
e-mail: lada_lepina@mai.ru

Данная научная статья описывает ситуацию в телевизионном пространстве Республики Крым, сложившуюся по истечении переходного периода после вхождения в состав Российской Федерации. Проведен сравнительный анализ специфики телевизионного пространства до референдума 2014 года и на 2016 год. Зафиксированы значительные количественные и качественные изменения в тематическом наполнении действующих на территории Республики Крым телеканалов в сравнении с ситуацией 2013 года, на момент нахождения Крыма в составе Украины.
После вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации общее количество телеканалов увеличилось более чем в 2 раза. Процесс лицензирования продолжается, количество телевещателей, работающих в Крыму, постоянно растет. Связано это и совершенно новыми цифровыми стандартами телевизионного вещания и открывающимися в этой связи возможностями для увеличения числа телеканалов, работающих в одном регионе. С процессом перехода в России на цифровое вещание связан ряд преобразований в телевизионном пространстве страны. 1 февраля 2015 года по всей территории Российской Федерации началось постепенное прекращение аналогового вещания телевизионных каналов, которое планируются завершить до 1 июля 2018 года.
Ключевые слова: телевидение, информационное пространство, Республика Крым, переходный период, тематическое наполнение.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования связана с необходимостью изучения изменений в телевизионном пространстве Республики Крым, а также в деятельности региональных телекомпаний, произошедших в связи со знаковыми общественно-политическими событиями. Вступление Республики Крым в состав Российской Федерации полностью изменило правовые условия работы телекомпаний, послужило основанием для смены тематической направленности, создало возможности для развития в новых условиях.

В процессе исследования были проанализированы изменения в телевизионном пространстве Республики Крым после референдума 2014 года, проведен сравнительный анализ ситуации 2013 года, на момент нахождения Крыма в составе Украины и на начало 2017 года, после завершения переходного периода, составлена база данных телеканалов Республики Крым актуальная на момент завершения переходного периода.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

По данным Министерства внутренней политики, информации и связи Республики Крым на начало 2017 года в республике зарегистрировано 437 средств массовой информации. Из них 331 печатное издание, 46 радиоканалов, 29 интернет-изданий и 31 телеканал [1].

По сравнению с 2013 годом количество телекомпаний увеличилось почти вдвое. По данным Национального совета Украины по вопросам телевидения и радиовещания в Автономной Республике Крым в крымском регионе на тот момент работало 15 телевещателей (16 телеканалов) [2].

Самые крупные телекомпании на полуострове по состоянию на первое сентября 2013 года:

Государственная телерадиовещательная компания «Крым». Работала с 1959 года. До 1992 года она существовала под названием Крымский комитет телевидения и радиовещания. В ее состав входили несколько структур, а именно, творческий и технический персонал, крымское радио. Они были объединены в одну компанию в 1995 году и стали принадлежать Государственному комитету телевидения и радио Украины. Телерадиокомпания «Крым» до 1997 года осуществляла вещание на украинских национальных каналах, таких как «УТ-2» и «Первый Национальный» во время региональных окон, не более 4 часов в сутки. Осенью 1997 года началось собственное вещание по эфирной сети Радиотелевизионного передающего центра Крыма. Была сформирована своя сеть программирования на 18 часов в сутки, оставшееся время занимали телевизионные каналы «Центральный канал» и «УТР».

ООО «Черноморская телерадиокомпания». Вышла в свет как структурное подразделение Радио «Ассоль» в декабре 1993 года. После того как Радиотелевизионный передающий центр Автономной Республики Крым перестал транслировать Черноморскую телерадиокомпанию с 3 марта 2014 года, компания приняла решение переехать на Украину.

ООО «Телевизионная компания «Атлант – СВ» («ATR») транслировала два телеканала: «ATR» и «LALE». «ATR» возник как телеканал 1 сентября 2006 года и

осуществлял вещание на 27 эфирном канале города Симферополь. Основную целевую аудиторию телевизионного канала «ATR» составляли крымские татары, так как 35% выпускаемого контента телеканала создавалось на крымскотатарском языке, 20% на русском, остальное – на украинском и турецком. В 2011 году инвестором данного телеканала стал Ленур Ислямов. Уже в следующем году канал начал вещать круглосуточно с помощью спутника Astra. В 2014 году телеканал «ATR» поддержал идею территориальной целостности Украины. 1 апреля того же года вещание было прекращено по причине неполучения лицензии. Также прекратили работу детский канал «LALE», радиостанции «Мейдан-ФМ» и «Лидер», которые входили в данный холдинг.

ООО «Телерадиокомпания ИТВ» («ИТВ»). Этот информационный телеканал появился в Крыму в 1996 году. В эфире чаще всего транслируются выпуски новостей, обзоры событий региона и передачи собственного производства.

ООО «Медиагрупп «FM». «FM TV» – коммерческий телеканал. Канал вещает круглые сутки на всей территории полуострова. В 2014 году он поддерживал идею воссоединения Крыма с Российской Федерацией. А в следующем году каналу выдали Лицензию на вещание с учетом российского законодательства.

До референдума на территории крымского полуострова осуществлял вещание также ряд национальных телеканалов Украины:

«Перший» («УТ-1»). Крупный украинский телеканал, осуществляющий вещание на первой частоте. Канал имеет богатую историю развития. Первым выходом в эфир официально считают 1 февраля 1939 года. В этот день Киев совершил первую попытку вывода изображения на зрительские телеэкраны.

«1+1». Еще один общенациональный украинский телеканал, уступает по площади охвата территории страны только каналу «УТ-1». Телевизионная компания «Студия 1+1» появилась на свет в сентябре 1995 года, в этом же месяце она запустила в эфир собственные передачи.

«СТБ». Общенациональный телеканал Украины. Вышел в свет 2 июня 1997 года. Очень популярный канал и вещает практически во всех населенных пунктах страны, где проживает более полсотни тысяч граждан.

«Интер». Общенациональный телевизионный канал Украины, который был основан 20 октября 1996 года. В 2014 году данный канал стал лучшим по уровню телесмотрения основными целевыми аудиториями страны.

«ICTV». Украинский общенациональный канал. Первый эфир был запущен 15 июня 1992 года. А в 2000 году компания перешла на круглосуточную трансляцию. По данным 2008 года, данный телевизионный канал находится на четвертом месте по охвату территории страны.

«M1». Международный украинский телеканал музыкальной тематики. Вещает круглые сутки. В эфире транслируются музыкальные клипы, а также компания выпускает различные развлекательные программы для широкого круга зрительской аудитории. Телеканал покрывает около 70 % территории страны.

«ТЕТ». Данный украинский телеканал начал работу в январе 1992 года. Эфирное наполнение телеканала – это развлекательные передачи собственного производства, а также трансляция лучших отечественных и зарубежных сериалов.

«Новый канал». Общенациональный телеканал Украины. Начал свое существование в 1998 году. Изначально телеканал функционировал как городской канал Киева. А в 1999 году компания расширила территорию вещания до шести областей Украины. Далее к 2000 году канал уже охватывал 17 крупных городов страны. С первого дня существования канал выделил для себя целевую аудиторию – активную молодежь от 14 до 30 лет.

«ТРК Украина». Крупный национальный украинский телеканал. Появился на свет 13 марта 1993 года, а статус национального приобрел в 2004 году.

Таким образом, на 2013 г. до референдума и отделения от Украины на территории крымского полуострова работали 16 телеканалов, из них 6 региональных телеканалов: ГТРК «Крым», «Черноморская ТРК», «ATR», «LALE», «ИТВ», «FM TV» и 9 национальных телеканалов: «Перший» («УТ-1»), «1+1», «СТБ», «Интер», «ICTV», «M1», «ТЕТ», «Новый канал», «ТРК Украина» [2].

Соотношение национальных и региональных Крыма телеканалов можно также представить в виде диаграммы (рис. 1):

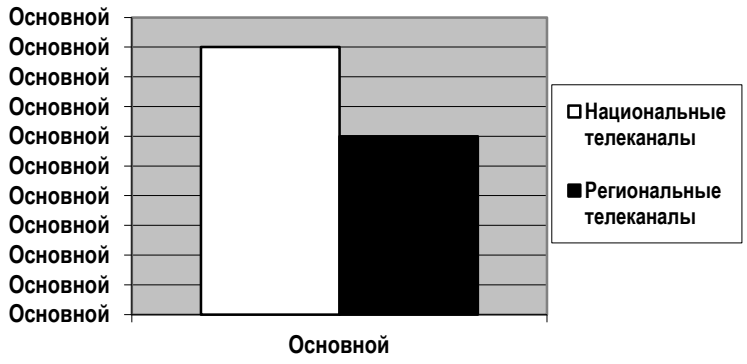


Рис. 1.

Тематическое наполнение телеканалов: 11 телеканалов общей тематики, информационный (новости) – 1, музыкальный – 1, развлекательный – 1, детско-юношеский – 1.

Соотношение тематической направленности телеканалов в Крыму в 2013 году также можно представить в виде диаграммы (рис. 2.)

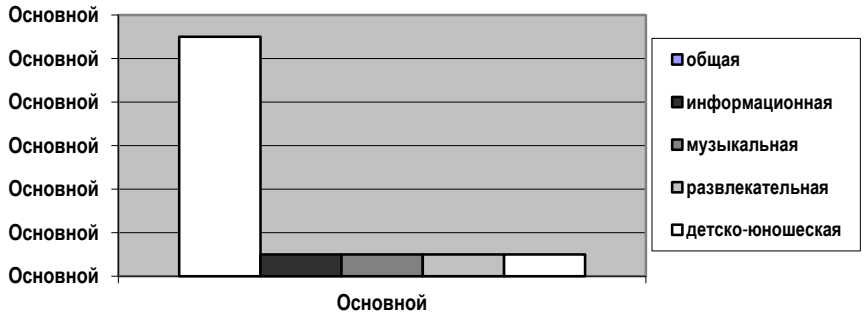


Рис. 2.

После проведения референдума 2014 года телевизионное пространство Республики Крым претерпело значительные изменения. Национальные вещатели Украины прекратили свою работу на территории полуострова, а местные и региональные получили возможность легализовать свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Для облегчения

процедуры получения лицензии был определен срок до 1 апреля 2015 года, когда компании могли это сделать в упрощенном режиме.

Часть телекомпаний воспользовались этой возможностью, часть отказались получать лицензию и работать в правовом поле Российской Федерации, не признавая сам факт вхождения Крыма в состав России. Также появились новые телерадиокомпании, ранее не работавшие на территории автономии.

По данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций на 1 апреля 2015 года (окончание переходного периода) было зарегистрировано 232 средства массовой информации Крыма: 8 сетевых изданий, 19 телеканалов, 42 радиоканала, 163 печатных изданий и информационных агентств.

Из этого числа 207 СМИ имели разрешительные документы, оформленные по украинскому законодательству, и прошли перерегистрацию, а 25 зарегистрированных СМИ – это российские средства массовой информации, впервые вышедшие на медиарынок полуострова, в том числе два телеканала.

Учитывая, что процесс лицензирования продолжается, количество телевещателей, работающих в Крыму, постоянно растет. Связано это и совершенно новыми цифровыми стандартами телевизионного вещания и открывающимися в этой связи возможностями для увеличения числа телеканалов, работающих в одном регионе. С процессом перехода в России на цифровое вещание связан ряд преобразований в телевизионном пространстве страны. 1 февраля 2015 года по всей территории Российской Федерации началось постепенное прекращение аналогового вещания телевизионных каналов, которое планируются завершить до 1 июля 2018 года.

В Республике Крым трансляция трех мультиплексов российского цифрового эфирного телевидения началась 1 июля 2014 года. Мультиплекс – это пакет общедоступных бесплатных телеканалов.

24 июня 2009 года вышел указ № 715 «Об общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах» президента Российской Федерации,

который установил состав первого мультиплекса (пакета) цифрового телевидения России. Его сформировали 10 телеканалов и 3 радиоканала.

В первый мультиплекс входят следующие телеканалы:

«Первый канал». Федеральный государственный телеканал. Учредители: 51% – государство, 25% – Национальная Медиа Группа. Был создан 1 апреля 1995 года. Тематика канала общая.

«Россия-1». Федеральный государственный телеканал. Учредитель – Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания. Канал появился на свет 13 мая 1991 года. Тематика телеканала общая.

«Матч ТВ». Телеканал был создан 1 ноября прошлого года. Учредителем является Газпром-Медиа Холдинг. Тематика канала спортивная.

«НТВ». Телеканал был создан 10 октября 1993 года. Учредителем канала стал Газпром-Медиа Холдинг. Тематика телеканала общая.

«Пятый канал». Был основан 25 декабря 1991 года. Учредители телеканала: 72 % – Национальная Медиа группа и 28 % – правительство Санкт-Петербурга. Тематика канала общая.

«Россия-Культура». Телеканал был создан 1 ноября 1997 года. Учредителем канала является Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания. Тематика – культура.

«Россия-24». Дата основания телеканала – 1 июля 2006 года. Учредитель – Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания. Тематика – новости.

«Карусель». Телеканал был создан 27 декабря 2010 года. Учредителями стали: Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания и ОАО «Первый канал». Тематика канала детско-юношеская.

«ОТР». Автономная некоммерческая организация «Общественное телевидение России» была создана 19 мая 2013 года. Учредитель – Общественное телевидение России». Тематика телеканала общая.

«ТВ Центр». Был основан 9 июня 1997 года. Учредитель – Правительство Москвы. Тематика телеканала общая.

Конкурс на позиции во втором мультиплексе состоялся 14 декабря 2012 года. По его результатам в состав второго мультиплекса вошли следующие телеканалы:

«РЕН ТВ». Был основан 1 января 1997 года. Учредитель – Национальная Медиа группа. Тематика канала общая. Лицензия от 27 апреля 2000 года.

«Спас». Канал был основан 28 июля 2005 года. Учредители: 51% – Финансовое хозяйственное управление Русской Православной Церкви и 49% – Спас Медиа. Тематика общественно-православная.

«СТС». Создан 1 декабря 1996 года. Учредитель – СТС Медиа. Тематика канала развлекательная.

«Домашний». Основан 6 марта 2005 года. Учредитель – СТС Медиа. Тематика канала общая.

«ТВ-3». Был создан 1 июля 1997 года. Учредитель – Газпром-Медиа Холдинг. Тематика канала общая.

«Пятница!». Основан 1 июня 2013 года. Учредитель Газпром-Медиа Холдинг. Тематика телеканала – развлечения.

«Звезда». Был создан 20 февраля 2005 года. Учредителем является ОАО «ТРК ВС РФ «Звезда». Тематика канала военно-патриотическая.

«Мир». Основан 9 октября 1992 года. Учредитель ЗАО «МТРК Мир». Тематика канала общая.

«ТНТ». Был создан 1 января 1998 года. Учредитель – Газпром-Медиа Холдинг. Тематика телеканала – развлечения.

«Муз-ТВ». Был основан 1 мая 1996 года. Учредителем является ЮТВ Раша Холдинг. Тематика телеканала музыкально- развлекательная.

По плану в третий мультиплекс должны войти региональные или муниципальные телеканалы, транслирующие свои программы по собственной сети вещания, либо использующие сигнал сетевых партнеров, не вошедших в мультиплексы. Состав третьего мультиплекса, называемого региональным, еще формируется на территории Российской Федерации и Крыма в том числе. На

сегодняшний день на полуострове в него входит следующий ряд телевизионных каналов.

«Первый Крымский». Крупный региональный телеканал. Создан на базе Государственной телерадиовещательной компании «Крым», просуществовавшей до 2014 года. Ныне известен как Автономная некоммерческая организация «Телерадиокомпания „Крым“». После присоединения Крыма к России канал прошел перерегистрацию и получил Лицензию на вещание 30 октября 2014 года. 1 июля 2014 года телеканал «Первый Крымский» стал частью Крымского регионального мультиплекса цифрового телевидения России. В этом же году канал начал круглосуточное вещание на территории региона, а также компания разработала мобильное приложение для пользователей операционной системы «Андроид», с помощью которого можно смотреть эфир на смартфоне, планшете и т.д.

«Крым-24». Информационно-аналитический телевизионный канал Крыма. Вещает круглые сутки. Является вторым телеканалом Автономной некоммерческой организации «Телерадиокомпания „Крым“». С помощью спутника «Крым-24» вещает за пределы полуострова. Идея создания данного канала появилась в марте 2014 года после прекращения работы на территории региона «Черноморской телерадиокомпании». Начало вещания нового канала пришлось на 2016 год. 3 февраля российские операторы провели кабель в Краснодар, а оттуда сигнал попадает на спутник. С 1 марта 2016 года телеканал «Крым-24» в тестовом режиме начал трансляцию в составе третьего мультиплекса цифрового телевидения России.

«Миллет». Телеканал принадлежит Автономной некоммерческой организации «Общественная крымскотатарская телерадиокомпания». Данная структура была образована 9 июня 2015 года и пришла на смену частному крымскотатарскому телеканалу «ATR», который прекратил работу в Крыму. В переводе с крымскотатарского «миллет» означает «народ». Новый общественный крымскотатарский телеканал увидел свет 1 сентября 2015 года. 1 апреля 2016 года телеканал начал спутниковое вещание. С помощью спутника «Ямал» телеканал планирует вещать на территории РФ, Украины, Турции и некоторых стран

Центральной Азии, в результате чего станет международным. Вещание ведется на двух языках – русском и крымскотатарском.

«FM TV». Региональный телеканал местного значения. Он входит в состав МедиаГруппы «FM», которая образовалась в июне 2013 года в городе Симферополь. Данный канал вещает круглые сутки и покрывает крупные города Крыма, такие как: Симферополь, Севастополь, Ялта, Евпатория, Саки. Программное наполнение телеканала составляют собственные программы телеканала ориентированные на потребности жителей крымского региона. Также на телеканале есть социальные, медицинские, политические, спортивные и развлекательные проекты. Своей целевой аудиторией телеканал называет активных граждан со средним и высшим образованием. Телеканал можно просматривать онлайн в сети Интернет, также он доступен в кабельных сетях и на спутнике «Amos 2».

«ИТВ». Компания была создана 23 апреля 1996 года. Прошла перерегистрацию после референдума 2014 года. Лицензия от 26 февраля 2015 года. Как отмечает редакция телеканала на официальном сайте: за 19 лет существования компания из небольшого объединения энтузиастов превратилась в лидера на крымском информационном поле. Вещание канала охватывает все крупные города полуострова. Зрительская аудитория канала «ИТВ» составляет около миллиона жителей полуострова. Около половины контента эфира – это программы собственного производства.

Также лицензии на вещание на территории Республики Крым получили несколько общероссийских каналов, не вошедшие в первый и второй мультиплексы [3].

На сегодняшний день в Республике Крым вещает 31 телеканал, из них 5 региональных каналов: «Первый Крымский», «Крым-24», «Миллет», «FM TV», «ИТВ» и 26 федеральных телеканалов: «Первый канал», «Россия-1», «Матч ТВ», «НТВ», «Пятый канал», «Россия-Культура», «Россия-24», «Карусель», «ОТР», «ТВ Центр», «РЕН ТВ», «Спас», «СТС», «Домашний», «ТВ-3», «Пятница!», «Звезда»,

«Мир», «ТНТ», «Муз-ТВ», «Че», «Euronews– Россия», «2×2», «Disney», «Ю», «РБК» [4].

Соотношение федеральных и региональных телеканалов можно представить в виде диаграммы (рис. 3):

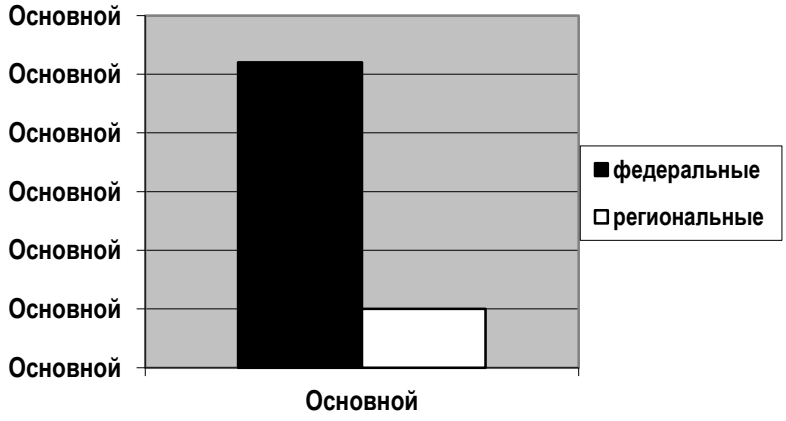


Рис. 3.

Тематика телеканалов: общая – 10 телеканалов, новости – 3, развлечения – 4, музыкально – развлекательная – 1, спортивная – 1, культура – 1, общественно – православная – 1, детско-юношеская – 1, военно-патриотическая – 1, анимация – 1, семейная – 1, бизнес – 1. Эти данные также для наглядности можно представить в виде диаграммы (рис. 4.):

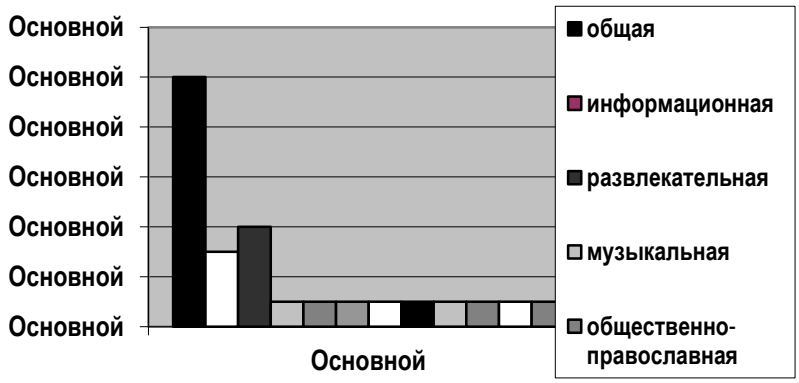


Рис. 4.

ВЫВОДЫ

Проанализировав систему телевизионного вещания в Республике Крым, можно сделать вывод, что после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации общее количество телеканалов увеличилось более чем в 2 раза: с 15 до 31. В то же время число региональных каналов сократилось с шести до пяти. Сократилась и доля региональных телеканалов по отношению к федеральными в системе крымского телевизионного вещания на почти на треть. При этом количество центральных телеканалов возросло на 17, т.е. почти в три раза: с 9 до 26.

Тематическая направленность телеканалов, осуществляющих вещание в Республике Крым, стала более разнообразной. В 2016 году количество каналов с общей тематикой по сравнению с 2013 годом сократилось на 40%. Увеличилась доля вещателей другой тематики: новостной, развлекательной, спортивной, военно-патриотической, детско-юношеской, общественно-православной, семейной, культуры, анимации и бизнеса.

Однако процесс формирования телевизионного пространства Республики Крым и регистрации новых каналов продолжается. Переход на цифровое вещание, а также принципы формирования мультиплексов позволяют добавлять новые телеканалы, что было невозможно при аналоговом вещании. Новые технологии, развитие сетей связи и коммуникаций позволят в будущем расширить географию местных каналов и сделать их более доступными во всех районах Крыма.

Несмотря на то, что переходный период после вхождения полуострова в состав Российской Федерации в 2017 году в целом завершен, изменения в формировании телевизионного пространства Крыма продолжаются, и изучение этой темы будет представлять интерес и в дальнейшем.

Список литературы

1. Министерство внутренней политики, информации и связи Республики Крым [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://minfo.rk.gov.ru. – (Дата обращения:10.02.2017).
2. Национальный совет Украины по вопросам телевидения и радиовещания. государственный реестр телерадиоорганизаций – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.nrada.gov.ua – (Дата обращения 03.03.2014).
3. Публичный реестр инфраструктуры связи и телерадиовещания РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://reestr-svyaz.rkn.gov.ru – (Дата обращения 05.03.2017).
4. Перечень наименований зарегистрированных СМИ [Электронный ресурс] //Роскомнадзор: [офиц. web-сайт] – Режим доступа: http://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/ – (Дата обращения 03.03.2017).

CHANGES IN THE TELEVISION SPACE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AFTER JOINING THE RUSSIAN FEDERATION

Lepina L. S.

Summary. This article describes the situation in the television space of the Republic of Crimea, which developed after the transitional period after joining the Russian Federation. A comparative analysis of the specificity of the television space before the referendum in 2014 and up to 2016 was conducted. Significant quantitative and qualitative changes were noted in the thematic contents of the TV channels operating within the territory of the Republic of Crimea in comparison with the situation in 2013, at the time of the Crimea's presence in Ukraine.

After the Republic of Crimea joined the Russian Federation, the total number of TV channels doubled. The licensing process continues, the number of broadcasters working in the Crimea is constantly growing. This is due to the completely new digital standards of television broadcasting and the opportunities that are opening in this connection to increase the number of TV channels operating in one region. With the transition to digital broadcasting in Russia, a number of transformations are taking place in the country's television space. On February 1, 2015, a gradual cessation of analogue broadcasting of television channels began over the entire territory of the Russian Federation, the process is planned to be completed by July 1, 2018.

Keywords: television, information space, the Republic of Crimea, transition period, thematic contents.

References

1. *Ministerstvo Vnutrennei Politiki, Informatsii i Svyazi Respubliki Krym* [Ministry of Domestic Policy, Information and Communication of the Republic of Crimea]. Available at: http://minfo.rk.gov.ru. (accessed 10 February2017).
2. *Natsional'nyi Sovet Ukrainy po Voprosam Televideniya i Radioveshchaniya. Gosudarstvennyi Reestr Teleradioorganizatsii* [National Council on Television and Radio Broadcasting of Ukraine]. Available at: http://www.nrada.gov.ua. (accessed 03 March 2017).
3. *Publichnyi Reestr Infrastruktury Svyazi i Teleradioveshchaniya RF* [Public Register of Communications Infrastructure and TV and Radio Broadcasting of Russia Federation]. Available at: http://reestr-svyaz.rkn.gov.ru . (accessed 05 March 2017).
4. *Perechen' Naimenovanii Zaregistrirovannykh SMI* [The List of Names of the Registered Media]. Available at: http://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/. (accessed 03 March 2017).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Филологические науки. Том 3 (69). № 1. 2017 г. С. 27–47.

УДК 070

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Яблоновская Н. В.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И Вернадского», Симферополь
e-mail: yablon@rambler.ru

В статье рассматриваются ключевые этапы развития крымскотатарского женского журнала от «Алем-и-нисван» И. Гаспринского (1906 г.) до современных изданий «Арзы» и «Ненкеджан», определяется место этнического женского журнала в системе прессы и его значение в сохранении духовной преемственности репрезентируемого этноса. Автор указывает, что образовательные и воспитательные приоритеты до настоящего времени сохраняют актуальность для этнического женского журнала, что отличает его от популярно-массового женского журнала, ориентированного на массовую культуру и, как правило, внешнюю эстетизацию гендера. Автор утверждает, что образовательные и воспитательные приоритеты до настоящего времени сохраняют актуальность для этнического женского журнала, что отличает его от популярно-массового женского журнала, ориентированного на массовую культуру и, как правило, внешнюю эстетизацию гендера. Крымскотатарский женский журнал способствует сохранению и передаче национальных представлений о женственности, ценностных критериев и моделей гендерного поведения, поскольку стереотипы, формируемые массовым женским журналом, не всегда соответствуют представлениям, нормам и ценностям крымских татар.
Ключевые слова: этническая журналистика, этнический женский журнал, крымскотатарская пресса, крымские татары.

ВВЕДЕНИЕ

Этническая пресса в современном обществе выполняет ряд задач:

помогает репрезентации своего этноса на государственном и международном уровнях, стремясь быть максимально действенной в решении его проблем и освещении его достижений;

содействует сохранению национальной идентичности, национальных ценностей, традиций и обычаев, национальной исторической памяти, развитию национальной культуры и национального языка;

способствует воспитанию подрастающего поколения в духе исторической преемственности и уважительного отношения к национальным ценностям;

благоприятствует консолидации своего этноса;

ведет межкультурный диалог, привлекает внимание власти и общественности к событиям жизни и проблемам культурно-национальных автономий

и, в конечном итоге, содействует развитию толерантного, цивилизованного, демократичного подхода к национальным и конфессиональным проблемам [31, с. 28-29].

В системе этнических изданий женскому журналу отводится особая воспитательно-образовательная роль, поскольку именно на его аудиторию традиционно ложится ответственность за сохранение домашнего очага, национальных ценностей и воспитание подрастающего поколения.

Это хорошо понимал великий крымскотатарский просветитель И. Гаспринский, выпустивший первый в тюркско-мусульманском мире журнал для женщин – «Алем-и-нисван» («Женский мир») (1906). «Известным фактом является то, что если женщины будут физически здоровы, порядочны, целомудренны, заботливы, тогда и нации будут свойственны эти качества, она будет здоровой, крепкой и умной. Если же они будут вести нездоровый образ жизни, будут непорядочны, невоспитанны, невежественны, тогда всей нации будут присущи эти качества», – писал он в очерке «Кадынлар» («Женщины») в 1903 году [10, с. 30].

Образовательно-воспитательные приоритеты до настоящего времени сохраняют актуальность для этнического женского журнала, что отличает его от популярно-массового женского журнала, ориентированного на массовую культуру и, как правило, внешнюю эстетизацию гендера.

Помимо этого, этнический женский журнал способствует сохранению и передаче принятых в этническом сообществе представлений о женственности, ценностных критериев и моделей гендерного поведения, поскольку стереотипы, формируемые массовым женским журналом, не всегда соответствуют представлениям, нормам и ценностям определенного этноса. Как справедливо указала В. Смеюха: «В программные концепции массовой женской периодики не входит освещение интересов женского аудиторного сегмента, проживающего на территории национальных республик, принадлежащего к этническим сообществам. Между тем данная задача представляется важной в условиях российского мультикультуризма и полиэтничности. Национальный аспект формирует специфику

гендерного поведения (обусловливает поведение женщины, ее внешний вид, отношение к браку, воспитанию детей и т.д.)» [24, с. 173].

Таким образом, этнический женский журнал, предназначенный для удовлетворения информационных запросов аудитории, сочетающей гендерную и этническую идентификацию, занимает особую нишу в системе прессы. В Российской Федерации указанным критериям соответствуют журналы «Женщина Дагестана» (Дагестан), «Сююмбике» (Татарстан), «Башкортостан кызы» (Башкортостан), в создан интернет-журнал «Леди гор» (Ингушетия), «Нана» (Чеченская Республика Ичкерия), «Далбар хотун» (Якутия) и др., а также крымскотатарские издания «Арзы» и «Ненкеджан» (Республика Крым).

Цель нашей статьи – обобщить опыт развития крымскотатарского женского журнала от момента его возникновения до настоящего времени.

Указанная цель обусловила решение следующих задач:

описать крымскотатарские женские журналы, выходившие в Крыму, определить их особенности;

обозначить основные тенденции развития крымскотатарской женской прессы;

определить место женского журнала в системе прессы и его значение в сохранении духовной преемственности своего народа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Первые попытки организации крымскотатарского женского журнала относятся к 80-м годам XIX в. Инициатором открытия журнала для мусульманской женщины стал крымскотатарский просветитель, редактор газеты «Терджиман» Исмаил Гаспринский. Воспитанию женщины-матери – первой учительницы и наставницы своих детей – он хотел посвятить журнал для мусульманок «Тербие» (Воспитание), редактором которого должна была стать его жена Биби Зехра Гаспринская, однако этот проект в 1887 г. был отклонен Главным Управлением по делам печати [2, с.146-148].

В 1891 г. Гаспринский вновь попытался открыть периодическое издание для женщин – приложение к своей газете под названием «Кадын» («Женщина»). Но и это издание было отвергнуто петербургскими чиновниками [2, с. 148-149].

Таким образом, до открытия И. Гаспринским женского журнала «Алем-и-нисван» («Женский мир»), его газета «Терджиман» оставалась единственной трибуной, с которой он мог говорить о проблемах и культурных потребностях мусульманских женщин.

Уже первый, экспериментальный выпуск газеты – «Нешрият Исмаилие. Терджиман» – содержал программную статью своего издателя «Нужно ли учить женщин?». В ней Гаспринский рассказал об открытии в Тифлисе женского мусульманского училища, о существовании подобных школ у турок, арабов и в Индии. Одним из первых в России Гаспринский отважился напомнить, что Шариат не запрещает обучения женщин. «Мы родимся от женщины, растем и начинаем говорить на руках женщины, живем, работаем с женщинами и, наконец, умираем возле женщины – жены или матери, получая последнее облегчение от них. Грешно оставлять их темными, как животных», – настаивает автор и заключает: «Чем ученей, воспитанней будет женщина, тем полезней она будет как дочь, сестра, жена и мать» [23].

В первый год своего выхода «Переводчик» критически отозвался на распоряжение турецкого мусульманского главы – шейх-уль-ислама – о необходимости ношения мусульманками более плотных ритуальных покрывал [25] и известие о приобретении марокканским султаном тысячной женщины в свой гарем [26].

В статье «К положению женщин-мусульманок» И. Гаспринский на многочисленных примерах показал бесправие мусульманских женщин, невозможность их обращения на практике к законам Шариата, защищающим элементарные права женщины в семейной жизни. В заключение он призвал к созданию государственной правовой системы защиты женщин: «Проблему надо поставить так, чтобы никто не мог нарушить шариат и справедливость по отношению

к женщинам. Государство законодательно должно обеспечить защиту женщин-мусульманок, чтобы они могли обратиться с иском в суд» [12].

Данную тему редактор газеты продолжил и в статье «Где корень зла? (вопрос о разводе)», раскрывая страшную правду: тысячи женщин терпят гнет, насилие, унижения, совершаемые их мужьями-ничтожествами. В этой публикации он выступил и против мусульманского духовенства, входящего в сговор с бессовестными мужьями и прикрывающего их преступления шариатом. «Коран можно перевести одним словом, – утверждает Гаспринский, – его суть – справедливость! Все низкие беззаконные поступки, стремящиеся прикрыться положениями Корана, целиком и полностью противоречат Богу и Корану» [9].

Высмеивая и осуждая случаи варварского отношения к женщине, «Терджиман» постоянно приводил примеры женской эмансипации: открытие школ для девочек, получение женщинами-мусульманками высшего образования. 29 сентября 1897 г. газета опубликовала информацию о том, что одна из крымских мурзачек Зейнеб-ханым Булгакова поступила в Санкт-Петербургское высшее медицинское училище для подготовки женщин-врачей. Образцы появления мудрых и просвещенных женщин-мусульманок «Переводчик» находил и в прошлом: в номере за 22 октября 1897 г. он рассказал о супруге Менгли-Гирея крымской царице Нур-Султан, которая вела переписку с московскими государями Иваном III и Василием III и в 1510 г. побывала с Москве, где гостила свыше пяти месяцев.

Женский вопрос всегда оставался актуальным на страницах газеты «Терджиман». В целом, проблеме эмансипации «Терджиман» посвятил десятки статей и заметок, рассказывавших как о бесправном положении мусульманских женщин, так и о росте их самосознания [31, с. 45–46]: «Шариат девочке тоже разрешает учиться» [18], «Враги женщины-мусульманки» [8], «Обращение к редакции касимовских девушек» [15], «Процесс обучения девочек» [19], «К проблеме женщин» [13], «Ислам и права женщины» [11], «О правах женщин» [14], «Опять о правах женщин» [16], «Положение девушек и женщин в Крыму» [17] и др.

Ситуацию с открытием женского журнала изменила первая русская революция. Первым изданием И. Гаспринского, появившимся в результате дарованной

революцией свободы слова, стал журнал для женщин-мусульманок «Алем-и-нисван» («Женский мир»).

11 июля 1905 г. И. Гаспринский обратился в Главное управление по делам печати с прошением об издании еженедельного журнала на татарском языке под названием «Алем-и-нисван» («Женский мир»).

21 октября 1905 г. «Терджиман» сообщил: «Высочайший манифест 17 октября открывает собой новую, блестящую эпоху в истории и жизни другой Руси. Отныне свободные, правоспособные русские граждане легко и быстро пойдут по пути интенсивного развития. Чтобы отметить этот великий, лучезарный день посильной славой, объявляем нашим дорогим читателям, что во славу и память его мы, если что не помешает, приступим к изданию специального еженедельного журнала специально для мусульманок, под названием «Женский мир», начав тем самым освещение этого нашего мира общечеловеческими и полезными знаниями» [27].

3 ноября 1905 г. И. Гаспринскому было разрешено издание журнала по следующей программе:

Правительственные распоряжения и законы, касающиеся прав, обязанностей, труда и образования женщины.

Практические сведения по хозяйству, домашней и детской гигиене и воспитанию.

Домашний труд: рукоделье, тканье, ковровое производство и шелководство, с пояснительными рисунками и чертежами.

Женская жизнь и деятельность у разных народов, биографии знаменитых женщин, с портретами и пояснительными рисунками.

Сведения из элементарных знаний, рассказы, повести, очерки, путешествия, стихотворения, письма и вопросы читательниц, ответы редакции.

Смесь – открытия, изобретения и научные повести.

Объявления [4].

Годовая подписная цена с пересылкой определялась в 3 рубля. Редактором-издателем был заявлен И. Гаспринский, заведующей редакцией и конторой – его дочь Шефика-Султан Гаспринская.

«Алем-и-нисван» читали не только в Крыму, но и в Египте, Туркестане, Индии, Японии. Материалы журнала использовали и специализированные ориенталистские издания Европы, например, французский журнал «Revue de Monde musulman».

Первый номер журнала вышел 3 марта 1906 г. Подзаголовок издания в 1906 г. гласил: «Еженедельный женский литературно-просветительский журнал», в 1907 г. – «Еженедельный тюркский научно-литературный, иллюстрированный журнал», в 1910 г. – «Бахчисарайское литературно-социальное издание» [29, с. 42].

К сожалению, «Алем-и-нисван» выходил нечасто и нерегулярно – согласно данным С. Гафарова, в 1906 г. четырежды, в 1908–1909 гг. – не выходил, в 1910 г. – с № 28 по № 53 (с перерывами), в 1911 г. – с № 3 по № 52 (с перерывами) [20, с. 206-221], и в 1910–1911 гг. из отдельного издания превратился в приложение к «Терджиману».

Тем не менее, сложно переоценить роль данного журнала как в процессе эмансипации мусульманских женщин, так и в истории крымскотатарской журналистики, не раз впоследствии возвращавшейся к идее создания национального женского печатного органа.

В период отсутствия печатного крымскотатарского женского издания в Симферополе 20 января 1922 г. ученицами татарского женского педагогического училища была осуществлена попытка выпуска рукописного журнала «Ненкеджан» (Ненкеджан – дочь легендарного Тохтамыша, с именем которой связано несколько романтических крымскотатарских легенд). На 24 страницах журнала содержалось 14 публикаций, включая статью ученицы Асие Улуозенли «Аркъадашларыма» («Моим товарищам»), посвященную проблемам обучения молодежи, лирическое стихотворение Гафуре Кючюкозенли «Аркъадашыма» («Моему другу»), рассказ Азавдан Кельмен «Шехирден коюну айырмагъан къыз» («Девушка, которая не отличает село от города») и др. [30, с. 362].

Что касается печатных изданий, то на протяжении 1920-х гг. потребность в периодике для эмансипирующихся на глазах восточных женщин частично удовлетворяли «женские» рубрики, существовавшие в газетах «Ени дюнья» и «Ильк адым», и казанские женские издания [5], выписывавшиеся ежемесячно для женских

уголков. Однако ни привозная литература (тем более в количестве всего 10–12 экземпляров), ни изредка публикуемые в специальных рубриках материалы не могли заменить создания местного специализированного женского журнала, тем более что опыт такого издания уже имелся у крымских татар.

Поэтому, учитывая «растущую потребность татарок работниц и колхозниц в литературе на татарском языке» и в целях «усиления их обслуживания», 5 января 1932 г. секретариат крымского обкома ВКП (б) принял решение об открытии ежемесячного общественно-политического и литературного женского журнала на крымскотатарском языке «Совет къадынлыгъы» («Советская женщина») (1932–1941) (в 1932–1936 – «Къадынлыкъ социализм йолунда» («Женщина на пути к социализму»)), органа Крымского обкома ВКП (б) [6]. В редакционную коллегию вошли Ребие Бекировна Бекирова (педагог, общественный деятель, член крымского обкома ВКП(б), в 1934–1937 гг. – нарком здравоохранения Крымской АССР), Абибулла Баккал (директор Крымского государственного татарского театра), Джаферов [7]. Тираж журнала был установлен в размере 3000 экземпляров [7] (впоследствии редакция журнала неоднократно пыталась достичь указанного показателя, однако реальный ежемесячный тираж в 1936 г. составлял 1490 экз., а в 1938 1210 экз.) [21, с. 26]. С 1 октября 1935 г. решением бюро Крымского обкома ВКП (б) с целью улучшения качества журнала, обеспечения его своевременного выхода, увеличения тиража, ликвидации задолженности по гонорарам перед авторами журнал был передан газете «Янъы дюнья» для выпуска в качестве приложения за отдельную плату [3].

В 1932 году вышло 9 номеров журнала, с 1933 по 1936 г. и с 1938 по 1940 гг.– 12 номеров, в 1937 году – 7 номеров, в 1941 году – 6 номеров.

Исследуя центральные советские журналы 1930-х гг. для женщин «Работница» и «Крестьянка», О. Д. Минаева отмечает, что они стали пропагандистским рупором трансляции новых, коммунистических ценностей, реформы быта и деконструкции патриархальной семьи, культа ударниц и стахановок, создания новых привлекательных сценариев жизни советских женщин, а в довоенный период – и военной пропаганды [22]. В той или иной степени все указанные черты были

присущи и крымскотатарскому женскому журналу 1930-х годов: имидж образованной мусульманки, хранительницы национальных традиций, культивировавшийся И. Гаспринским, на страницах «Совет къадынлыгъы» трансформировался в женщину-ударницу, еще говорившую по-крымскотатарски, но уже мыслящую по-советски. И эту подмену нельзя считать ни равноценной, ни позитивной. Выполняя важную функцию поддержания национального языка, крымскотатарские издания 1930-х гг. больше ни в чем не обнаруживали свою этничность: они отражали не национальную, а «партийную» картину мира в русле проходящих кампаний (коллективизации, индустриализации, партийных чисток, антирелигиозной пропаганды и т.д.) Так был воплощен знаменитый сталинский тезис о культуре, «национальной по форме и пролетарской по содержанию».

Война и депортация надолго прервали поступательное развитие крымскотатарской прессы для женщин. Традиции крымскотатарского женского журнала были восстановлены после длительного перерыва только в марте 2010 года, когда в Симферополе вышел в свет журнал «Арзы» (главный редактор – Лентара Халилова), а ровно через год, в марте в 2011 г., к нему присоединился еще один журнал для крымскотатарских женщин – «Nenkecan» («Ненкеджан») (главный редактор – Зера Бекирова).

И «Арзы», и «Ненкеджан» позиционируют себя как продолжатели издательского дела Исмаила Гаспринского и его журнала «Алем-и-нисван» («Женский мир»). При этом в самом названии журнала «Ненкеджан» есть ссылка на еще один исторический источник – вышеупомянутый рукописный журнал «Ненкеджан», выпущенный в 1922 г. в Симферополе.

Расчетная аудитория журналов совпадает не полностью: «Арзы» издается на крымскотатарском (кириллицей) и русском языках, а значит, рассчитан в первую очередь на «внутреннего» потребителя, а «Ненкеджан» выходит исключительно на крымскотатарском языке (латиницей), что, по мнению его издателей, должно способствовать его распространению не только в Крыму, но и в диаспоре.

По формату (А 4), оформлению (цветной иллюстрированный журнал) в национальном стиле, заявленной периодичности (четыре раза в год), гендерно-

этнической направленности и ведущей тематике публикаций (судьбы крымскотатарских женщин, современное положение крымской татарки, крымскотатарское искусство, крымскотатарская история, национальные традиции крымских татар, религия (ислам)) оба журнала схожи.

Общими являются и проблемы изданий: в настоящее время журналы «Арзы» и «Ненкеджан» являются дотационными и выходят благодаря поддержке правительства Крыма («Арзы») и спонсоров («Ненкеджан»). По финансовым причинам выпуск журналов является нерегулярным: с начала выхода по настоящее время было издано 12 номеров «Арзы» (последний номер был выпущен в 2015 г.) и 18 номеров «Ненкеджан».

При этом издатели «Арзы» больше внимания уделяют социальной проблематике, а особенностью «Ненкеджан» являются научно-популярные статьи на крымскотатарскую тематику.

Положительным качеством крымскотатарских женских изданий является глубина их материалов и серьезность представления информации. В отличие от глянцевых журналов для женщин, которые развлекают читательниц рассказами о сенсациях, жизни звезд, светских мероприятиях, модных курортах, новинках косметики и косметологии, секретах интимной жизни и т.п., редакции «Арзы» и «Ненкеджан» осознанно выполняют просветительско-воспитательные функции, ставят перед собой цель сохранения крымскотатарской национальной идентичности.

Отрадно наблюдать, что вместо светских «львов» и «львиц», которые давно стали настоящими «героями» глянца, полосы крымскотатарских изданий занимают настоящие героини – крымские татарки, которые достигли успеха благодаря уму, энергии, таланту, настойчивости: певицы, художницы, дизайнеры, танцовщицы, ученые, общественные деятельницы. Они служат примером для тысяч читателей и вызывают у них чувство национальной гордости.

Непривычными для рядовых читательниц женских изданий являются и советы гостей рубрики «Къадынларнынъ сырлары» («Женские секреты») в «Арзы»: речь идет не о косметических процедурах или пластической хирургии, а о таких вечных

ценностях, как любовь, талант, вдохновение, доброта, которые не только придают силы и желание жить, но и одаривают молодостью и красотой.

Целью самосохранения нации продиктовано и повышенное внимание редакций к таким темам, как крымскотатарские история, язык, литература и фольклор, искусство и образование.

Общей чертой крымскотатарских журналов является и наличие при них общественных советов, в которые вошли выдающиеся представительницы крымскотатарской интеллигенции, а также женщины-ученые некрымскотатарского происхождения, исследующие крымскотатарскую проблематику (среди крымскотатарских периодических изданий традиция создания общественного совета при редакции была заложена газетой «Голос Крыма»).

Сближает «Арзы» и «Ненкеджан» и активная гражданская позиция их редакций, которые инициируют и проводят многочисленные общественные мероприятия: круглые столы по обсуждению важных проблем крымскотатарского сообщества, торжественные презентации номеров своих журналов и т.д., различные конкурсыи принимают участие в международных и национальных конференциях, симпозиумах и т.п.

Например, в начале 2012 г. редакция «Арзы» вместе с Крымскотатарской библиотекой им. И. Гаспринского проводила «круглый стол», посвященный возрождению и развитию национальных традиций, обычаев, обрядов, языка крымских татар. В рамках «круглого стола» были рассмотрены пути и формы развития языка, национальных традиций, обычаев, обрядов крымских татар, а также состоялась презентация очередного (№ 5-6) номера журнала «Арзы».

Журнал «Ненкеджан» участвует в съездах литературных журналов Международной организации тюркской культуры (ТюрКСОЙ), сотрудничает с Союзом писателей Евразии. При поддержке издания в Крыму неоднократно проводился крымский этап международного конкурса имени Махмуда Кашгари на лучший рассказ. Все рассказы, представленные на конкурс, впоследствии публикуются в журнале.

При редакции журнала «Ненкеджан» работает одноименный женский клуб, который проводит творческие вечера, литературные чтения, научные экспедиции с целью изучения крымскотатарского языка, истории, фольклора и народных обрядов, принимает участие в международных женских конференциях, акциях, организует конкурсы и выставки рукодельниц.

К сожалению, до сих пор у крымскотатарских женских журналов нет интернет-версий. При этом редакция «Арзы» контактирует со своей реальной и потенциальной аудиторией через официальную страницу журнала в соцсети «Одноклассники».

«Арзы» – это крымскотатарское женское имя. В переводе оно означает «мечта», «желание». С этим именем тесно связана поэтическая крымскотатарская легенда об Арзы-кыз (девушке-мечте).

Уже первом номере журнала были обозначены его главные проблемно-тематические ориентиры: «На страницах журнала «Арзы» будут раскрываться вопросы, связанные с правами женщины и их статусом в обществе и семье. Основные темы – это крымскотатарский язык, культура, традиции и обычаи, здоровье, отношения матери и ребенка, психология и женитьба. Кроме этого, на страницах журнала будут подниматься вопросы демографии, этики и морали и воспитания детей. В журнале каждая женщина найдет ответы на интересующие ее вопросы» [28, с. 2].

Постоянными рубриками журнала являются: «Къадын такъдиры» («Женские судьбы»), «Сюргюнлик фаджиасы» («Трагедия депортации»), «Фольклор инкишафы огърунда» («На путях развития фольклора»), «Миллий ананелеримиз» («Национальные обычаи и традиции»), «Бизим мешур къадынларымыз» («Наши известные женщины), «Крымскотатарская женщина глазами мужчин», «Тойлар олсун» («Пусть будут свадьбы»), «Психологнынъ тевсиелеры» («Советы психологов»), «Милий ашларымыз» («Национальные блюда»), «Актуаль мевзусы» («Актуальная тема»), «Сесленюв» («Отзыв»), «Сагълыгъымыз» («Наше здоровье»), «Ренклы саифелер» («Цветные страницы» – рубрика приветствий), «Ислам ве къадын» («Ислам и женщина»).

Целый ряд рубрик посвящен искусству и людям искусства: «Миллий санат алеминден» (Национальное искусство»), «Яш йырджыларымыз» («Наши молодые певцы»), «Яш санаткярларымыз» («Юные деятели искусств»), «Йырлар дюньясы» («Мир песни»), «Эдебият саифесы» («Литературная страница») и др.

Отдельного внимания заслуживает детская рубрика «Балалар саифесы» («Детская страничка»), в которой печатаются литературные произведения для детей.

Женская аудитория «Арзы» не ограничивается возрастными рамками. Издание ориентировано на женщин всех возрастов.

Количество полос варьируется в зависимости от времени выхода журнала и наличия информации, однако в среднем объем номера составляет 58 полос вместе с обложкой.

Журнал прошел регистрацию в Роскомнадзоре [1]:

Номер свидетельства	ПИ № ТУ 9100097
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Журнал "Арзы"
Дата регистрации	31.12.2014
Форма распространения	печатное СМИ журнал
Территория распространения	Республика Крым
Учредители	Крымская региональная общественная организация "Крымскотатарский национальный центр "Женский мир" ("Алем и Нисван")

Адрес редакции	295024, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Кестане, д. 7
Языки	крымскотатарский, русский

Заявленный тираж издания – 1000 экземпляров, 350 из которых поступает в библиотеки республики.

Название другого женского журнала – «Nenkecan» – отсылает нас к легендарной Ненкеджан-ханым. О Джанике-ханум (Ненкеджан) в первом номере журнала рассказывает в историческом исследовании Шакир Курмоллаев, источникам возникновения журнала «Ненкеджан» также посвящены статьи Ленияры Селимовой о первом тюркском женском журнале «Алем-и нисван», Гаяны Юксель о крымскотатарском женском рукописном журнале «Ненкеджан», Севиль Керимовой о спектакле крымскотатарского театра «Ненкеджан-ханым».

Как уже было отмечено, в журнале «Ненкеджан» акцент делается именно на научно-популярные публикации (журнал позиционирует себя как «литературно-художественный, научно-популярный»). Поэтому каждый из номеров предлагает одновременно несколько подготовленных учеными статей о крымскотатарских культуре, искусстве, истории.

Все номера журнала начинаются вступительным словом главного редактора З. Бекировой «Sevgili oquycilarimiz!» («Любимым читательницам»).

Популярной является рубрика «Musafir qalem» («Писатели – гости издания»), в которой слово предоставляется писательницам и поэтессам из крымскотатарских диаспор Хорватии, Туркменистана, Канады, Америки.

В рубрике «Tanis oluniz» («Знакомьтесь») рассказывается о крымскотатарских женщинах, ставших известными в Крыму и за его пределами

Важное место в издании занимает рубрика «Фотохудожник». Предпочтение в ней отдается женщинам-фотографам.

В издании широко представлены жизнь и деятельность крымскотатарских диаспор в Болгарии, Турции, Польше и других странах.

В журнале публикуются произведения крымскотатарских писателей и поэтов.

Редакция «Ненкеджан» сознательно отказалась от рекламы, а также таких структурных элементов популярного женского журнала, как рубрики моды, светской жизни, красоты и т.д.

Журнал не зарегистрирован в Роскомнадзоре, т.к. выходит тиражом менее 1000 экземпляров.

ВЫВОДЫ

Особая роль этнического женского журнала в системе СМИ состоит в том, что он предоставляет представительницам этнических групп информацию о традиционном и современном статусе женщины в этническом сообществе, об этнически маркированных нормах ее поведения, о национальных ценностях и традициях, о родной истории и культуре, поддерживает знание родного языка и помогает воспитанию детей в национальном духе.

Анализ развития крымскотатарского женского журнала как типа издания показывает, что он изначально был нацелен на выполнение просветительских и воспитательных функций, распространение среди читательниц знаний по истории, культуре и искусству своего народа.

Эти черты в полной мере присущи как журналу Исмаила Гаспринского «Алем-и-нисван» (1906-1911), так и современным крымскотатарским женским изданиям «Арзы» и «Ненкеджан».

Открытый в 1932 гг. Крымским обкомом ВКП (б) женский журнал «Къыдынлыкъ социализм йолунда/ Совет къадынлдыгъы!» (1932-1941), как и вся советская пресса 1930-х годов, был нацелен не на сохранение национальной культуры, а на внедрение в сознание крымскотатарских женщин новых ценностей. В то же время, при всех своих недостатках, этот журнал внес позитивный вклад в развитие женского вопроса у крымских татар, поддерживая статус активной, грамотной крымскотатарской женщины и развивая крымскотатарский язык.

«Арзы» и «Ненкеджан» также способствуют развитию родного языка и обучению ему подрастающего поколения, а русскоязычные материалы журнала

«Арзы» формируют положительный имидж крымскотатарского народа в полиэтнической среде Крыма.

Современные крымскотатарские женские журналы являются дотационными и требуют государственной или спонсорской финансовой поддержки. Недостатком указанных изданий является то, что они выходят только в бумажной версии и недоступны онлайн.

Список литературы

1. Арзы [Электронный ресурс] // Роскомнадзор (Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций) : официальный web-сайт. Перечень наименований зарегистрированных СМИ. – Режим доступа: https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/|media/?id=534147. – (Дата обращения: 11.08.2017).
2. Ганкевич, В. Ю. На службе правде и просвещению: краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851 – 1914 гг.) [Текст] / В. Ганкевич. – Симферополь: Доля, 2000. – 328 с.
3. ГАРК. Ф. 1 [Текст]. – Оп. 1. – Д. 1397. – Л. 224 (об).
4. ГАРК. Ф. 26 [Текст]. – Оп. 3. – Д. 468. – Л. 2.
5. ГАРК. Ф. 1 [Текст]. – Оп. 1. – Д. 571. – Л.224.
6. ГАРК. Ф. 1 [Текст]. – Оп.1. – Д. 1143. – Л. 1.
7. ГАРК. Ф. 1 [Текст]. – Оп.1. – Д. 1143. – Л. 75.
8. Гаспринский, И. Враги женщины-мусульманки [Текст] / И. Гаспринский // Терджиман. – 1896. – № 28.
9. Гаспринский, И. Где корень зла? (вопрос о разводе) [Текст] / И. Гаспринский // Терджиман. – 1902. – №№ 36–39.
10. Гаспринский, И. Женщины [Текст] / И. Гаспринский // Гаспринский, И. Кадынлар. Проблески культурного движения татар. Очерки / И. Гаспринский. – Симферополь: ООО «Форма», 2016. – 64 с.
11. Гаспринский, И. Ислам и права женщины [Текст] / И. Гаспринский // Терджиман. – 1909. – № 35. – 28 августа.

12. Гаспринский, И. К положению женщин-мусульманок [Текст] / И. Гаспринский // Терджиман. – 1899. – № 48.
13. Гаспринский, И. К проблеме женщин [Текст] / И. Гаспринский // Терджиман. – 1904. – № 88. – 2 ноября.
14. Гаспринский, И. О правах женщин [Текст] / И. Гаспринский // Терджиман. – 1913. – № 74. – 31 марта.
15. Гаспринский, И. Обращение к редакции касимовских девушек [Текст] / И. Гаспринский // Терджиман. – 1898. – № 51.
16. Гаспринский, И. Опять о правах женщин [Текст] / И. Гаспринский // Терджиман. – 1913. – № 91. – 23 апреля.
17. Гаспринский, И. Положение женщин и девушек в Крыму [Текст] / И. Гаспринский // Терджиман. – 1913. – № 201. – 12 сентября.
18. Гаспринский, И. Шариат девочке тоже разрешает учиться [Текст] / И. Гаспринский // Терджиман. – 1899. – № 36.
19. Гаспринский, И. Процесс обучения девочек [Текст] / И. Гаспринский // Терджиман. – 1901. – № 26. – 16 июля.
20. Гафаров, С. Исмаил Гаспринский – великий просветитель [Текст] / С. Гафаров. – Симферополь: Тарпан, 2001. – 256 с.
21. Змерзлый, Б. В. Создание и деятельность журналов на крымскотатарском языке в Крымской АССР [Текст] / Б. Змерзлый // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2005. – № 1. – Т. 18 (57). – С. 25–30.
22. Минаева, О. Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ [Текст] / О. Д. Минаева. – Москва : МедиаМир, 2015. – 232 с.
23. Нешрият Исмаилие. Терджиман [Текст]. – 1882. – 5 августа.
24. Смеюха, В. Женская пресса и национальная аудитория [Текст] / В. Смеюха // Вестник Чеченского государственного университета. Филология. – 2013. – Вып. 2. – С. 172–176.
25. Терджиман [Текст]. – 1883. – № 22.

26. Терджиман [Текст]. – 1883. – № 28.
27. Терджиман [Текст]. – 1905. – № 85. – 21 октября.
28. Халилова, Л. Козюнъиз айдын, къырымтатар ханымлар! Энди бизим де меджмуамыз бар! [Текст] / Л. Халилова // Арзы. – 2010. – № 1. – С. 2.
29. Чубукчиева, Л. Женский вопрос на страницах журнала «Алеми нисван» [Текст] / Л. Чубукчиева // Гасырлар авазы / Эхо веков. – 2013. – Вып. 1/2. – С. 36–43.
30. Юксель, Г. З. Крымскотатарские рукописные издания [Текст] / Г. Юксель // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия "Филология. Социальные коммуникации". – Т. 24 (63). – 2011. – № 2. – Ч. 2. – С. 359–364.
31. Яблоновська, Н. В. Кримська журналістика: етнічні аспекти: Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів [Текст] / Н. Яблоновська. – Сімферополь: Кримнавчпеддержаввидав, 2008. – 290 с.

CRIMEAN TATAR'S WOMEN'S JOURNAL: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

N. V. Yablonovskaya

Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation

Summary. The article deals with the main stages of the Crimean Tatar's women's magazine development from *The Alem-i-Nisvan* by I. Gasprinsky (1906) to the modern editions *The Arzi* and *The Nenkecan*. The place of ethnic women's magazine in the press system and its significance in preserving the spiritual continuity of people. The author asserts that up to the present time educational priorities remain relevant for the ethnic women's magazine, which distinguishes it from the popular mass magazine being focused on mass culture and, as a rule, external aesthetization of gender.

The special role ethnic women's magazine plays in the media system is providing the representatives of ethnic groups with information about the traditional and contemporary status of women in the ethnic community, on the ethnically labeled norms of behavior, on national values and traditions, on its own history and culture. Ethnic women's magazine supports native language learning and national values education for children. The Crimean Tatar women's magazine promotes the preservation and transfer of national ideas about femininity, value criteria and patterns of gender behavior, since the stereotypes formed by the mass women's magazine do not always correspond to the ideas, norms and values of the Crimean Tatars.

Keywords: ethnic journalism, ethnic women's magazine, Crimean Tatar's press, Crimean Tatars.

References

1. *Arzy*. *Roskomnadzor (Federal'naya Suzhba po Nadzoru v Sfere Svyazi, Informatsionnykh Tekhnologii i Massovykh Kommunikatsii). Perechen' Naimenovanii Zaregistrirovannykh SMI* [Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications). List of Names of Registered Media.]. Available at: https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/?id=534147. (accessed 11 August, 2017).
2. Gankevich V. Yu. *Na Sluzhbe Pravde i Prosveshcheniyu: Kratkii Biograficheskii Ocherk Ismaila Gasprinskogo (1851 – 1914 gg.)* [In the Service of Truth and Enlightenment: a Brief Biographical Sketch of Ismail Gasprinsky (1851-1914)]. Simferopol: Dolya Publ., 2000. 328 p.
3. *GARK* [The State Archive of the Crimean Republic]. F. 1. Op. 1. F. 1397. S. 224 (rev.).
4. *GARK* [The State Archive of the Crimean Republic]. F. 26. Op. 3. F. 468. S. 2.
5. *GARK* [The State Archive of the Crimean Republic]. F. 1. Op. 1. F. 571. S. 224.
6. *GARK* [The State Archive of the Crimean Republic]. F. 1. Op. 1. F. 1143. S. 1.
7. *GARK* [The State Archive of the Crimean Republic]. F. 1. Op. 1. F. 1143. S. 75.
8. Gasprinskii I. *Vragi Zhenshchiny-Musul'manki* [Enemies of a Muslim Woman]. *Terdzhiman*, 1896, no 28.
9. Gasprinskii I. *Gde Koren' Zla? (Vopros o Razvode)* [Where is the Root of Evil? (The Question of Divorce)]. *Terdzhiman*, 1902, nn. 36–39.
10. Gasprinskii I. *Zhenshchiny*. Gasprinskii I. *Kadynlar. Probleski Kul'turnogo Dvizheniya Tatar. Ocherki* [Women. Glimpses of the Cultural Movement of the Tatars. Essays]. Simferopol: Forma Publ., 2016. 64 p.
11. Gasprinskii I. *Islam i Prava Zhenshchiny* [Islam and Women's Rights]. *Terdzhiman*, 1909, no 35, August 28.
12. Gasprinskii I. *K Polozheniyu Zhenshchin-Musul'manok* [To the Position of Muslim Women]. *Terdzhiman*, 1899, no 48.
13. Gasprinskii I. *K Probleme Zhenshchin* [To the Problem of Women]. *Terdzhiman*, 1904, no 88, November 2.

14. Gasprinskii I. *O Pravakh Zhenshchin* [About Women's Rights]. *Terdzhiman,* 1913, no 74, March 31.
15. Gasprinskii I. *Obrashchenie k Redaktsii Kasimovskikh devushek* [Appeal to the Editorial Office of Kasimov's Girls]. *Terdzhiman,* 1898, no 51.
16. Gasprinskii I. *Opyat' o Pravakh Zhenshchin* [Once Again about the Rights of Women]. *Terdzhiman,* 1913, no 91, April 23.
17. Gasprinskii I. *Polozhenie Zhenshchin i Devushek v Krymu* [The Status of Women and Girls in the Crimea]. *Terdzhiman,* 1913, no 201. – September 12.
18. Gasprinskii I. *Shariat Devochke Tozhe Razreshaet Uchitsya* [Shariah Also Allows a Girl to Study]. *Terdzhiman,* 1899, no 36.
19. Gasprinskii I. *Protsess Obucheniya Devochek* [The Process of Teaching Girls]. *Terdzhiman,* 1901, no 26, July 16.
20. Gafarov S. *Ismail Gasprinskii – Velikii Prosvetitel'* [Ismail Gasprinsky, the Great Enlightener]. Simferopol: Tarpan Publ., 2001. 256 p.
21. Zmerzlyi B. *Sozdanie i Deyatel'nost' Zhurnalov na Krymskotatarskom Yazyke v Krymskoi ASSR* [Creation and Activity of Journals in the Crimean Tatar Language in the Crimean ASSR]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsional'nogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo,* 2005, no 1, v. 18 (57), pp. 25–30.
22. Minaeva O. D. *Zhurnaly «Rabotnitsa» i «Krest'yanka» v Reshenii «Zhenskogo Voprosa» v SSSR v 1920–1930-e gg.: Model' Propagandistskogo Obespecheniya Sotsial'nykh Reform* [Magazines *The Rabotnitsa* and *The Krest'yanka* in the Solution of the «Women's Issue» in the USSR in the 1920s-1930s: The Model of Propaganda Support of Social Reforms]. Moscow: MediaMir, 2015. 232 p.
23. *Neshriyat Ismailie*. *Terdzhiman,* 1882, August 5.
24. Smeyukha V. *Zhenskaya Pressa i Natsional'naya Auditoriya* [Women's Press and National Audience]. *Vestnik Chechenskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya,* 2013, issue 2, pp. 172–176.
25. *Terdzhiman,* 1883, no 22.
26. *Terdzhiman,* 1883, no 28.
27. *Terdzhiman,* 1905, no 85, October 21.

28. Khalilova L. *Közüñiz aydın, qırımtatar hanımlar! Endi bizim de mecmuamız bar!* [I Congratulate You on the Joyful News, Crimean Tatar Women! With a Newborn Crimean Tatar Magazine!]. *Arzy*, 2010, no 1, p. 2.
29. Chubukchieva L. *Zhenskii Vopros na Stranitsakh Zhurnala «Alemi nisvan»* [The Women's Issue on the Pages of *The Alemi Nisvan Journal*]. *Gasyrlar avazy / Ekho vekov*, 2013, issue 1/2, pp. 36–43.
30. Yuksel' G. *Krymskotatarskie Rukopisnye Izdaniya* [Crimean Tatar Manuscript Editions]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsional'nogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*, vol. 24 (63), 2011, no 2, part 2, pp. 359–364.
31. Yablonovs'ka N. V. *Krims'ka Zhurnalistyka: Etnichni Aspekty* [Crimean Journalism: Ethnic Aspects]. Simferopol: Krymnavchpedderzhavvydav Publ., 2008. 290 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Филологические науки. Том 3 (69). № 1. 2017 г. С. 48–58.

2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 8.82´82-32

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ТУРЕЦКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПЕРИОДА КЕМАЛИСТСКИХ РЕФОРМ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЯКУБА КАДРИ КАРАОСМАНОГЛУ «ЧУЖАК» («YABAN»)

Башаран В. И., Нигматуллина А. М.

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань, Российская Федерация
e-mail: vinercik@hotmail.com, alsunigmatullina@mail.ru

В данной статье, на примере романа Якуба Кадри Караосманоглу «Чужак», исследуются проблемы взаимоотношений интеллигенции и жителей деревень, вопросы общественной жизни, становления турецкой нации, национального самосознания, модернизации. Тематика и проблемы, поднятые в романе, ярко характеризуют основные исторические и социально-политические проблемы республиканской Турции в 20-е годы XX века, что выделяет роман как среди других произведений турецкой литературы, так и среди произведений данного автора. Литература исследуемого периода явление неоднородное. В ней как никогда раньше, отчетливо отразились различные умонастроения и взгляды турецких писателей на происходящее. Очевидно и то, что они отличны по трактовке одного очень существенного момента – роли главного участника национально-освободительной войны, народа. Роман, с этой точки зрения, реалистичен и демонстрирует все противоречия и отчужденность, которые лежат в основе взаимоотношений народа и интеллигенции.
Ключевые слова: кемализм, народ, интеллигенция, патриотизм, отчуждение

ВВЕДЕНИЕ

После установления республики в 30-е годы литература Турции, как и все общество в целом переживала сложный, переломный этап своего развития. Была основана республика, но структурно-институциональные, а в большей степени и общественные противоречия, оставшиеся в наследство от Османской империи, продолжали существовать и в республиканской Турции. В 30-е годы в стране шла непримиримая борьба между сторонниками радикального обновления литературы и искусства и теми, кто отстаивал принципы старой, отжившей традиционной культуры. Перед писателями стоял вопрос о «турецкой идентичности», когда выдвигалась идея о том, что «основой Турецкого государства должна быть культура», но не традиционная исламская, а современная светская культура, когда за точку основы брались западные образцы [6, с. 229-240].

В творчестве ряда писателей нашла свое отражение широко пропагандировавшаяся в то время «культурная революция», включавшая в себя кроме просветительской деятельности и пропаганду идей кемализма. Здесь достаточно вспомнить такие романы как: «Убейте блудницу» Халиде Эдип Адывар [3], «Особняк сдается» Якуба Кадри Караосманоглу [11], «Пустыня» Абдюльхака Хамита Тархана [15]. Образ интеллигента - просветителя народа выдвинулся на первый план и наделялся еще другими чертами: это патриот, ставящий государственные интересы выше личных, бескорыстный реалист, весь устремленный в будущее. В то же время это человек, который пытается найти свое место в меняющемся мире, который осознает свою избранность и берет на себя миссию просвещения народа.

Необходимо отметить, что литература 20-30-х годов во многом обновляется и перестраивается. Расширяется круг литературных героев: это уже представители всех социальных групп турецкого общества. Меняется подход и принцип изображения прежних главных героев литературы – интеллигентов (офицеров, художников, врачей и т.п.). Более того, переосмысление образной системы и общего звучания произведения в целом приводит к тому, что на смену сугубо личным чувствам и душевным переживаниям герои оказываются в новых обстоятельствах, сталкиваются с новыми идеями и с новыми людьми. Писатели начинают исследовать их взаимоотношения с обществом в целом, с народом. Характеры героев раскрываются через общественный конфликт, судьбы их формируются в связи с историческими и социально-экономическими условиями. Осознание этого приводит к пониманию писателями-реалистами того, что до тех пор, пока в турецкой литературе не отражена жизнь турецких крестьян, являющихся наиболее многочисленным и основным классом страны, нельзя считать, что в Турции есть литература [2, с. 249].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Крестьянская тема в турецкой литературе начинает активно рассматриваться с конца XIX в. Жестокая эксплуатация и угнетение турецкого крестьянства помещиками,

ростовщиками, торговцами и разного рода представителями властей еще больше усугубляет и без того бесправное положение народа. Обращение к этой теме становится основой творчества прогрессивных писателей и со временем приобретает новое звучание.

С этой точки зрения большой интерес вызывает роман Якуба Кадри Караосманоглу (1889-1974) «Чужак» («Yaban», 1932), в котором автор разрабатывает как патриотическую тему, так и вопросы общественной жизни, становления турецкой нации, национального самосознания, модернизации, проблемы взаимоотношений интеллигенции и жителей деревень[14]. Поэтому это произведение Я. Кадри, являвшегося искренним поборником идеалов республики и принципов основателя Турецкой Республики Мустафы Кемаля, представляет собой не только литературное творение, но и успешный пример того, как турецкая интеллигенция брала на себя миссию просвещения народа.

Правда, трактовка образа крестьянина в отличие от предшественников Садри Эртема, Яшара Кемаля, Ака Гюндюза и др., у Я. Кадри выглядит несколько иначе. В галерее крестьян, изображенных в романе Якуба Кадри «Чужак» нет ни одного красивого, сильного, физически нормального человека, все они наделены физическими недостатками: косые, горбатые, хромые и пр., а это значит, что автор идет на сознательно отрицательную характеристику, хотя в романе и говорится о тяжелой жизни крестьян [2, с. 253]: (*Buraya geldiğim günden beri, kadın veya kız denilmeğe layık tek bir yaratık dahi görmedim*) [9, с. 18]. «*С того дня, как я сюда приехал, я не видел ни одного существа, которое было бы достойно называться женщиной или девушкой*»; (*Bu çocuk tıpkı sakat keçiye benzer*) [9, с. 39]. *«Этот мальчик похож на козла-калеку»* (здесь и далее перевод наш)

Таким образом, различные авторские оценки, позиции, различное мировоззрение и отношение к народу, к простому человеку-крестьянину – обусловили разную трактовку и образов крестьян и их роли в национально-освободительной борьбе [2, с. 254].

В романе «Чужак», написанном после установления республики, писатель противопоставляет крестьянина интеллигенту, героями войны избираются офицеры, а народ представляется как пассивная несознательная масса. Вообще роман Я. Кадри

«Чужак» стал одним из наиболее дискуссионных в плане трактовки общественных идеалов буржуазной интеллигенции. Я. Кадри, искренний поборник «идеального кемализма», написал этот роман в значительной мере с пропагандистской целью поддержать предпринятый Ататюрком в начале 1930-х гг. «просветительский рывок», с помощью которого предполагалось решить многие кадровые и социально-экономические проблемы.

Действие романа «Чужак» происходит в 1919-1921 годах в деревне Анатолии между рекой Порсук и равниной Хаймана, которая не была оккупирована. Жизнь крестьян освещается со слов Ахмета Джеляля – офицера, раненного на войне, воодушевленного идеями патриотизма и национального единения, который решает поселиться в глухой турецкой деревне, чтобы сблизиться с народом, но вместо ощущения слияния с народом, дружбы и взаимного сочувствия он начинает испытывать к крестьянам такую же неприязнь, как и они к нему, как своим образом жизни, так и идеалами, светским западным образованием, противопоставляется народу, а в данном сравнении показывается даже в более выгодном свете. Разница в образе жизни и мыслей между жителем Западной Анатолии и Стамбула и жителем восточной и средней полосы страны огромна: (*Onlar gibi olmak, onlar gibi giyinmek, onlar gibi yiyip içmek, onlar gibi oturup kalkmak, onların diliyle konuşmak… Haydi bunların hepsini yapayım. Fakat, onlar gibi nasıl düşünebilirim? Nasıl onlar gibi hissedebilirim?)*[9, с. 67]. *“Быть, как они, одеваться, как они, есть и пить, как они, говорить на их языке... Предположим, я это сделаю. Однако как я могу думать как они? Как я могу чувствовать как они?”*

Деревня, которая всегда была центром чистоты, тепла, местом, где продолжаются традиции, в данном романе становится местом, где трудно жить – чужбина, болото.

А.Джеляль, при каждой возможности подчеркивая разницу в образе жизни и образе мыслей, сам ставит себя на противоположную сторону: (*Köylülük hayatımın bir türlü katlanamadığım ve hala halledemediğim en zor tarafı temizlik sorunudur. Burada suyu bulmak için her gün ta çaya kadar gitmek gerekiyor. Çayın suyu ise bir akar balçıktır)*[9, с. 25]. *“Одной из самых сложных сторон деревенской жизни, к которой*

я все не могу привыкнуть и все еще не могу решить, является проблема чистоты. Здесь, для того чтобы найти воду, необходимо каждый день ходить к реке. А речная вода – это текущая грязь/глина”.

Вода, которая в народе всегда являлась символом чистоты, общности и открытых отношений, в глазах героя выглядит источником грязи. На данном примере автор, говоря о загрязненности и испорченности воды, представляя водоемы в виде болота, только подчеркивает, что как бы герой не хотел выбраться из этого «деревенского болота», только еще больше в него погружается [10, с. 16].

Искренняя вера части буржуазной интеллигенции в возможность осуществления провозглашенных кемалистским правительством принципов и ее стремление следовать этим принципам, возродить дух единения турок оказались обреченными на провал. Якуб Кадри попытался разобраться в этой проблеме и сумел в «Чужаке» вскрыть некоторые причины отчужденности народа от интеллигенции.

Он показал в своем романе, почему офицер-патриот оказался чужим в деревне. Таких причин было более чем достаточно. Здесь и вековечная классовая вражда, и крайняя бедность крестьян, и их постоянная, неосознанная неприязнь к горожанам, и темнота, влияние косных обычаев, подстрекательство местных богатеев и сельских духовных пастырей, ненавидевших светскую интеллигенцию, и многое другое. Все это с жесткой правдивостью и волнением показывает писатель. Его герой то сокрушается по поводу низкого духовного уровня анатолийских крестьян, брезгливо описывая их облик, быт и нравы, то резко обвиняет интеллигенцию, веками оторванную от народа, предавшую его интересы.

Ординарец А.Джеляля – Мехмет Али, чтобы спасти его от критики деревенских жителей, советует ему поменяться самому:

(*-Beyim, her gün tıraş olmayıver.*

-Beyim, bu dağın başında sabah akşam dişlerini fırçalamak neyine gerek.

-Beyim, bizde saçlarını kadınlar tarar.

-Beyim geceleri, sabahlara dek mırıl mırıl ne okuyup duruyorsun?Seni büyü yapar sanırlar)[9, с. 21].

«- Господин, не брейся каждый день.

- Господин, для чего нужно чистить зубы утром и вечером здесь, в горах.

- Господин, у нас волосы расчесывают женщины.

- Господин, что ты читаешь по ночам до утра? Подумают, что ты колдуешь».

Чтение книг А.Джелялем пугает деревенских жителей. А.Джеляль, объясняя свое отношение к книгам, говорит о том, что забывает о трудностях и тяготах этой жизни, хочет уйти от действительности, читая книги [9, с. 22].

Дневниковые записи Джемиля, которые занимают большую часть романа, изобилуют жаркими сетованиями на то, что он не понят крестьянами, и искренними исповедями-самобичеванием:

Я безумец, я беспочвенный мечтатель! Я думал обрести здесь родину, друзей, братьев, сестер! Правда, я представлял себе степень здешней нужды, бедности, но я считал, что найду среди этой материальной нищеты духовное богатство... Здесь все и вся против меня: камень, земля, люди. Я живу здесь словно среди врагов, и у меня нет сил бороться. Я гибну!.. Но кто тому причиной? Что, собственно, ты, турецкий интеллигент, сделал для этой разрушенной страны? Ты годами, сотнями лет сосал кровь народа, ты бросал его на каменистую почву, а теперь пришел к нему и считаешь себя вправе чувствовать к этим людям отвращение. У анатолийского крестьянина была душа — ты не смог понять ее. У него была голова — ты не смог просветить ее. Тело было у него — ты не прокормил его. Ты обрек народ на невежество, на суровую нужду. И он погиб, как дикая трава на этой сухой почве. А ныне с серпом в руке ты пришел снять урожай. Что же ты пожнешь? Не эти ли колючки? Конечно, они вопьются в твои руки и будут колоть твои ноги. И вот ты обливаешься кровью, морщишься от боли, сжимаешь от гнева кулаки. Помни же, что те, кто причиняет тебе столько страданий, созданы тобой же. Это плоды твоих собственных деяний [12, с. 50].

В данном случае явственно звучит тема кающегося интеллигента. Герой готов к жертвенному искуплению. Оставшись в деревне, куда приходят

оккупационные греческие войска, он погибает от вражеской пули. Но крестьяне и после этого вспоминают его лишь как «чужака»[1, с. 49-50].

В переживаниях и разочаровании Джеляля писатель показал крушение надежд лучшей части кемалистской интеллигенции, стремившейся к единению с простым народом. Размышления и рассуждения об отчуждении и противоречия в помыслах и действительности в романе доказывают, что это был один из самых тяжелых периодов в истории страны. Если первоначально многие интеллигенты восприняли перемены и реформы восторженно, то действительность показала, что новые идеи в их первоначальной чистоте и идеальности только в головах создателей, а в действительности и в период претворения их в жизнь все оказывается намного сложнее и требует коренной ломки традиционных устоев: *(Her memleketin köylüsüyle okumuş yazmış zümresi arasında, aynı derin uçurum var mıdır. Bilmiyorum! Fakat okumuş bir İstanbul çocuğu ile bir Anadolu köylüsü arasındaki fark bir Londralı İngiliz'le bir Pencap'lı Hintli arasındaki farktan daha büyüktür).[9, с.20] «Есть ли такая же глубокая пропасть между крестьянами и образованной массой в каждой стране. Я не знаю! Однако различий между образованным стамбульцем и крестьянином Анатолии больше, чем различия между англичанином из Лондона и пенджабским индийцем».*

Ценности, основанные не на исламской и восточной культуре, а на европейских основах и западное образование героя романа подчеркивается на протяжении всего романа. Если А.Джеляль символизирует турецкого интеллигента, который противопоставляется деревенскому жителю Анатолии, то возникает вопрос, к какому лагерю он принадлежит, когда «отделяет от себя» деревенского жителя и какова его идентичность. То, что жители выставляют А.Джеляля «чужаком» и то, что А.Джеляль, как бы он не хотел «слиться» с жителями, всегда остается в стороне, демонстрирует собой противоречия турецкой действительности, и более того, автор, выставляя крестьянина в невыгодном свете, возвышает интеллигенцию и дает кемализму и интеллигенции право на просвещение и изменение существующей ситуации и введение нового уклада жизни по европейскому образцу. Акцентируя

картины темноты и невежества крестьян, составляющих основную массу населения, автор тем самым подчеркивал мысль о настоятельной необходимости «культурной революции» с целью уничтожения застойной патриархальной структуры и наполнения крестьянских умов новыми понятиями и ценностями из арсенала современной цивилизации [12].

ВЫВОДЫ

«Современность» и «патриотизм» были основными элементами, которыми должен был обладать «новый» гражданин республики, чье поведение регулировалось «приемлимыми» правилами [11], при этом в отношениях государства и гражданина данный тип должен был быть пассивным элементом, а в качестве члена общества, индивидом, несущим в себе национальные идеалы, передающим их другим [8, с. 177].

Цели кемалистских реформ по созданию новой нации, новой культуры и нового гражданина переплетены между собой. Строительство общей национальной культуры и идентичности представлялось как предварительное условие для создания института гражданства в турецком обществе. При этом исторические и общественные связи с османскими и исламскими составляющими по возможности прекращались. В кемалистском проекте по модернизации строительство светского государственного устройства, а также его общественного и культурного элементов представляло собой культурную революцию или же «революцию ценностей» [5, с. 17].

В первые годы республики понятия нации и гражданина были «растворены» в централизованном государственном определении, а все, помимо официальной турецкой идентичности, создававшейся государством и ее просвещенной части, воспринималось в качестве угрозы существованию государства [7, с. 139].

В процессе кемалистских реформ основным вопросом было также понятие «чужого». Но если в большинстве теорий «чужим», будь оно настоящим или выдуманным, является то, что находится вне нации, а во многих случаях вне национальных границ [13, с. 21], то для интеллигенции Турции, а также жителей городов западного побережья страны, «чужими», как видно и на примере романа

«Чужак», были: образ жизни и образ мысли крестьян, их традиции и нравы. С началом кемалистских реформ жители деревень внезапно оказались по одну сторону с национальными меньшинствами, т.к. представляли собой источник беспокойства и недоверия для просвещенного и интеллигентного слоев общества [10, с. 194-200] По их мнению, даже османская и исламская культуры воспринимались, «как фантом, препятствующий развитию всего турецкого» [4, с. 20].

Роман «Чужак» Якуб Кадри Караосманоглу был главной настольной книгой поколения, которое выросло во время основания республики. Это произведение, которое ассоциирует народ с невежеством, видит в интеллигенции единственную возможность для спасения страны, для создания новой, культурной и просвещенной нации. В данном произведении четко прослеживаются все противоречия между действительностью и реформами, которые проводились, открыто демонстрируется неготовность турецкого общества к новому образу жизни, а что важнее всего, и его мыслей.

Список литературы

1. Алькаева Л. О. Из истории турецкого романа 20-50-е годы XX в. / Л. О. Алькаева. – Москва, 1975. – 277с.
2. Сонина И.Р. Крестьянская тема в послевоенной прогрессивной турецкой прозе / И. Р. Сонина //Вопросы тюркской филологии. Изд-во Московского университета. – 1966. – 244-269.
3. Adıvar, H. E. Vurun kahpeye / H. E. Adıvar. - Istanbul, 2017. – 214 s.
4. Anderson, B. Hayali Cemaatler: Milliyetçiliğin Kökenleri ve Yayılması / B. Anderson. – Istanbul, 2009. – 232 s.
5. Bora, T. Türk Sağının Üç Hali: Milliyetçilik, Muhafazakarlık, İslamcılık/ T. Bora. – İstanbul, 2009. – 154 s.
6. Caymaz, B. Türkiye'de Vatandaşlık: Resmi İdeoloji ve Yansımaları / B. Caymaz. – İstanbul, 2007. – 170s
7. Güvenç, B. Türk Kimliği (Kültür Tarihinin Kaynakları)/ B. Güvenç. - Ankara, 1993. – 438 s.

8. Kadıoğlu, A. Milletini Arayan Devlet: Türk Milliyetçiliğinin Aşamaları", [Türkiye Günlüğü] / A. Kadıoğlu. – İstanbul, 2003, 139s.
9. Karaosmanoğlu, Y. K. Yaban / Y. K. Karaosmanoğlu, İstanbul, 2005. – 214 s.
10. Karaosmanoğlu, Y. K. Gençlik ve Edebiyat Hatıraları / Y. K. Karaosmanoğlu, Ankara, 2017. – 284 s.
11. Karaosmanğlu, Y. Ki. Kiralık konak / Y. K. Karaosmanoğlu, Istanbul, 2013. - 232 s.
12. Keyman, E.F., İçduygu, A. Türk Modernleşmesi ve Ulusal Kimlik Sorunu: Anayasal Vatandaşlık ve Demokratik Açılım Olasılığı. [75 Yılda Tebaa'dan Yurttaş'a Doğru içinde] / E.F. Keyman, A. İçduygu, Istanbul, 1998, – s.159–170
13. Millas, H. Milli Türk Kimliği ve 'Öteki' (Yunan). [Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce, Milliyetçilik]/ H.Millas, Istanbul, 2002. – 145 s.
14. Şahin, V. Roman tekniği bakımından Yaban / V. Şahin // Journal of New World Science Academy. – 2007. Available at:
15. https://abs.firat.edu.tr/upload/user_1579/2d642655cb4352721cff71338290bdcba5c2b286_dosya_1579.pdf (accessed 01 October 2017).
16. Tarhan, A. H. Sahra / A.H. Tarhan. – Istanbul, 2016. – 200 s.

THE CONTRADICTIONS IN THE TURKISH REALITY OF THE KEMALIST REFORMS PERIOD. (ON THE NOVEL THE STRANGER (YABAN) BY YAKUB KADRI KARAOSMANOĞLU)

Basharan V.I., Nigmatullina A.M.

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Summary. The article is devoted to the problem of relationship of the intellectuals and residents of villages, issues of social life, formation of the Turkish nation, national consciousness and modernization in Yaqub Kadri Karaosmanoglu's novel *Stranger*. The subject and problems raised by the novel brightly characterize the main historical and socio-political problems of republican Turkey in 20-s of the 20th century that distinguishes the novel from other works of the Turkish literature and works of this author. Literature of the studied period is a non-uniform phenomenon. Turkish writers' various moods and views at the events were distinctly reflected in it as never before. It is evident that they differ in interpretation of one very essential moment, i.e. a role of the main participant of war for national liberation, the people. From this point of view, the novel is realistic and shows all contradictions and estrangement which was the cornerstone of relationship of the people and the intellectuals at that period.

Keywords: Kemalizm, nation, intellectuals, patriotism, alientiion.

References

1. Alkayeva L.O. *Iz Istorii Turetskogo Romana. 20-50-e Gody XX Veka* [From History of Turkish Novel of 20-50s of the XX Century]. Moscow, 1975. 277 p.
2. Sonina İ.R. *Krestyanskaya Tema v Poslevoennoi Progressivnoi Turetskoi Proze* [Peasantry Subject in the Post-War Progressive Turkish Prose] *Voprosy Turkskoi Filologii*. Moscow University Press. 1966. pp. 244–269.
3. Adıvar, H. E. Vurun Kahpeye / H. E. Adıvar. – Istanbul, 2017. – 214 s.
4. Anderson, B. Hayali Cemaatler: Milliyetçiliğin Kökenleri ve Yayılması/ B. Anderson. – Istanbul, 2009. – 232 s.
5. Bora, T. Türk Sağının Üç Hali: Milliyetçilik, Muhafazakarlık, İslamcılık/ T. Bora. – İstanbul, 2009. – 154 s.
6. Caymaz, B. Türkiye'de Vatandaşlık: Resmi İdeoloji ve Yansımaları / B. Caymaz. – Istanbul, 2007. – 170s
7. Güvenç, B. Türk Kimliği (Kültür Tarihinin Kaynakları)/ B. Güvenç. - Ankara, 1993. – 438 s.
8. Kadıoğlu, A. Milletini Arayan Devlet: Türk Milliyetçiliğinin Aşamaları", [Türkiye Günlüğü] /A. Kadıoğlu. – İstanbul, 2003, 139s.
9. Karaosmanoğlu, Y. K. Yaban / Y. K. Karaosmanoğlu, İstanbul, 2005. – 214 s.
10. Karaosmanoğlu, Y. K. Gençlik ve Edebiyat Hatıraları / Y. K. Karaosmanoğlu, Ankara, 2017. – 284 s.
11. Karaosmanğlu, Y. Ki. Kiralık Konak / Y. K. Karaosmanoğlu, Istanbul, 2013. – 232 s.
12. Keyman, E.F., İçduygu, A. Türk Modernleşmesi ve Ulusal Kimlik Sorunu: Anayasal Vatandaşlık ve Demokratik Açılım Olasılığı. [75 Yılda Tebaa'dan Yurttaş'a Doğru] / E.F. Keyman, A. İçduygu, Istanbul, 1998, – s.159–170
13. Millas, H. Milli Türk Kimliği ve 'Öteki' (Yunan). [Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce, Milliyetçilik]/ H.Millas, Istanbul, 2002. – 145 s.
14. Şahin, V. Roman Tekniği Bakımından Yaban / V. Şahin // *Journal of New World Science Academy*. – 2007. Available at:
15. https://abs.firat.edu.tr/upload/user_1579/2d642655cb4352721cff71338290bdcba5c2b286_dosya_1579.pdf (accessed 01 October 2017).
16. Tarhan, A. H. Sahra / A.H. Tarhan. - Istanbul, 2016. – 200 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Филологические науки. Том 3 (69). № 1. 2017 г. С. 59–67.

УДК 82.091

БЫТОВЫЕ И КУЛЬТОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОДЕКС В ТЕКСТЕ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ…»)

Биякаева А. В.

**ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»,
г. Омск, Российская Федерация
e-mail: bluminokij@mail.ru**

Аннотация: Статья посвящена классификации действий персонажей в тексте магического реализма. На примере современного русского романа М. Петросян «Дом, в котором…», принадлежащего, с нашей точки зрения, к направлению магического реализма, рассматривается типичная дуальность действий героев. Разделение действий персонажей на бытовые и культовые объясняется делением художественной реальности в целом на реалистический и магический уровни, а также соответствующим делением надвое системы персонажей. Также автором произведен анализ особых действий, чье осуществление на различных уровнях художественной реальности оценивается по-разному. В частности, высказывается гипотеза о связи культовых действий с процессом инициации действующих лиц, предрасположенных ко взаимодействию с ирреальным. В качестве дополнения представлена классификация системы персонажей романа. Действующие лица представлены с точки зрения их принадлежности к феноменальному, ноуменальному и пограничному уровням художественной реальности. Подобная классификация самих персонажей коррелирует с классификацией их действий и объясняет основания последней.
Ключевые слова: магический реализм, действия персонажей, М. Петросян, «Дом, в котором…»

ВВЕДЕНИЕ

Вселенная романа М. Петросян «Дом, в котором...» делится на три уровня (феноменальный, называемый миром Расчесок, или Наружностью, ноуменальный – мир изнанки Дома, пограничный – Дом) и сортирует населяющих каждый ее уровень людей на соответствующие группы. Персонажи романа относятся к различным уровням художественной реальности и эффективнее всего могут быть классифицированы с точки зрения отношения к магии, поскольку последняя является критерием sine qua non как мировоззрения Леса, так и магического реализма как художественного метода в целом.

Феноменальный уровень построен, основываясь на законах логики и физики, его мировоззрение по умолчанию западно-европейский рационализм, и населяют мир Расчесок обычные люди. Ноуменальный уровень не так подчинен законам, его мировоззрение не рационалистическое, но мистическое, его организует магия; мир

изнанки Дома наводнен чудищами и странными людьми; в его землях охотятся и путешествуют, дерутся и повесничают люди, обладающие магическим даром. Пограничный уровень (Дом) территориально вмещает в себя людей и способных, и не способных к магии, каковые хотя и отдалены друг от друга, но обречены на каждом шагу сталкиваться с чужими системой взглядов и укладом, – характерная для магического реализма картина сосуществования и конкуренции противоположных друг другу групп героев.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Персонажи феноменального уровня – носители рационалистического, трезвого, обыденного и одномерного. Эта группа представлена ПРИПами («Предки и Породители», сдавшие своих детей в специализированный интернат, где бы о них квалифицированно заботились), большинством учителей и работниками столовой.

Персонажи феноменального уровня территориально отделены от пограничной реальности Дома, насколько это возможно. К магии неспособны, отрицают ее, если вообще осознают ее присутствие. Как следствие, враждебны к детям Дома: последние их раздражают и страшат. ПРИП Крысы вопит: «Уродство твоей души отражается у тебя на лице! Каждой своей порой ты смердишь! Смердишь!» [33, с. 527] Учитель Мастодонт ревет: «Порча генофонда! Отбросы! <...> Да я бы гранатой в вас, а не то что...» [33, с. 637] Безымянный учитель, осужденный войти в классную комнату Птиц, жалуется воспитателю Ральфу: «А вам не кажется, <...> что они немножко странные? Этот запах... и это... засилье флоры. <...> Поймите меня правильно, это тяжело» [33, с. 304].

Персонажи ноуменального уровня. Среди персонажей, принадлежащих уровню изнанки Дома, – люди и сказочные чудища, обитающие в городках, подобных Чернолесу, и в Лесу соответственно.

Люди ноуменального уровня представлены следующими подгруппами:

1. завсегдатаи ночлежки «Клоповник» — Ходоки (которых там называют «перекати-поле») и Прыгуны («пришлые»), ушедшие на «изнаночную» сторону Дома и проживающие там свой дополнительный круг;

2. посетители и работники придорожной закусочной, являющейся «изнаночным» аналогом столовой Дома;

3. Серолицые («изнаночный» аналог банды Логов из сказки Рыжей);

4. люди, приютившие Неразумных после Апокалипсиса, – ушедшие на ту сторону выпускники Дома;

5. настоящие уроженцы ноуменального мира (те его обитатели, о которых нельзя сказать наверняка, что они перешли на этот уровень из Дома) – держатели кафе на пляже, ночлежки и магазинчика из сказки Лорда.

Среди чудищ можно назвать Кривонога, Песьеголовых, птиц-топтунов, Большую Волосатую, василисков, жабу-повитуху, Саару, Арахну, криворогих, свистунов и проч.

Персонажами пограничного уровня являются обитатели интерната, а именно – его администрация (директор, сторож и воспитатели) и воспитанники (дети Дома). Персонажи, принадлежащие к этому уровню (подавляющее большинство действующих лиц романа) неоднозначны в своей природе и могут быть восприимчивыми к магии или невосприимчивыми. За этими двумя основными категориями персонажей в романе закреплены соответствующие типы поведения; обе категории совершают действия, которые могут быть определены как культовые и бытовые соответственно.

Бытовые действия представляют собой поведенческий кодекс феноменального (реалистического) уровня художественной реальности романа, который установлен администрацией интерната, закреплен в официальной брошюре и выполняется одной из групп воспитанников (Фазанами). К подобным действиям относится, в первую очередь, распорядок дня:

1. СИДЯЧАЯ ГИМНАСТИКА;
2. ЗАСТИЛКА КРОВАТЕЙ;
3. УМЫВАНИЕ;
4. ЗАВТРАК;
5. УРОКИ;
6. ОБЕД;

7. УРОКИ;

8. СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ;

9. УЖИН;

10. СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ;

11. ОТБОЙ В ДЕВЯТЬ ВЕЧЕРА.

Кроме распорядка дня, бытовые действия представлены опциональным посещением библиотеки и различных кружков, обязательной регулярной медкомиссией, общими собраниями в актовом зале, волейбольными соревнованиями старших групп и свиданиями с родителями.

Культовые действия диктуются Домом и передаются в качестве традиционного поведения каждой стаи и каждого ее члена из выпуска в выпуск. Некоторые традиционные действия персонажей, предрасположенных к интеракции с магией, представляют собой кодекс поведения, подобный приведенному выше, однако люди Дома не знают полностью собственный кодекс и нигде его не сохранили в письменном виде. Известные нам части Домового кодекса: «Закон выбора» (член стаи может или не может «умереть за своего вожака. Скажем, если намечается переворот, следующий этому закону обязан защищать своего вожака ценой собственной жизни» [33, с. 277]), неприкосновенность воспитателей и учителей (которая отменяется в «роковой период» – за две недели до выпуска-Апокалипсиса), закон о девушках. Сюда же относится кодекс колясника, содержащий главный постулат Дома: «Следует избегать любых упоминаний наружности в разговорах...» [33, с. 330] – а также похоронные обряды («Никогда не встречал Ральф на стенах клички умерших, о них не говорили, их вещи уничтожали или делили между собой. Закрывали дыру – так это называлось. Ночь поминального плача, и за человеком стирались все следы, на стенах в первую очередь. То же происходило с покинувшими пределы Дома. <...> С уходящими они поступали, как с покойниками» [33, с. 298–299]) и лазаретные обычаи («Возвращающихся из Клеток встречают ликуя. Так принято еще с тех пор, когда никто не отправлялся в них по собственному желанию» [33, с. 195]).

Необходимо заметить, что определенная часть культовых действий представляет собой обратную сторону бытовых. К примеру, продолжительное пребывание в больничном крыле на лечении означает социальную смерть. Попавший в лазарет (в народе – Могильник), вычеркнут из общей магической жизни и приближен к Наружности (феноменальному уровню). Другой пример: такое обыденное хобби Горбача, как игра на флейте, имеет и культовое значение. Игра на флейте является частью основной деятельности проводника между феноменальным и ноуменальным мирами: Горбач, как Гаммельнский Крысолов, уводит на изнанку Дома тех, кто не может самостоятельно туда попасть.

Среди культовых действий выделяются иные, общие для всех посвященных, и также действия, доступные жителям Дома со значительной магической силой; подобное разделение зависит от тесноты связи каждого члена стай с ноуменальным уровнем изнанки Дома.

Принимая во внимание возраст персонажей, логично предположить, что **общие культовые действия,** описываемые в романе, являют собой различные этапы инициации.

1. Присвоение клички – первый этап, обязательный для каждой инициации (перехода из младшей группы в старшую, из стаи в Могильник и обратно, превращении в призрак). Исключением из правила множества кличек являются Неразумные, поскольку они были и остаются по своему интеллектуальному развитию детьми, не проходят инициации и, стало быть, свои детские клички не перерастают. Примером тому – Слон, который, прожив в Доме как минимум двенадцать лет, остался таким же ребенком, каким был в момент своего поступления туда, и кличка его не изменилась. Клички – это крещение в посвященные, проявление изнанки в повседневной жизни Дома. Гипотетически, клички отражают то, какого рода животным, растением, предметом, человеком или мифологическим существом является на ноуменальном уровне каждый посвященный; тем самым клички описывают магическую половину художественной реальности и монтируют ее с реалистической.

2. Заключение в Клетках – особых одиночных палатах Могильника. Об этом этапе говорят как о крещении: «Если верить Фазанам, Клетка была чем-то вроде тюремной одиночки для особо опасных преступников» [33, с. 160]. Стандартное время заключения – до трех дней: «...все, кто провел в Клетках больше двух дней, теряли чувство юмора...» [33, с. 615]

3. Коммуникация с девушками и, в частности, помолвка. В Доме обручаются две пары: Лэри и Спица («Спица шьет себе свадебное платье <…>. Они с Лэри решили пожениться, как только... когда смогут, в общем» [33, с. 825].), Слепой и Крыса («Забыл тебе сказать, я обручился. <…> С Крысой. Вчера вечером» [33, с. 633–634]).

4. Участие в Ночах – регулярно повторяющийся, сезонный этап, представляющий собой либо путешествия на изнанку Дома, либо рефлексию по возвращении.

5. Спонтанные путешествия в иные миры, куда люди Дома попадают по желанию, с помощью «туманного зрения» или после приема галлюциногенных коктейлей (популярны смеси «Лунная дорога», «Белая радуга», «Четыре ступеньки», «Цветочек», «Полуночный кошмар», «Погибель»).

6. Расписывание и разрисовывание стен.

6.1. В качестве магического акта – четвертая комната вызывает в Дом Ральфа, чтобы тот вернул из Наружности Лорда: «Три буквы “Р” прыгнули ему навстречу со стены. Как собственная подпись, как знак его присутствия. <...> Он остановился перед дверью без номера с застекленным окошком вверху. Здесь его поприветствовало еще одно “Р” – мылом на стекле. <...> Сейчас, проходя по коридору, Ральф не смотрел на стены. <...> Только от многочисленных Р ему не удалось убежать, слишком уж они бросались в глаза <...>. <...> *Еще немного, и я решу, что меня приманили, околдовали заклятием букв. <...> Еще немного, и я подумаю, что приехал только потому, что они этого захотели»* [33, с. 295–299];

6.2. В качестве архива, личных писем, газеты объявлений («Охотничий сезон открыт. Лицензии на отстрел по прейскуранту. С четверга. Фитиль» [33, с. 26], «Осознал свои недостатки. Поделюсь с желающими бесценным опытом. Просветленный» [33, с. 27]), выставки (картины Леопарда рядом с комнатой Птиц:

«Бык качался на тонких ногах-палочках, смотрел на нас человеческими глазами и грустил. Это был самый удивительный бык на свете. Написанный примитивно, в нарочито детском стиле, он просто убивал своей выразительностью» [33, с. 251]) и порнографического журнала (стены в районе Крысятника: «...безголовые женские фигуры, крутейшие бедра, круглейшие ягодицы, тыквенные груди...» [33, с. 301]).

7. Участие в стайных или общедомовых культовых событиях. В романе описаны три подобных события — битва за трон Хозяина Дома (попытка отнять высшую власть), покушение на вожака (попытка убийства вожака членами его стаи, метящими на его место) и выпуск.

Ритуальный поединок за Домовый трон требует присутствия всех детей Дома в качестве свидетелей («Народу в зале набилось битком и все прибывало...» [33, с. 280]) и статуса вожака от бросающего вызов, внутристайное же покушение на вожака доступно любому. В романе описаны два покушения: на Рыжего («Кто-то черный прыгает к нему. Отскочив, Рыжий наугад тычет ножом. Нож перехватывают. Щеку обжигает бритвой. Вторая режет кожу на ключице. Рыжий визжит. Чьи-то руки запрокидывают ему голову. Он выворачивается, пиная ногами воздух. Успевает прикрыть горло, и бритва пропарывает ладонь. <…> Свет фонариков прыгает по кафелю. Он отползает в ближайшую кабинку, хлопает дверью и шарит в поисках задвижки. <...> Прежде, чем дверь начинает сотрясаться от ударов снаружи, он успевает ее задвинуть» [33, с. 563–564]) и на Слепого («Черный раз за разом всаживал в Слепого свои пудовые кулаки, и всякий раз Слепой складывался пополам, а Черный терпеливо ждал, пока он выпрямится, чтобы врезать еще. На третий раз Слепой отлетел и обрушился на пол. Грохоту от него было не больше, чем от упавшего стула, но зрители взвыли...» [33, с. 608]).

Выпуск является финальной инициацией с несколькими вариантами развития событий для выпускников. С исчезновением пограничной реальности Дома во время последнего выпуска, описывающегося в романе, обитатели интерната вынуждены подтверждать свою принадлежность к феноменальному или ноуменальному уровню художественной реальности. Дети Дома располагают несколькими опциями:

а) перейти на магическую половину художественной реальности – самостоятельно или воспользовавшись помощью проводника (обычных детей Дома переводит Слепой, Неразумных переправляет Крыса);

б) перезапустить цикл жизни в Доме – это могут те, кто отыскал Хозяина Времени и заставил его подарить просителю шестеренку от старых часов;

в) умереть в Доме – те, кто умер в ночь выпуска, с большей вероятностью окажутся живы при перезапуске цикла жизни в Доме, чем те, кто умер, выйдя в реальный мир;

г) присоединиться к Черному, который вывозит в реальный мир тех детей Дома, кто слабо связан с магическим измерением художественной реальности.

К особой группе **культовых действий – доступных ограниченному числу персонажей** – относятся:

1. участие в собрании вожаков;

2. непосредственное участие в битве за трон Хозяина Дома (участвовать могут только вожаки стай);

3. создание амулетов (на это способны персонажи, наиболее сильные магически);

4. утверждение новых законов и реанимация старых, забытых или отмененных (прерогатива Хозяина Дома).

«Эксклюзивность» действий, перечисленных выше, продиктована общей Домовой иерархией системы персонажей с точки зрения их способности к интеракции со сверхъестественным, утверждаемой в романе; подобные действия доступны наиболее привилегированной группе персонажей.

Также к группе культовых действий, доступных ограниченному числу действующих лиц, относятся действия, отражающие функции магических аналогов персонажей (т. е. тех фантастических существ, которыми являются эти персонажи на ноуменальном уровне художественной реальности романа). Примеры подобных действий:

1. вожак Крыс Рыжий возвещает скорую гибель, приходя к жителям Дома во сне (его магический аналог – Смерть);

2. Македонский исполняет желания, облегчает сны и управляет болью, физической и психологической (его магический аналог – Ангел);

3. Шакал Табаки предсказывает будущее (в частности, он возвещает возвращение Лорда и узнает, каким будет последний выпуск) и перезапускает цикл жизни Дома (магический аналог Шакала – Хозяин Времени);

4. Слепой в любой момент может исчезнуть на изнанке Дома, принимает внешний вид всего, с чем сталкивается: копирует голоса и повадки (днем – людей, ночью – животных), смешивает свой запах с чужими, и его ладони уподобляются текстуре осязаемых им предметов (магический аналог Слепого – Оборотень).

Список литературы:

1. Петросян М. Дом, в котором... [Текст] / М. Петросян. – Москва : Livebook/Гаятри, 2009. – 960 с.

ORDINARY AND OCCULT ACTIONS OF THE CHARACTERS AS A BEHAVIOURAL CODEX IN A MAGICAL REALIST TEXT (BASED ON *THE GRAY HOUSE* BY M. PETROSYAN)

A. V. Biyakaeva

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Summary. The article classifies the characters' actions in a magical realist text. Analysing contemporary Russian novel «The Gray House» by M. Petrosyan, written (in our opinion) in magical realist aesthetic, the author investigates the typical duality of the characters' actions in such literary texts. The differentiation between ordinary and occult actions is explained with the splitting the world in half (a realistic one and a magical one) and, consequently, the division of the characters themselves. Also, the article explores peculiar actions, which are interpreted differently on different levels of the inner world in a magical realist text. In particular, the author contemplates about the existence of the relations between occult actions and the characters' initiation, predisposed to interaction with the unreal. As an addition, the classification of the novel's characters based on their belonging to realistic, magical worlds and the borderline area is presented. The classification of the characters themselves correlates to and explains the classification of their actions.
Keywords: magical realism, the characters' actions, M. Petrosyan, The Gray House.

References:

1. Petrosyan M. Dom, v Kotorom… [The Gray House]. Moscow: Livebook/Gajatri Publ., 2009. 960 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Филологические науки. Том 3 (69). № 1. 2017 г. С. 68–80.

УДК 82.091

ГОРЬКИЙ И КИНО: НАСТАВНИК ИСКУССТВ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМА 1930-Х ГОДОВ

Гончаренко А. А.

Отдел рукописей Института мировой литературы РАН, Москва – Краснодар

Советская культура 1930-х годов регулярно именуется литературоцентрической, для примера достаточно назвать работы О. Булгаковой, Л. Геллера и А. Бодена, И. В. Кондакова, А. Юрчак и высказывания В. Подороги. Однако это определение зачастую остается без пояснений. Попытка восполнить этот пробел предпринята в данной статье, где схема «Горький – наставник» рассмотрена на материале редко цитируемой периодики и недавно выявленных архивов. Эта идеологема нагляднее всего проявлена в том, как советская литературная критика осмысляла проблемы взаимодействия писателей с кинематографом. Именно Горький стал главным воплощением образа писателя-наставника, носителя литературной мудрости. В этом явлении не только сам писатель участвовал в руководстве культурной политики, но и его образ активно использовался другими литераторами для подкрепления своих требований.
Ключевые слова: литературоцентризм, кинематограф, Горький, соцреализм, литературная критика

ВВЕДЕНИЕ

Становящийся в 1930-х годах советский литературоцентризм приобретал конкретные персонификации, ключевые из которых рассмотрены в этой статье. По аналогии с позднейшим лозунгом, литературоцентризму следовало быть с человеческим лицом.

Эта тенденция отражена в статье Г. Лелевича к пятилетию смерти Д. Фурманова: «…не только увлекательный материал, разработанный Фурмановым, поучителен. Образ самого писателя должен быть приближен к широчайшей массе читателей. <…> …Фурманов – партийный работник, Фурманов – боевой комиссар, краснознаменец, Фурманов – писатель, Фурманов – товарищ, человек <…>. …но прежде всего он был профессионалом-революционером в ленинском смысле этого слова. В этом разгадка той естественности, с которой он сменил саблю на перо. И нет никакого сомнения, что при первой надобности он также естественно снова сменил бы перо на саблю» [10, с. 145]. Профессионал-революционер, для которого перо и сабля суть одно и то же орудие, различающееся лишь применением в мирное или военное время. Эта

ролевая модель и есть идеальный образ писателя, который, в свою очередь, объявлялся примером для читателей и наставником для деятелей других искусств.

Вместе с тем возвышенный образ писателя воспринимался иными литераторами с нескрываемым сарказмом или даже негодованием. В том же 1931 году В. Жирмунский начинал учебно-методическую статью «Как не надо писать стихи» с размышлений о том, какие цели ставят молодые авторы, обращающиеся в литературную консультацию (недавнее исследование консультации «Литучебы» и читателей, связывающихся с ней в первой половине 1930-х, см.: [4]). Перечисляя с тактичной иронией корреспондентов, существенно различающихся по уверенности в своих поэтических дарованиях, Жирмунский замечает: «При этом поэтическое призвание, поэтическая слава представляются нередко в старинном романтическом ореоле, совершенно несоответствующем нашим трудовым будням» [8, с. 96].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Противоречие романтического образа культурной политике СССР было заострено в РАППовской критике группы «Перевал» и взглядов А. К. Воронского. Главный идеолог РАПП Л. Авербах заявлял, что «это борьба против тех, кто пропагандирует теории о писателе – жреце и медиуме <…>. Это борьба против воронщины, <…> которая проповедует некритическую учебу у классиков вместо учебы в практике и для практики классовой борьбы» [1, с. 147].

В этой речи на первом пленуме ЦС ЛОКАФ, состоявшемся в начале апреля в Центральном доме Красной армии, Авербах атаковал и другие позиции групп и отдельных теоретиков. Выступление венчала расплывчатая попытка позитивной программы, в которой единственным отчетливым фрагментом оказалась фигура Максима Горького, именованного учителем. Авербах утверждал: «Самое умное произведение последних лет, “Жизнь Клима Самгина” М. Горького <…> – это произведение, которая дает очень много для творческой учебы наших пролетарских писателей <…>. “Жизнь Клима Самгина” учит нас идти не по пути воронщины или лефовщины, а по пути постановки больших и трудных задач» [1, с. 155].

Именно Горький стал главным воплощением образа писателя-наставника, носителя литературной мудрости. Подчеркнем: речь не о культе личности Горького – эта тема несколько шире затрагиваемого нюанса, который, в свою очередь, является составной частью культа, его историко-литературным проявлением.

Уже в начале 1929 года, всего лишь после первой поездки Горького в СССР из Сорренто летом 1928-го и задолго до переименования Нижнего Новгорода, в отношение советской прессы к Горькому стало смягчаться. В сфере кинопублицистики эта тенденция проявилась подтверждением того, что приписываемый Горькому вариант статьи «Синематограф Люмьера» – независимо от его авторства и происхождения – был известен публике 1920-х годов и, более того, стал штампом. Речь идет о таких якобы горьковских строках, как: «Это не жизнь, а тень жизни, и это не движение, а беззвучная тень движения». «И вдруг <…> на экране появляется поезд железной дороги. <…> Но это тоже поезд теней». Влияние этих образов находим в статье П. Ю. Шмидта «Кино и биология». Автор размышлял об исследовательском и образовательном использовании кино в естественной науке. Перечислив несомненные преимущества кино и предположив еще не раскрытый потенциал, Шмидт, словно для проформы, резюмировал: «Не следует, конечно, увлекаться им, признавать его универсальным образовательным средством и мечтать о “кинематографическом университете” – кинематограф дает на экране всего лишь тень жизни, а не ее самое!» [16, с. 27]

Переходя от косвенных данных к однозначным фактам, стоит дать слово влиятельному киночиновнику К. Юкову, быстро уловившему главный тренд 1932 года. В статье «Творчество Горького на экран!», занявшей первые 18 (!) полос №17-18 «Пролетарского кино» 1932 года, Юков не оставлял сомнений с первых строк: «Горький – это тот авторитет, у которого учились, учатся и будут учиться лучшие творческие силы литературы и искусства. <…> Мы имеем литературу Горького – с ее кадрами лучших писателей Советского Союза, поставившими себе задачу: “быть, как Горький” – так же работать, так же быть носителем идеологии своего класса, заражать своим примером строителей социализма, вести силою художественного слова массы на борьбу за дела социализма во всем мире» [17, с. 1].

Замечая, что кинематографисты еще только «двинут широкою волною к Горькому», Юков, однако, отдает себе отчет в том, что ожидаемое движение станет преимущественно веяньем моды: «Случайные элементы, накинувшиеся на Горького, только как на сенсацию, отпадут, останутся серьезные творческие силы, поставившие своей задачей – перенести творческие традиции Горького в кино» [там же]. На них Юков и возлагает основную надежду: «Сценаристы, режиссеры, критики-киноведы должны будут заняться тщательным изучением и разработкой богатейшего художественного фонда Горького, фонда, который с каждым днем еще растет и, нужно надеется, долго будет расти» [там же]. Сложно не заметить, как выборочно Юков относится к кинематографистам, достойным осмысления Горького: из четырех указанных только режиссер является в строгом смысле профессией кинематографической. Разумеется, Юков не видит необходимости в изучении Горького для актеров, операторов, монтажеров, декораторов и т.д., потому что они мыслятся лишь техническими работниками, реализующими сценарный (литературный) замысел.

На протяжении длинной статьи Юков размышляет о противоречиях между литературой и кино, способах их взаимодействия и шаблонно анализирует известные к 1932 году три горьковские киноадаптации. Все это понадобилось Юкову для завершения статьи выводом, который мог следовать и сразу после приведенных выше строк, так как он не основан ни на чем, кроме политических мотивов: «Горький должен явиться своеобразной “творческой платформой” советской кинематографии» [17, с. 18]. Далее появилось множество восхвалений Горького, все они походили на сделанное Г. Белицким в мартовском «Литкритике» 1935 года: «Свои истоки наша кинематография берет в пролетарской литературе и прежде всего в творчестве М. Горького» [3, с. 148].

Однако оглашенный Юковым призыв в кино Горького, как писателя, воплощавшего требуемый соцреализмом образ литератора, нуждался в необходимой исторической основе, которой не было и, следовательно, которую требовалось сфабриковать. Для этого была написана статья Вен. Вишневского «Максим Горький и кино», опубликованная в следующем номере «Пролетарского кино». Статья,

представляющая собой яркий образчик мифотворчества, начиналась так: «Лет пять-шесть назад среди некоторых кинематографистов, в частности в кинопрессе <…>, М. Горькому почему-то переписывались консервативные взгляды и отрицательное отношение к кино. Было это, разумеется, результатом ряда недоразумений и плодом досужих фантазий людей, не потрудившихся дослушать и понять Горького и разглядеть его подлинные взгляды на “самое важное изо всех искусств”» [3, с. 17].

Главным недоразумением, породившим досужие фантазии, по всей видимости, являлась известная статья «Синематограф Люмьера», впервые напечатанная в газете «Одесские новости» 6 июля 1896 года, то есть всего чуть более года спустя изобретения кино. Недостаточность исторической дистанции не помешала Горькому сформировать весьма категоричное мнение. Вспомним ключевой пассаж: «И этот беззвучный смех, смех одних серых мускулов на серых, трепещущих от возбуждения лицах, – так фантастичен. От него веет на вас каким-то холодом, чем-то слишком не похожим на живую жизнь. <…> Этому изобретению <…> можно безошибочно предречь широкое распространение. <…> …возможно ли его полезное применение в такой мере, чтоб оно окупило то нервное напряжение, которое расходуется на это зрелище? <…> …наши нервы <…> все менее сильно реагируют на простые “впечатления бытия” и все острее жаждут новых, острых, необыденных, жгучих, странных впечатлений. Синематограф дает их: и нервы будут изощряться с одной стороны и тупеть с другой; в них будет все более развиваться жажда таких странных, фантастичных впечатлений <…>, и все менее будут они желать и уметь схватывать <…> простые впечатления жизни» [7, с. 244-245]. Этот неумолимый вердикт удовлетворил Горького настолько, что писатель и не думал переосмыслять кино последующие 35 лет: до 1931 года кино упоминается им лишь вскользь и часто пренебрежительно.

Все это было известно Вишневскому. Однако он убеждал читателя в том, что досужие фантазии «давно уже разоблачены – в особенности теперь – самим юбиляром, собирающимся подарить советской кинематографии сценарий звуковой фильмы “Преступники”» [3, с. 17]. Вишневский выражает беспокойство тем, что «отсутствие печатных высказываний Горького о кино, неверные сведения о его

взглядах на кино и просто неосведомленность советской общественности взаимоотношениях Горького с кинематографией мешают нам правильно определить, каким путем пришел Горький к непосредственной работе в кино. Нужно сознаться, что во взаимоотношениях Горького и кино на первый взгляд много неясного, недоговоренного, противоречивого, а если заглянуть вглубь истории, много несправедливо и подчас оскорбляющего Горького» [там же]. Вишневский называет свою статью первой попыткой решения данной исторической проблемы и строит ее по принципу вольной компиляции апокрифических сведений и авторских догадок. Приведем наиболее яркий пример мифотворчества: «Другой факт из биографии М. Горького, относящийся к 1920 году, говорит о том, что Горький продолжал интересоваться судьбами советской кинематографии и упорно искал ответы на вопрос: какой она должна быть. Возможно, что Горький даже имел беседы на эту тему с Лениным; по крайней мере, мы знаем, что вообще беседы на тему о кино у Горького с Лениным были» [3, с. 21].

10 апреля 1935 года Горький уже сам участвует в литературизации кинематографа и иных искусств. На совещании писателей, композиторов, художников и кинорежиссеров классик сказал: «Люди привыкли обращаться с литературным материалом, – я в данном случае говорю не только о кино, но и о театре, – с пьесой или со сценарием так, как столяр с доской. Конечно, краснодеревец-столяр из простой доски может сделать прекрасную вещь. Верно это? Верно. Но мне все-таки кажется, что литератор-то немного больше знает, чем режиссер: у него поле зрения шире, у него количество опыта больше, он более подвижный в пространстве человек, а часто режиссер работает в четырех стенах театра и знать ничего не хочет, кроме сцены. Я говорю это не в укор кому-нибудь, а просто констатирую факт» [5, с. 438-439].

Безмерная уверенность в том, что литератор всегда на шаг впереди в знании действительности, присуща природе литературоцентризма. Было бы странно, если бы письменная культура, согласно М. Маклюэну, основанная на гомогенном аналитизме и подчиняющая любой процесс линейности, подобной книжной строке, выдвигала в качестве мудреца кого-то иного, нежели литератора. В советском

литературоцентризме были некоторые особенности. Одна из них – особый тип мудрости, неизменно совмещенный с житейской простотой и ликбезовской доступностью. Горький идеально соответствовал этим требованиям.

Проследим это в обсуждении сценария Е. Виноградской «Анна», состоявшемся 15 октября 1933 года. Г. М. Залкинд обращался к автору: «Тебе хотелось поднять вещи на большую философскую высоту. 29-летний Афиногенов пытается создать философию на театре, а тебе хотелось создать философию на кино. Но Горький, которому три раза по 29 лет, создавая простые вещи, как “Егор Булычев”, без желания ставить философию в вещь, сделал действительно философскую вещь, которая смотрится как блестящие произведение…» [14, с. 278-279]. В глаза бросается и однократное увеличение горьковского возраста: видимо, для Залкинда Горький был старше (а значит и сильнее, как драматург, и просто мудрее) Афиногенова не в два, а именно в три раза. Выступающего поддержал Н. Д. Оттен: «Залкинд верно сказал, что Горький талантливее Афиногенова. Это не требует доказательства, но заставлять всех работать в манере Горького – нелепое занятие. Кинофилософия тоже хорошая вещь…» [14, с. 285], но было ясно, что критик предпочитает горьковскую простоту.

Эта простота возводилась в ранг завета С. Куприяновым в журнале «Искусство и жизнь»: «…учась у Горького, наши драматурги должны прежде всего видеть перед собой его немеркнущий образ, образ художника, напряженно, страстно и неутомимо изучавшего жизнь, умевшего видеть, наблюдать и обобщать, умевшего из всего многообразия действительности выхватывать своим зорким и точным глазом самые существенные, определяющие ее черты. <…> Горький научил советских драматургов писать просто, ясно и, главное, убежденно. <…> И можно сказать с уверенностью, что все ошибки, совершаемые теми или иными советскими драматургами <…> происходят оттого, что драматургии эти отступают от тех или иных замечательных заветов, которые были им оставлены великим художником пролетариата» [9, с. 14].

В №19-20 «Литературного обозрения» 1937 года была издана подборка материалов, озаглавленная «Читатель о советской литературе». А. Дроздова, стахановка, студентка Промакадемии, назвала свое обращение так – «Горькому я обязана многим». Действительно, четверть заметки посвящена писателю: «Книги А.

М. Горького – “Мать”, “Мои университеты”, “Детство”, “Дело Артамоновых” – показали мне, как тяжело жили люди в России до революции. Сравнивая это мрачное прошлое с ярким и радостным настоящим, я прониклась чувством глубокой благодарности к нашим вождям – товарищу Ленину и товарищу Сталину <…>. Книги Горького воодушевили меня – хотелось лучше работать, добиваться новых и новых производственных показателей» [15, с. 65]. Этот случай будто бы относится к культу личности Горького, как к широкому социально-культурному явлению, и выходит за интересующие нас историко-литературные рамки. Отчасти это так. Однако в признаниях студентки мы видим ломаную логику любого культа, произвольность причинно-следственных связей и, конечно же, мифологизацию объекта.

Указанные качества горьковского культа были развиты и гиперболизированы в культе Пушкина. Важно заметить, что развитие горьковского и пушкинского культов тесно взаимосвязаны и, более того, структурно схожи. Так, например, В парадигме советского литературоцентризма фигуры как Пушкина, так и Горького позволяли обосновывать любое суждение о любом явлении культуры непререкаемым авторитетом классика.

В культурной политике 1930-х Пушкин являлся неким мерилом, с помощью которого оценивалось качество того или иного произведения или автора. Более того, Пушкин был диалектически связан как с большевистской революцией, так и с соцреализмом и, в частности, с Горьким. Так, журнал «Большевик» писал о рубеже XIX–XX веков: «И если все же Пушкин и тогда прокладывал своими произведениями путь к читателю, <…> если он пленил талантливого мальчика Алексея Пешкова, впоследствии великого пролетарского писателя Максима Горького, то это происходило потому, что творчество Пушкина носило глубоко прогрессивный характер» [12, с. 3]. «Ни царская цензура, ни буржуазная фальсификация не могли до конца скрыть от народа подлинного Пушкина. Его произведения проникали в рабочие жилища <…>. Творениями Пушкина зачитывались в свободные минуты рабочие-большевики – впоследствии виднейшие руководители ВКП(б) и советской власти. // Наша партия подняла на большую историческую высоту, раскрыла подлинный облик поэта и тем сделала его близким народу» [там же]. Вглядимся в

логику исторического процесса, изложенную «Большевиком». С одной стороны, Пушкин – поэт, питавший истинно русскую, народную, прогрессивную культуру, вдохновлявший революционеров и будущего соцреалиста Горького. С другой стороны, именно революционеры, соцреалисты и, в частности, Горький открыли в Пушкине все народно-прогрессивное, освободив поэта от чуждых масок консерватизма.

Именно такой амбивалентный образ литератора идеализировала советская культурная политика 1930-х годов: прогрессивный писатель должен воодушевлять партию, но только партия дает ему возможность быть по-настоящему прогрессивным и воодушевлять.

ВЫВОДЫ

Таким образом, Пушкин и Горький воплощали образ идеального писателя в двух различных историко-социальных ипостасях. Обратимся к мыслям А. П. Платонова: «Когда послепушкинская литература, заканчиваясь Толстым и Чеховым, стала после них вырождаться в декадентство, народ резко “вмешался” и родил Максима Горького – линия Пушкина сразу была восстановлена. // Горький начал собою третий период русской (советской теперь) литературы, – если первым периодом посчитать Пушкина, а вторым – всю большую послепушкинскую группу писателей. // В лице Горького спасена была великая литература от разъедания и разложения ее трупным ядом империализма» [11, с. 108-109]. История русской литературы в глазах Платонова замкнута меж двух реалистов, один из которых был прогрессивен вопреки царскому строю, другой – благодаря свершающейся революции.

При этом Горький являлся вершиной литературоцентристской иерархии. В 1934 году писатель подытоживал спор с А. Серафимовичем о П. С. Парфенове апелляцией к высшему авторитету, находящемуся уже вне литературной плоскости: «Нам нужно вспомнить, как относился к языку Владимир Ленин. // Необходима беспощадная борьба за очищение литературы от словесного хлама, борьба за простоту и ясность нашего языка, за честную технику, без которой невозможна четкая идеология» [6, с. 7]. Трудно понять конструктивность горьковского предложения, если вспомнить

сбивчивый, порой переусложненный, а порой страдающий недосказанностью слог Ленина.

Обобщим сделанные наблюдения. Для искусств Горький выступал своеобразным проводником культурной политики, чей авторитет подкреплялся высочайшими гарантами – Пушкиным по художественной линии и Лениным по линии политической. Для конкретных искусств, в частности, кино, это оборачивалось серьезными медиально-творческими проблемами: им предъявлялись мерки литературного творчества, совершенно неадекватные другим искусствам, другим медиа.

Список литературы

1. Авербах Л. За большое искусство большевизма // ЛОКАФ. 1931. №7 С. 143-155.
2. Белицкий Г. Заметки о советской кинематографии // Литературный критик. 1935. №3. С. 130-149.
3. Булгакова О. Советский слухоглаз: кино и его органы чувств. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 320 с.
4. Вишневский Вен. Максим Горький и кино // Пролетарское кино. 1932. №19-20. С. 17-25.
5. Вьюгин В. «Способностей не имею...» Читатель «Литературной учебы», 1930-1934: социальный портрет в письмах // Неприкосновенный запас. 2013. № 4(90).
6. Геллер Л. Боден А. Институциональный комплекс соцреализма // Соцреалистический канон / под ред. Гюнтер Х. Добренко Е. – М. : Академический проект, 2000. – 1036 с. С. 289-319.
7. Горький М. Литература и кино / Собр. соч. в 30 т. Т. 27. М.: ГИХЛ, 1953. С. 433-441.
8. Горький М. Открытое письмо А. С. Серафимовичу // Литературная учеба. 1934. №2. С. 3-7.
9. Горький М. Синематограф Люмьера // Собр. соч. в 30 т. Т. 23. М.: ГИХЛ, 1953. С. 242-246.

10. Жирмунский В. Как не надо писать стихи // Литературная учеба. 1931. №4. С. 96-110.
11. Иванов А. Философия по краям. Интервью с Валерием Подорогой и Михаилом Ямпольским / Ad Marginem ’93. Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии Российской академии наук. – М. : Ad Marginem, 1994. – 423 с.
12. Куприянов С. Творческое содружество драматурга и театра // Искусство и жизнь. 1938. №8. С. 14-15.
13. Кондаков И. В. и др. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / И. В. Кондаков, К. Б. Соколов, Н. А. Хренов. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с. С. 624.
14. Лелевич Г. Дмитрий Фурманов // ЛОКАФ. 1931. №2. С. 142-145.
15. Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. М.: Время, 2011. 720 с.
16. Пушкинские дни – смотр советских культурных сил // Большевик. 1937. №4. С. 1-8.
17. Ставский В. После пленума ССП // Знамя. 1937. №4. С. 270-280.
18. Стенограмма обсуждения сценария Е. Виноградской 11.10.1933. Отдел рукописей ИМЛИ РАН, ф. 52. оп. 1, ед. хр. 224, ч. 10.
19. Читатель о советской литературе // Литературное обозрение. 1937. №19-20. С. 63-74.
20. Шмидт П. Ю. Кино и биология // Кино и культура. 1929. №2. С. 25-27.
21. Юков К. Творчество Горького на экран! // Пролетарское кино. 1932. №17-18. С. 1-18.
22. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с. С. 99-100.

THE GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES; POSTGRADUATE STUDENT OF THE MANUSCRIPT DEPARTMENT

Goncharenko A.A.

Summary. Soviet culture of the 1930s is often called literary-centric, as in the works by O. Bulgakova, L. Geller and A. Boden, I. Kondakov, A. Yurchak and as V. Podoroga says. Anyway as a rule this definition isn't explained. This paper could fill in this gap. Scheme "Gorky-the Mentor" is examined on the basis of the rare articles and newly discovered archives. The functioning of this ideology was demonstrated in the way how Soviet literary criticism interpreted the problems of the interaction of writers with the cinema. It was Gorky who became the main embodiment of the image of the writer-mentor, the medium of literary wisdom. This phenomenon was structured in the following way: not only the writer himself participated in the management of cultural policy, but his image was actively used by other writers to support their demands.
Keywords: literary centrism, cinema, Gorky, socialist realism, literary criticism

References

1. Averbakh L. *Za Bol'shoe Iskusstvo Bol'shevizma* [For the Great Art of Bolshevism]. LOKAF. 1931, no 7, pp. 143−155.
2. Belitskii G. *Zametki o Sovetskoi Kinematografii* [Notes on Soviet Cinema]. *Literaturnyi kritik*. 1935, no 3, pp. 130−149.
3. Bulgakova O. *Sovetskii Slukhoglaz* [Soviet Ear-Eye]. Moscow: Novoe literaturnoe Obozrenie Publ., 2010. 320 p.
4. Vishnevskii Ven. *Maksim Gor'kii i Kino* [Gorky and Cinema]. *Proletarskoe kino*. 1932, no 19−20. P. 17−25.
5. V'yugin V. *"Sposobnostei ne imeyu..."* Chitatel' «Literaturnoi ucheby», 1930−1934 ["I Have No Skills" Readers of the "Literary Study" 1930−1934]. *Neprikosnovennyi Zapas*. 2013, no 4 (90).
6. Geller L., Boden A. *Institutsional'nyi Kompleks Sotsrealizma* [Institutional Complex of Socialist Realism]. *Sotsrealisticheskii kanon*. Ed. by Gyunter Kh., Dobrenko E. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2000. P. 289−319.
7. Gor'kii M. *Literatura i Kino* [Literature and Cinema]. Collected Works in 30 vol. Vol 27. Moscow: GIKhL Publ., 1953. P. 433−441.
8. Gor'kii M. *Otkrytoe pis'mo A. P. Serafimovichu* [Open Letter to A. P. Serafimovich]. *Literaturnaya Ucheba*. 1934, no 2, pp. 3−7.
9. Gor'kii M. Lumière's Cinematography. Collected Works in 30 vol. Vol. 23. Moscow: GIKhL Publ., 1953. P. 242−246.

10. Zhirmunskii V. *Kak ne Nado Pisat' Stikhi* [How Not to Write Poems]. *Literaturnaya ucheba*. 1931, no 4, pp. 96−110.
11. Ivanov A. *Filosofiya po Krayam. Interv'yu s Valeriem Podorogoi i Mikhailom Yampol'skim* [Philosophy ad Marginem. Interview with Valeryi Podoroga and Michael Yampolskyi]. Ad Marginem ’93. *Ezhegodnik Laboratorii Postklassicheskikh Issledovanii Instituta Filosofii Rossiiskoi Akademii Nauk*. Moscow: Ad Marginem Publ., 1994. 423 p.
12. Kupriyanov P. *Tvorcheskoe Sodruzhestvo Dramaturga i Teatra* [Creative Cooperation between Playwright and Theater]. *Iskusstvo i Zhizn*'. 1938, no 8, pp. 14−15.
13. Kondakov I. V. *Tsivilizatsionnaya Identichnost' v Perekhodnuyu Epokhu: Kul'turologicheskii, Sotsiologicheskii i Iskusstvovedcheskii Aspekty* [Civilizational Identity in the Transitional Era: Cultural, Sociological and Art Criticism Aspects]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2011, p. 624.
14. Lelevich G. *Dmitrii Furmanov*. LOKAF. 1931, no 2, pp. 142−145.
15. Platonov A. P. *Fabrika Literatury* [Factory of Literature]. Moscow: Vremya Publ., 2011. 720 p.
16. *Pushkinskie Dni − Smotr Sovetskikh Kul'turnykh Sil* [Pushkin Days − a Review of Soviet Cultural Forces]. *Bol'shevik*. 1937, no 4, pp. 1−8.
17. Stavskii V. *Posle Plenuma SSP* [After the Plenary Meeting of the Union of Soviet Writers]. *Znamya*. 1937, no 4, pp. 270−280.
18. *Stenogramma Obsuzhdeniya Stsenariya E. Vinogradskoi* [Transcript of Scenario by E. Vinogradskaya Discussion] 11.10.1933. Otdel Rukopisei IMLI RAN, f. 52. op. 1, ed. khr. 224, ch. 10.
19. *Chitatel' o sovetskoi literature* [A Reader about the Soviet Literature]. *Literaturnoe Obozrenie*. 1937. no 19−20. P. 63−74.
20. Shmidt P. Yu. *Kino i Biologiya* [Cinema and Biology]. *Kino i Kul'tura*. 1929, no 2, pp. 25−27.
21. Yukov K. *Tvorchestvo Gor'kogo − na ekran!* [Gorky’s Art – to a Screen!]. *Proletarskoe kino*. 1932, no 17−18, pp. 1−18.
22. Yurchak A. *Eto Bylo Navsegda, Poka ne Konchilos'* [Everything Was Forever, Until It Was No More]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2014. 664 p. P. 99−100.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Филологические науки. Том 1 (69). № 1. 2017 г. С. 81–90.

УДК 398.22 (=51212)

ЖАНРОВО-СТИЛЬОВА СВОЄРІДНІСТЬ КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЇ НАРОДНОЇ ЕПІЧНОЇ ОПОВІДІ «НАР-КОМИШ»

Гуменюк О. М.

Кримський інженерно-педагогічний університет, Сімферополь
e-mail: ***uakafedra@mail.ru***

Кримськотатарські народні епічні оповіді (дестани) поділяються на два основні цикли. Одна група дестанів пов'язана з художнім осягненням історичних, суспільно-політичних процесів. Інша – це переважно любовні історії. Тут попри провідну епічність доволі відчутний ліричний струмінь, а героїчні мотиви поєднуються із сентиментальними. В наративній структурі цих фольклорних творів прозовий виклад поєднується з віршованим.
Характерним зразком героїко-романтичної епічної оповіді є дестан «Нар-комиш», який детально аналізується в цій публікації. Звертається увага на тематичні й стильові аспекти цього фольклорного твору, на своєрідне й органічне поєднання в його композиції прозового й віршованого викладу, на певний розвиток в його образній структурі традицій жанрів казки й богатирського епосу.
Ключові слова: фольклор, епос, дестан, жанр, стиль, поетика.

ВСТУП

Кримськотатарські народні епічні оповіді (дестани) можна поділити на два основні різновиди. Більшість із них – це любовні історії. Тут попри провідні епічні аспекти доволі відчутний ліричний струмінь, а героїчні мотиви поєднуються із сентиментальними. У цих фольклорних творах трактуються здебільшого сюжети, поширені у всьому тюркському світі, тож власне кримських реалій тут стрічається не дуже багато. Інша група дестанів пов'язана з художнім осягненням суспільно-політичних процесів. Розглядаючи тюркський епос, відзначаючи в його наративній структурі поєднання віршів та прози, В. Жирмунський вдається до певної жанрово-стильової класифікації, вказуючи на два типи такого поєднання: 1) основна частина оповіді, як і мови героїв, має віршовану форму, прозові уривки – це лише сполучні перехідні ланки оповідного типу; 2) оповідь цілком ведеться у прозовій формі, а віршовані партії містять слова чи пісні героїв (це, на думку дослідника, «народні романи» героїко-романтичного чи просто романтичного характеру, які мають в порівнянні з творами першого типу більш пізнє походження [3, с. 615–616]. Неважко помітити відповідний поділ і серед кримськотатарських дестанів. Любовні історії, про які йшлося вище, – зразки цього другого наративного типу. А оповіді, більшою

мірою пов'язані з художнім осягненням суспільно-політичних подій, історичних процесів належать до першого наративного типу, більш давнього.

Кримськотатарські дестани представлені головним чином у фольклорних збірниках та хрестоматіях Я. Шерфедінова [7], Дж. Бекірова [2], Сабріє Кандимової та Нузета Умерова [4]. Їх особливе значення в жанровій системі національного фольклору підкреслювали Р. Музафаров [5], Дж. Бекіров [1], інші фольклористи. Однак вони ще зовсім мало досліджені. Особливо це стосується героїко-романтичних дестанів. Основна мета цієї публікації – детально розглянути один з найбільш характерних зразків кримськотатарського героїко-романтичного епосу – дестану «Нар-комиш», спираючись насамперед на метод естетико-філологічного аналізу, а також на структурно-типологічний, лінгвокультурологічний, герменевтичний методи, з'ясувати особливості його поетики, зокрема жанрово-стильової структури та образної системи.

ВИКЛАД ОСНОВНОГО МАТЕРІАЛУ

Епічна оповідь «Нар-комиш» відзначається особливою близькістю до жанру казки. Її важко беззастережно означити як любовну історію, хоч про любов тут також ідеться. Може здатися, що в цьому фольклорному творі забагато як для дестану казкових елементів. Притому тут доволі характерна саме для такого жанру як дестан неординарна постать головної героїні, якій випадає на своєму життєвому шляху здолати чимало тяжких, часом, здавалося б, непереборних труднощів. Саме ця постать, а не традиційна любовна пара, як в інших подібних оповідях, тут у центрі уваги і є основою художньої цілісності, скріплює композиційну структуру, близьку до мозаїчної, ближчу, ніж в інших романтичних дестанах. Зосередженість уваги на відважності однієї героїні певною мірою зближує цю оповідь з богатирським епосом. Впадає в око прикметне для дестанів поєднання прозового викладу з віршованими пасажами. Причому ці пасажі в даному разі важко назвати вставками, бо вони доволі рясно й при тім органічно вплетені в загальну наративну канву.

Починається твір традиційною казковою формулою на кшталт «Десь колись…», «У давні незапам'ятні часи…»: «Бир заманда бар экен, бир заманда ёк экен…» [4, с.

319]. Почав формуватися він вочевидь і справді в глибоку давнину, коли ще траплялися, однак уже піддавалися осуду сексуальні стосунки між кревними. Родина бідняків (батько, мати, дочка й двоє синів) живе в такому віддаленому відлюдді, що в їхньому житлі ніколи не ступала нога когось іншого. Така екстремальна обставина поєднується ще з однією – донька в цій сім'ї незрівнянної вроди, «другої такої в цілому світі немає» [4, с. 319]. Судячи з дальших подій, це таки думка об'єктивного оповідача, а не суб'єктивне враження батьків, які живуть у цілковитому безлюдді. Як би там не було, але батьки вирішують віддати доньку за старшого сина. Дівчину ж аж ніяк не тішить подібна перспектива. Дізнавшись про це від молодшого брата, вона бере до рук дзбан і рушає до джерела по воду. Вона охоплена такою тугою, що вирішує більше не повертатися в родину й звертається до пишного комишу, яким поросло озеро неподалік джерела, з проханням прихистити її. Природа тут вочевидь стає на сторожі гармонійних прагнень героїні. Комиш за її бажанням розкрився і закрився, надійно сховавши страдницю.

Чекав і не дочекався, шукав і не знайшов сестру-наречену старший брат. Він настійно звертається до прибережних заростей, аби викликати зниклу сестру. Це вишукане поетичне звернення, образно виразне, інтонаційно проникливе, звуково орнаментоване. Ми ніби чуємо суголосне душевним переживанням персонажів бентежне шелестіння комишу. Ще більше посилюють відчутну тут сугестивність, динамічну експресивність звукові й словесні повтори, в яких можна угледіти характерне для стилістики всього твору поєднання символіки чисел 3 і 2. Скажімо, в чіткій потрійній римі (къамыш – къамыш – … – эмиш) перші два компоненти мають більш чітку й тотожну співзвучність. Подана також як звернення до комишу відповідь сестри, враженої тим, що брат її називає своєю милою, коханою («ярем»), майже аналогічна попередній тираді брата, але тим виразніше тут заперечення. Далі маємо повторення ситуації та відповідну гру майже тотожних віршованих катренів у діалозі з утікачкою матері, яка дочку називає невісткою. Зрештою означається композиційний перехід на новий оповідний рівень внаслідок так само оформлених звернень до комишу молодшого брата, який сестру називає сестрою і рушає з нею в мандри. Подібне емоційно насичене повторення майже тотожних віршованих

конструкцій характерне й для інших діалогів, які знаменують моменти особливого напруження оповіді – заборона братові пити з незнаного озера, залицяння падишаха, відчайдушні звернення баранчика до різника й до морської глибіні.

Отож тільки коли до озера підійшов молодший брат та покликав сестру, комиш розступився й сестра до нього вийшла. Дальша частина оповіді – мандрівка світ за очі. Вірний молодший брат супроводжує сестру в далекій тривожній дорозі. Небезпеки й спокуси, які чигають в такій мандрівці, унаочнюються в поширеному казковому мотиві заборони пиття води з непевних джерел. Після того, як за другим разом брат, якому не терпілося вгамувати спрагу, таки випив ковток води з озера, що стрілося їм на шляху, він таки перетворився в ягня. Зрештою опечалені подорожні прибувають у розкішний сад. Вони опиняються біля джерела, з якого береться вода для тутешнього падишаха.

Із завершенням мандрівки починається третя частина оповіді. Лишивши братика скубти неподалік травичку, дівчина про всяк випадок вилізла на дерево над джерелом. Падишахові служники – носії води, що приходять по черзі до джерела і бачать у ньому відображення дівчини, можна сказати, тяму втрачають від її вроди. Їх ошелешеність знаходить в оповіді певне пояснення. Заклопотані простолюдини, яких, напевно ж, не допускали в пишні покої, жодного разу не бачили своїх відображень у дзеркалі, тож кожен вирішив, що то його власне відображення й подумав, що не личить такому красеню носити воду хай навіть і падишахові, відтак порозбивав дзбани й подався шукати кращої долі. Коли спершу один, потім другий, а зрештою і третій служник не повернулися з водою до палацу, падишах сам рушив до джерела. Спершу він упав у глибоку задуму, угледівши черепки від розбитих дзбанів, а потім побачив у джерелі відображення, зрештою й саму дівчину на гіллі. Враження від дівочої вроди, ще тільки відбитої в джерелі, передаються влучною психофізичною деталлю: «У нього серце забилося частіше». А коли падишах звів погляд угору, то узрів дівчину, гарну, мов «місяць уповні» (дослівно – «на чотирнадцятий день») – це традиційне порівняння у східному фольклорі.

Як раніше тричі дівчину викликувано з комишу, так тепер тричі запрощувано падишахом спуститися з дерева. Від почуттів, що його переповнюють, падишах

висловлює своє прохання не буденною мовою, а співочою. Дівчина відмовляється стати несподіваному залицяльникові коханою, нареченою, але після третього його благального звернення погоджується стати донькою і спускається з дерева.

У палаці дівчина розповіла падишахові про всі свої пригоди, а він, співчутливий та лагідний, таки вмовив красуню стати йому дружиною. Високопоставлена чужинка в палаці, ясна річ, потрапляє у плетиво заздрісних інтриг. Далі оповідається про ці підступні інтриги та про те, як героїні врешті-решт вдається щасливо вийти з їхнього смертельно небезпечного виру. Ініціатором лиходійства стає плюгава дівчина, що живе при дворі, у неї «очі сірі, волосся куце, лице рябе» [4, с. 605]. Але це насамперед внутрішньо потворна істота, яка після від'їзду падишаха на полювання все робить, аби усунути суперницю й зайняти її місце. Попри застороги чоловіка та його прохання не виходити без нього за межі палацу молода дружина таки не змогла відмовити дівчатам із придворного оточення і пішла з ними на морське узбережжя розважитися. Зрозуміло, що все це організувала заздрісна плюгавиця, яка й зіштовхнула з крутого берега суперницю в морську глибінь, де ту миттю проковтнула велетенська риба. Зодягшись у залишене на березі ошатне вбрання падишахової дружини та влігшись у її покоях на принесеному матраці з цибульної шкаралущі, лиходійка вдає із себе хвору понівечену красуню, мовляв, поки падишах полював, її очі потьмяніли у довгому чеканні, круки їй волосся обчухрали, а вороння поклювало обличчя. Довершує вражаючу, розраховану на падишахову легковірність картину шумовий ефект – нібито скрегіт костей стражденної (то так рипіла цибульна шкаралуща, коли вона переверталася в постелі). На скрушне запитання співчутливого падишаха, як же зарадити лиху, незугарна відповіла, що напевне б одужала, якби з'їла м'яса «оцього баранчика». Падишах украй здивувався, а плюгавиця сказала, що то вона раніше просто вигадала, буцімто баранчик – то її брат.

У цьому дивному падишахстві чулий не лише падишах, а й різник. Він тричі відпускає баранчика, дозволяє йому перед смертю прибігти до моря й прочитати молитву, востаннє намилуватися білим світом, вдихнути пахощі квітки. Тривожна сентиментальна напруженість цієї сцени підкреслюється цілковитим превалюванням у ній віршованої форми. Віршовані і благальні звернення баранчика до різника

Болата, і його заклики до сестри, настільки бентежно-проникливі, що їх не можна не почути навіть у морській безодні, віршовані й відповіді сестри, безпорадність якої помножується тим, що вона в череві риби, не здатної її до кінця проковтнути (чорне волосся колишеться зовні), народжує немовлят. За третім забігом баранчика до моря падишах вирішив простежити і сам почув відповідь красуні. Відтак найнято найкращих пірначів, визволено падишахову дружину разом з народженими йому двома синами-близнюками, а лиходійку та її посіпак прив'язано до хвостів диких коней, котрих вигнано в степ. Щасливий кінець із дидактичним відтінком – ще одна казкова стильова прикмета цієї загалом казково обарвленої оповіді.

У цьому фольклорному творі дається взнаки доволі струнка й вигадлива композиційна структура, яка, можна сказати, має орнаментальний характер. В основі її певної ритмічної розміреності лежить насамперед магія числа 3. В оповіді чітко виділяється три основні частини – з'ясування родинних стосунків, подорож світ за очі, пригоди у дворі падишаха. В останній частині, найбільш розгорнутій та драматичній, у свою чергу маємо композиційну тріаду – зустріч і одруження з падишахом, підступне лиходійство, нелегке й тривожне, але врешті-решт щасливе його подолання. Неважко переконатися, що потрійні візерунчасті вузлики раз-у-раз оздоблюють та скріплюють оповідну тканину. В родині, про яку йдеться на початку твору, троє дітей – два брати й сестра. З густого комишу збентежену дівчину викликають тричі – спершу старший брат, потім мати, врешті молодший брат. Падишах подався сам до джерела після того, як троє його служників один за одним не повернулися звідти до палацу. В завершальній частині твору три головні дійові особи: красуня – падишах – плюгавиця. Тричі відпускає різник баранчика до берега моря і знову ж таки падишах саме за третім разом вирішує з'ясувати що й до чого. Таку основну тут ритмічну послідовність злегка відтіняє рідше стріване, але все ж помітне звернення до магії числа 2. Коли дівчина обурилася нав'язуваним їй батьками осоружним одруженням, вона опинилася в дорозі удвох з молодшим братом. Мабуть, невипадково тут не тричі, а саме двічі вона просить підлітка не пити з незнаних озер – за другим разом той не витерпів спраги, ковтнув води й перетворився в ягня. Врешті-решт в екстремальних умовах красуня народжує

падишахові двійню. Певне поєднання магії чисел 3 і 2 можна угледіти в основному тут способі контрастного групування персонажів, який можна означити таким чином: протагоніст – герой – антагоніст; конкретніше: молодший брат – сестра – старший брат; красуня – падишах – плюгавиця. Отже ще раз підкреслимо, що апеляція до цифрової магії, яка спостерігається на рівнях композиційної будови, сюжетного плину, системи персонажів, надає стильовій структурі твору особливої стрункості та витонченості, своєрідної орнаментальності.

Як зазначалося, художній сенс провідних у творі житейських реалій ефектно увиразнюється зверненням до образності казкового характеру. Насамперед привертає увагу винесений у заголовок пишний комиш, Нар-комиш, який вочевидь символізує суголосність природи гармонійним прагненням людини. До подібного трактування, мабуть, може надатися і образ велетенської риби, яка ковтнула красуню ймовірно з тим, аби зберегти і її, і народжених малюків. Комиш не реагує на «нечестиві» заклинання і підкоряється лише волі дівчини, яку прихистив у скрутну мить. «Нар къамиш» можна перекласти як «Жар-комиш» з огляду на дещо застаріле значення слова «нар» – «вогонь» [6, с. 383] (більш поширене нині значення цього слова – «гранат»; втім спільність семантичного гнізда обох значень очевидна). Контекст свідчить, що поняття вогненності подається тут не в прямому, а в переносному сенсі – палкий, пристрасний комиш. У такому випадку «Нар къамиш» було б доречно перекласти як «Чар-комиш». Запрограмована таким комишем чарівність супроводжує та оберігає головну героїню й надалі, чим, певно, можна пояснити доречність озаглавлення цим образним поняттям не лише першої частини, де воно безпосередньо фігурує, а й усієї оповіді.

ВИСНОВКИ

Неабияка драматична напруга та емоційна насиченість епічної оповіді «Нар-комиш» зумовлює неабияку роль у її наративно-композиційній структурі поруч із основним прозовим викладом віршованих пасажів. Вони подаються тут здебільшого у формі поетичних заклинань, як правило, тричі повторюваних. Таке повторення чітко організованих тотожних словесно-синтаксичних формул створює значний

сугестивний ефект. Втім цей ефект посилюється й тим, що ця тотожність не є абсолютною, щоразу в повторюваній строфі змінюється певна деталь, нібито й незначна, але семантично вельми суттєва.

Комиш тісно пов'язаний з водою. Художня значимість цього образу виразно співвідноситься тут з широко розгорнутою та варійованою символікою водної стихії, яка хоч буває й небезпечною, все ж невипадково в багатьох фольклорних системах асоціюється з життєдайністю й любов'ю. Прикметно, що основні події дестану «Наркомиш» відбуваються біля джерел (до джерела дівчина пішла, дізнавшись про перспективу осоружного одруження, біля джерела відбулася її зустріч з падишахом, котрий закохався спершу у відображення красуні у воді, а потім і в неї саму), а також озер і моря.

Повчальна й зворушлива історія, яка має переважно житейський характер, поєднання прозового викладу з віршованими діалогами свідчить, що за жанровою основою цей фольклорний твір належить віднести до романтичного дестану. Разом з тим у ньому відчутна близькість до поетики богатирського епосу, бо в центрі тут насамперед непересічна героїня, а не любовна пара. Суттєво збагачують жанрово-стильову палітру твору, надають його образності особливої принадності й виразності казкові елементи. Образна та сюжетно-композиційна структура цього дестану відзначається неабиякою стрункістю й витонченістю, своєрідною орнаментальністю, в основі якої відчутна апеляція до символічної магії чисел.

Список літератури

1. Бекиров Дж. Къырымтатар халкъ дестанларынынъ хусусиетлери // Дестанлар / Топлагъан ве тертип эткен Джафер Бекиров. – Ташкент : Гъафур Гулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1980. – Б. 6–25.
2. Дестанлар / Топлагъан ве тертип эткен Джафер Бекиров. – Ташкент : Гъафур Гулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1980. – 152 б.
3. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос / В. М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1974. – 728 с.

4. Къырымтатар эдебияты кутюпханеси. Халк иджады: масаллар, эфсанелер, дестанлар – Бібліотека кримськотатарської літератури: казки, легенди, епоси / Упорядники Сабріє Кандимова, Нузет Умеров. – Львів : Світ, 2012. – 640 с.
5. Музафаров Р. Очерки фольклора тюркоязычных народов : автореф. дис. … докт. филол. наук. / Рефик Музафаров. – Баку : Академия наук Азербайджанской ССР, Отделение общественных наук, 1967. – 28 с
6. Усеинов С. М. Къырымтатарджа-русча-украиндже лугъат – Крымскотатарско-русско-украинский словарь – Кримськотатарсько-російсько-український словник / С. М. Усеинов. – Акъмесджит (Симферополь, Сімферополь) : Тезис, 2008. – 836 с.
7. Шерфединов Я. Звучит кайтарма – Янърай къайтарма / Я. Шерфединов. – Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1979. – 232 с.

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЭПИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ «НАР-КАМЫШ»

Гуменюк О. Н.

Крымскотатарские эпические сказания (дестаны) можно разделить на две основных группы. Одна из них связана с художественным постижением исторических, социально-политических процессов. Другая группа – это преимущественно любовные истории. В последней группе, хоть и преобладает эпическая повествовательность, явственно ощутима лирическая струя, а героические мотивы сочетаются с мотивами сентиментальными. В нарративной структуре дестанов сочетаются прозаическое изложение и стихотворные пассажи.

Весьма характерным образцом крымскотатарского народного героико-романтического сказания является дестан «Нар-камыш», который детально рассматривается в данной статье. Обращается внимание на тематические и стилевые аспекты этого фольклорного произведения, на своеобразное и органическое сочетание в его композиции прозаического и стихотворного изложения, на определенное развитие в его образной структуре традиций жанров сказки и богатырского эпоса.

Ключевые слова: фольклор, эпос, дестан, жанр, стиль, поэтика.

GENRE AND STYLISTIC PECULIARITIES OF THE CRIMEAN TATAR EPIC STORY *NAR-KAMYSH* (*"FLAME-RUSH"*)

Humeniuk O. M.

Summary. Crimean Tatar epic tales (destans) can be divided into two main groups. One of them relates to artistic representation of historical, social and political events. The other one mainly includes romances. Although with prevailing epic style of narration, the latter obviously reveals a lyric theme while heroic motives intertwine with sentimental ones. The narrative structure of destans combines prosaic exposition and poetic passages.

The article researches in details a piece of writing called *Nar-Kamysh* which is proved to be one of the typical samples of a Crimean Tatar folk epic and romantic tale. The author investigates thematic and stylistic features of the tale under analysis and points out a specific and smooth fusion of prosaic and poetic manners in it. The evolution of a fairy-tale and epic as genres is shown through the development of the imaginary structure of a literary work.

Keywords: folkore, epic, destan, genre, style, poetics.

References

1. Бекиров Дж. Къырымтатар халкъ дестанларынынъ хусусиетлери. Дестанлар. Топлагъан ве тертип эткен Джафер Бекиров. – Ташкент: Гъафур Гулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1980. Б. 6–25.
2. Дестанлар / Топлагъан ве тертип эткен Джафер Бекиров. – Ташкент: Гъафур Гулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1980. 152 б.
3. Zhyrmunski V. M. Tyurkskii Geroicheskii Epos [Turkish Heroic Epos]. Leningrad: Nauka Publ., 1974. 728 p.
4. Къырымтатар эдебияты кутюпханеси. Халк иджады: масаллар, эфсанелер, дестанлар. Lviv: Svit Publ., 2012. 640 с.
5. Muzafarov R. Ocherki Folklora Tyurkoyazychnykh Narodov: Avtoref. Dis. … Doc. Filol. Nauk [Essays of Folklore by Peoples of Turkish Languages]. Baku, 1967. 28 p.
6. Useinov S. M. Qırımtatarja-Russha-Ukrainje Luhat [Crimea Tatar-Russian-Ukrainian Dictionary]. Simferopol: Tezis Publ., 2008. 836 p.
7. Sherfedinov Ya. Zvuchit Kaytarma – Yaňray Qaytarma [Qaytarma Sounds]. Tashkent: Hafur Huliam Adına Edebiyat ve Saňat Neşriyatı Publ., 1979. 232 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Филологические науки. Том 3 (69). № 1. 2017 г. С. 91–99.

УДК 82-1 Сельвинский

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИРИКЕ И. Л. СЕЛЬВИНСКОГО 1920-Х-1930-Х ГГ.

Зябрева Г. А., Гажала И. А.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И Вернадского», Симферополь
e-mail: 250695@list.ru

В статье рассматривается проблема взаимодействия музыки и слова в лирическом наследии И. Л. Сельвинского, проводится анализ наиболее показательных видов такого взаимодействия. Установлено, что для творческой практики автора 1920-х-1930-х гг. характерно смелое соединение как собственно литературных приемов создания поэтического образа, так и сугубо музыкальных средств художественной изобразительности. И. Л. Сельвинский широко использует лексические и синтаксические повторы, звукоподражания, вариативность ритмических конструкций, концептуально и метрически значимые паузы, организует стихотворный текст на основе смыслового и фонетического контрапункта, с учетом структурных особенностей песни, сонаты, рапсодии и иных жанров музыкального искусства. Достигнутый синтез придает его произведениям высокую содержательную емкость и эстетическую выразительность, неповторимое стилевое своеобразие и динамизм.
При этом очевидно, что формальный поиск мастера направлен не на утверждение собственной оригинальности, а на обогащение творческого арсенала отечественной поэзии. Опыт И. Л. Сельвинского формирует, в частности, неповторимый облик русского конструктивизма, который, по мысли авторов статьи, предстает креативным развитием сложившихся традиций в условиях смены разных художественных эпох и поколений.
Доказательность сделанных выводов обеспечена механизмом их получения, реализованным в публикации. Стихотворные эксперименты И. Л. Сельвинского оцениваются в параметрах музыковедения, соотнесенных с литературоведческой методологией.
Ключевые слова: литература, музыка, стихотворный текст, музыкальная техника, конструктивизм.

ВВЕДЕНИЕ

Взаимосвязь музыкального искусства и литературы интересовала человечество с древнейших времен, однако только в XVIII веке эта взаимосвязь составила предмет самостоятельных исследований. В настоящее время рассмотрением ее занимаются как музыковеды (например, В. Бобровский и др.), так и филологи-компаративисты (Р. Брузгене и др.).

Применительно к словесности рубежа XIX – XX столетий категорию музыки закономерно распространяют на творческую систему символистов и неоправданно, с нашей точки зрения, игнорируют в искусстве художников других направлений и течений, в частности И. Л. Сельвинского. Хотя изучением его исканий занимались многие серьезные исследователи (В. Л. Гаврилюк, Р. М. Горюнова, И. А. Добровольская, Л. С. Пастухова, Л. А. Рустемова, И. А. Степанова,

О. С. Резник, А. З. Лежнев и др.), до сих пор никем из них не анализировалось влияние музыкального начала в лирике поэта. Своеобразие подхода к исследуемому материалу, неугасающий интерес к конструктивизму как весьма оригинальному литературному феномену, представленному именно И. Л. Сельвинским, недостаточная изученность его необычного творческого опыта объективно свидетельствуют об **актуальности и научной новизне** данной публикации. **Цель** ее – охарактеризовать влияние музыкальной традиции на конструктивистское творчество мастера. Объектом осмысления избраны стихотворные произведения И. Л. Сельвинского 1920-х-1930-х гг., с должной наглядностью иллюстрирующие основные принципы его поэтики.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Взаимодействие литературы и музыки рассматривается гуманитаристикой в различных ракурсах. С. П. Шер, к примеру, выделяет три аспекта такого взаимодействия:

симбиоз литературы и музыки (вокальная музыка);

программная музыка, т.е. музыка, написанная на сюжет какого-либо литературного произведения;

музыка в литературе [1, с. 93], т.е. музыка, воссозданная посредством художественного слова.

Нас интересует именно третий тип отношений, сложившихся между этими видами искусства, так как приоритетом здесь является собственно литература. Обобщив наблюдения в этой области, С. П. Шер выделяет следующие формы проявления музыки в литературе:

вербальная музыка, являющаяся имитацией музыки в тексте;

речевая музыка, к которой относятся ритм, динамика и т.п. особенности организации текста;

аналоги музыкальной техники и структуры внутри литературного текста [1, с. 93].

Проследим, как соотносятся звук и слово в творчестве И. Л. Сельвинского, для которого характерны поэтические формы, сходные с музыкальными жанрами песни, вальса, сонета, рапсодии и т.д.. Подчеркнем при этом, что лирические произведения поэта, созданные в рассматриваемый период творчества, намеренно строятся в соответствии с законами конструктивизма, среди которых выделяются тактовая просодия (стих, имитирующий закономерности конкретного музыкального отрезка), паузы (ломающие ритм повествования), высота тона (обозначенная графически с помощью вопросительного знака в середине слова) и система ударений (регулирование силы звука посредством акцентуализации отдельных элементов текста).

В стихотворении «Цыганская рапсодия», написанном в размере 4/4 тактовой просодии, поэт в строках, принадлежащих лирической героине – ЕЙ, – использует только дактилический тип рифмы, а в строках, принадлежащих лирическому герою – ЕМУ – и им ОБОИМ, – чередование дактилического с гипердактилическим. Партии ХОРА, наряду с указанной, свойственна также женская рифмовка. В этом построении, по нашему мнению, проявляется математический расчет конструктивиста, добивающегося волнообразного движения плавных строк, а затем намеренно ломающего созданный ритмический рисунок, что присуще рапсодии как музыкальному жанру:

ОНА: На за́паде[1]

Була́ная

Пыла́ет-то

Мете́ли?ца.

ОН: По́лымя́

Па́далицей

До́лами?

ПрЯдается?

[1] Большими буквами указаны ударения, реконструированные авторами статьи, все остальные – принадлежать И.Л.Сельвинскому.

ОБА: На западе - пОлымя

Буланою па́далицей,

Полями да дОлами

Метелица прЯдается.

ХОР: Гей-та гоп-та гунда́ала

Задымило дунда́ала

Прендэ-андэ-дэнти-вОля

Тнды?-рундыду́ндаала [3, с. 66]

Помимо выявленных закономерностей, в данном стихотворении находят отражение и переклички тем как прием, свойственный музыкальному искусству. Повторяющиеся начало первой и третьей, а также конец второй и третьей строф создают ощущение переклички между девушкой и юношей, т.е. происходит чередование лирической темы героини и героя, ее сопряжение с динамической темой хора.

Следует отметить, что у И. Л. Сельвинского часто в названии произведения или его подзаголовке содержится отсылка к определенной музыкальной форме. Так, стихотворение «Сивашская битва», написанное на 2/4 ритмической конструкции, характерной для почерка И.Л. Сельвинского, имеет дополнительное определение «соната» и содержит основные признаки данного музыкального жанра, включающего в себя, как правило, три или четыре части:

Первая часть текста И. Л. Сельвинского является весьма напряженной и состоит из экспозиции, в границах которой происходит представление героев (*Шли бойцы, шли бала-гуры, / шли газетчики из ПУРа…*[4, с. 113]); развертывания конфликта, доведенного до кульминации (*Утром стычка, / В полдень битва. / К ночи бой. / Сраженье в ночь* [4, с. 113]); и репризы, повторяющей и усиливающей ключевые темы экспозиции (*Пара барабанов - / Утром стычка. / Пара барабанов - / Битва в ночь. / И опять врагу навстречу / Серой сталью / Ухо брей! / Утром сеча, / Днем баталья, / И созвездья / На заре* [4, с. 113]). Дополнительную энергию даннному фрагменту придает имитация барабанного боя (*Пара барабанов, / Пара барабанов / Била бурю./ Пара барабанов, / Пара барабанов / Била бой* [4, с. 113]).

Вторая часть музыкальной сонаты, по традиции медленная, реализует течение авторской мысли, рисует лирически возвышенный пейзаж. В стихотворении его заменяет текст приказа войскам, исполненный патриотического пафоса. Изменение темпа повествования происходит за счет увеличения длины строки и обилия знаков препинания, соответствующих обилию пауз (*Но на путях. К этому миру. С коварным крестом. / С окровавленным франком. Встал штыками. / Последним барьером. Крымский разбойник - / Белый барон* [4, с. 115]*)*

Финал рассматриваемой музыкальной формы обычно предельно динамичен. Это итог, заключающий предшествующий мелодический ряд. В данной части стихотворения И. Л. Сельвинского происходит заметное усиление скорости изложения за счет редукции длины строки (*На карте Крым себя заковал, / Шверпункты бронею залив…*[4, с. 114]); смелого использования конструктивных принципов В. В. Маяковского (*Но уж с тыла контрбурей / стаю воронов согнали/ На прикрытье белокуро-/ кудреватые сигналы* [4, с. 114]), а также повторяющихся с небольшими изменениями номинативов (*Юшунь. / Перекоп. / Турецкий вал. Юшунь. / Перекоп. / Последний окоп…*[4, с. 114]). Весьма оригинальным представляется и параллельное написание предложений «лесенкой» в пределах одной строфы, что позволяет вдвое увеличить емкость содержания и создать у читателя ощущение одновременности происходящего:

ТАНК
Офицеры
ПОЛЗ
Отбивают
ВВЕРХ
Штурмом
ГРОХ
Неудача
ЛЯЗГ
«где лезгины?»

КРАХ

Отступа-ать!

ДЕНЬ

«…прячь погоны…»

ГАС

«дай завесу…»

МЕРК

Все погибло! [4, с.116]

На этом фоне закономерным является вывод: *И красная песня взошла / В бородатых от боя горах* [4, с. 116].

В цикле стихотворений «Песни» прослеживается связь не только с музыкальной традицией, но и с устным народным творчеством, что сказывается в повторах последних строк либо слов. Так, в стихотворении «Шли три матроса» рефреном идет: *И только вступили в Севастопольскую бухту, / Как их споразило грозой* [3, с. 78].

В стихотворении «Заночуй, милочек» присутствуют повторы в форме анафоры (*Заночуй, милочек, / заночуй разочек* [3, с. 78]), а также эпифоры, совмещенной с единоначатием:

Конница –буденница

Ко́нив напувала.

Конив напувала,

Со двора съезжала,

Со двора съезжа-ha-ла-ла

Саблями бряцала [3, с. 80].

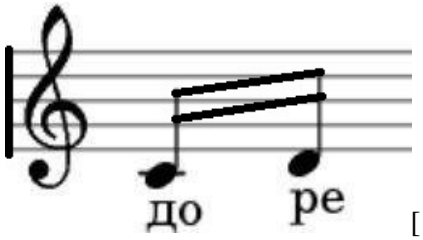
Следует отметить, что свой лирический текст поэт нередко насыщает музыкальной терминологией (*Черный лебедь, похожий на ноту*…, или *Скрипку в гроб, как девочку, скрипач*, или *... и медный тон, и деревянный, / как меж фаготами тромбон* [4, с. 511]), фамилиями композиторов (Шопен, Шуман, Паганини и др.), а в лиро-эпику вносит даже изображение нотного стана:

А Блох? Он в реестрах жесток и колюч,

Выписывапет «Ф» - как скрипичный ключ,

Да имя супруги - Дóрэ

Он произносит как



[3, с. 516].

ВЫВОДЫ

Как видим, огромную роль в творчестве И.Л. Сельвинского играет музыка, которая облегчает восприятие сложно скомпонованного конструктивистского стиха. Средства, позволяющие добиться несомненного эстетического эффекта, относятся как к собственно литературным: повторы, звукоподражания и т.п., так и литературно-музыкальным: тактовая просодия, жанровая палитра мелодических композиций. Применяя терминологию С. П. Шера, следует сказать, что в творчестве И. Л. Сельвинского наблюдается равно удачное использование как вербальной, речевой музыки, так и музыкальных структур и технических приемов. Данная особенность лирики поэта несомненно обогащает восприятие читателя, позволяя ему развить не только литературную, но и музыкальную отзывчивость, ведь постижение творческого опыта И. Л. Сельвинского требует от реципиента серьезной подготовки и определенного настроя. Не случайно, размышляя об искусстве, сам поэт говорил: «Овладеть искусством может только тот, кто им занимается. Читатель поэзии должен быть специалистом таким же, как читатель нот. Поэзия требует между собой и массой такое же техническое посредничество, какое имеет творчество композитора в музыканте, творчество драматурга в актере. Отсутствие такого посредничества создает бесконечные кризисы в современной поэзии, тогда как это в равной мере и кризис массовика, от которого ждут, что он вдруг сможет овладеть культурой пения поэтических нот» [2].

Список литературы

1. Брузгене, Р. Литература и музыка: о классификациях взаимодействия [Текст] / Р. Брузгене // Вестник Пермского университета. - 2009. - Вып. 6. - С. 93-99.
2. Кодекс конструктивизма // КРУ ЦМТ. – ДМС. – КП394, Д48
3. Сельвинский, И. Л. Избранные произведения [Текст] / И. Л. Сельвинский. – Л.: Советский писатель, 1972. – 960с.
4. Сельвинский, И.Л. Собрание сочинений в шести томах [Текст] / И.Л. Сельвинский. – т.1. – М: Художественная литература, 1971. – 701с.

THE MUSICAL TRADITION IN I. L. SELVINSKY'S LYRIC POETRY OF THE 1920S-1930S.

Zyabreva G. A., Gazhala I. A.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol
e-mail: 250695@list.ru

Summary. The article deals with the problem of the interaction of music and words in the lyrical heritage of I. L. Selvinsky, the most representative types of such interaction are being analyzed. It is established that the creative practice of the author in 1920s-1930s, is characterized by a bold combination of both literary methods of creating a poetic image and purely musical means of artistic representativeness. I. L. Selvinsky widely uses lexical and syntactic repetitions, onomatopoeia, the variability of rhythmic constructions, conceptually and metrically significant pauses, organizes a poetic text based on the semantic and phonetic counterpoint, taking into account the structural features of song, sonata, rhapsody and other genres of musical art. The achieved synthesis gives his works a high content capacity and aesthetic expressiveness, a unique style identity and dynamism.

At the same time, it is obvious that the formal search of the master is not aimed at asserting one's own originality, but at enriching the creative arsenal of Russian poetry. Experience of I. L. Selvinsky forms, in particular, the unique appearance of Russian constructivism, which, according to the authors of the article, appears as a creative development of the established traditions in the conditions of changing different artistic epochs and generations. The proof of the conclusions is provided by the mechanism for obtaining them, implemented in the publication. Poetic experiments of I. L. Selvinsky are evaluated in the parameters of musicology, correlated with literary methodology.

Keywords: literature, music, poetic text, musical technique, constructivism.

References

1. Bruzgene R. *Literatura i Muzyka: o Klassifikatsiyakh Vzaimodeistviya* [Literature and Music: on Classifications of Interaction]. *Vestnik Permskogo Universiteta*, 2009, no 6, pp. 93-99.
2. *Kodeks Konstruktivizma*. KRU CMT, DMS [Code of Constructivism]. Crimean Republican Establishment of the Central Museum of Tauris, the House-Museum of Selvinsky. Simferopol – KP394, D48
3. Selvinsky I. L. *Izbrannye Proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad. Sovetskii Pisatel' Publ. 1972.
4. Selvinsky I. L. *Sobranie Sochinenii v Shesti Tomakh* [Collected Works in Six Volumes]. V.1. – Moscow: Hudozhestvennaya Literature Publ., 1971.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Филологические науки. Том 3 (69). № 1. 2017 г. С. 100–110.

УДК 82-1

СТИХОТВОРЕНИЕ А. КУШНЕРА «КОГДА БЫ ГРАД ПЕТРОВ СТОЯЛ НА ЧЕРНОМ МОРЕ…»: СВОЕОБРАЗИЕ КРЫМСКОГО МИФА

Курьянова В. В.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И Вернадского», Симферополь
e-mail::kuryanova_v@mail.ru

Статья посвящена феномену крымского текста в русской литературе. На примере стихотворения А. Кушнера «Когда бы град Петров стоял на Черном море» рассматриваются ключевые для данного сверхтекста варианты крымского мифа (константных мифологизированных представлений) – миф о Крыме как античной стране и миф о Крыме как райском саде – и их репрезентация в данном стихотворении и лирике Кушнера. Помимо названных, выделен также свойственный поздним (в основном XX века) произведениям средневековый (генуэзско-венецианский) вариант крымского мифа, который до сих пор не был изучен исследователями. В традиционном для крымского текста ключе в статье представлена известная антитеза Крым – Петербург, рассматриваемая как противопоставление русских Севера и Юга, однако в данном исследовании подчеркнуто, что привычные представления дополняются в изучаемом поэтическом тексте антитезой Венеция – Петербург, причем Венеция выступает своеобразным семантическим синонимом Крыма. Взаимодействие двух мифов, являющихся формообразующими для двух топосных текстов – петербургского и крымского (с привлечением венецианского), показанное А. С. Кушнером с известной долей иронии и с использованием парадоксальных аналогий-антитез, свидетельствует об оригинальности художественных решений поэта в трактовке крымского мифа.
Ключевые слова: сверхтекст, топосный текст, крымский миф, петербургский миф, Кушнер.

ВВЕДЕНИЕ

Впервые топосный сверхтекст был описан В. Н. Топоровым на примере петербургского текста [12], что дало в отечественной филологии мощный толчок к изучению локальных текстов, а затем и сверхтекстов вообще.

Представление о крымском тексте в науке возникает на противопоставлении двух полюсов: северного и южного, Крым – южный полюс был представлен как райское место в отличие от мрачного и сумеречного Петербурга – северного полюса, что подчеркивал в своих исследованиях А.П. Люсый [10, с. 13].

В последствии крымский миф и крымский текст исследовался учеными уже без привязки к Петербургскому тексту [см., напр., работы: 7; 8; 4]. Проблема крымского текста (как и московского, венецианского, лондонского, алтайского и пр.) становится самостоятельной и вызывает постоянный интерес среди литературоведов, являясь на данный момент одной из самых востребованных.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Стихотворение А. С. Кушнера «Когда бы град Петров стоял на Черном море…» (1996) – яркая репрезентация крымского текста. Содержание произведения находится в русле изначальной идеи возникновения первых литературоведческих исследований по этой проблеме. Противопоставление в русской культуре Северо-Запада и Юго-Востока и историю возможности возникновения столицы в Крыму анализирует А. П. Люсый: «Петр I однажды даже стоял «на берегу пустынных волн» все в том же Корчеве во время так называемого Керченского похода 1699 года <...> Лишь внешнеполитические обстоятельства – невозможность организовать общеевропейскую антитурецкую коалицию в ходе царских путешествий-посольств на запад из-за начинающейся войны за испанское наследство – вынудили его изменить геополитическую ориентацию, но не геопоэтические искания русской литературы» [10, с. 20]. То есть идея строительства града Петра на Черном море отнюдь не «изобретение» А. С. Кушнера, а имеет длинную историю и множество почитателей и вполне мифологизирована русской историей. Согласно существующей традиции петербургский поэт развивает этот миф, наполняя текст смелостью и образностью, сообразной авторской манере.

Данное поэтическое произведение А. С. Кушнера полностью подходит под критерии выделения топического сверхтекста, предложенные В. Н. Топоровым [13, с. 60-61]: в н у т р е н е е с о с т о я н и е (отрицательные характеристики Петербурга: тоска, тяжелые сны, холод во взоре, обиды, – в противопоставлении Крыму: «без тоски и холода», «был бы здравый смысл в героях и богах», «лазурные бы сны под веками пестрели»), п р и р о д а (в описании природы подразумевается противопоставление природы Крыма и северной столицы: находясь на Черном море, «град Петров с горы, как виноградник, шпалерами» бы «сбегал к уступчатым волнам» [9, с. 469]), к у л ь т у р а (нынешнему Петрову граду Венеция – не-подруга, как и весь средиземноморский мир, отсюда отсутствие здравого смысла в древнегреческих героях и богах; в петербургских каналах не плещутся нереиды, зато плещется в снегу «эта тварь» «в синяках») [9, с. 469]. Противопоставляя отрицательные реалии

традиционно воспринимаемого петербургского текста крымскому тексту, А. С. Кушнер создает свой собственный крымский миф, в большей степени соответствующий варианту – «Крым как райский сад» (по классификации С.О. Курьянова [7]). Поэт наполняет город яркими приметами удивительно красочного, приветливого, уютного края: *милость судьбы, фавор, купались нереиды, уступчивые волны, лазурные сны*.

Существует некая традиция причислять стихотворение А. С. Кушнера «Когда бы град Петров стоял на Черном море» к венецианскому тексту [6; 15]. Действительно, венецианский текст в творчестве А. И. Кушнера отчетлив и может составить серьезное направление исследовательской работы, которое без сомнений на сегодняшний день актуально. Существует большое количество стихотворений автора, в которых Венеция является организующим пространством. Но в данном стихотворении несомненно представлен исключительно крымский миф и порождаемый им крымский текст. В произведении присутствуют лишь две приметы культурного венецианского кода: «каналы» и «лазурные сны» (да и это спорно!), поэтому трудно в данном случае говорить о полноценном венецианском тексте, тем более, что анализируемое стихотворение находится в контексте иных «крымских» произведений А. С. Кушнера и следующим в сборнике следует произведение «Я рай представляю себе, как подъезд к Судаку…», а далее – стихотворение-рассуждение о крымских винах.

Знакомый с устремлениями Петра (или интуитивно предполагая их), поэт мечтательно формирует своё представление о столице России и дает возможность представить соответствующую изменённую картину русского мира читателю. Кушнер показывает, какими могли бы быть русский человек и русская культура в случае строительства Петербурга на Черном море, и утверждает, что национальный менталитет русского человека стал бы абсолютно другим – диаметрально противоположным.

Поэтому контрастна реальному граду Петра предполагаемая столица, стоящая не на «брегах Невы», а на Черном море.

Если бы надежды Петра I были бы осуществлены и в результате Азовских походов царь бы «в слезах прорвался на Босфор» («в слезах», конечно же, радости) [9, с. 469], прорубив окно в Европу не с севера, а с юга, совершенно изменилось бы мировосприятие русского человека, не было бы в нём привычной «среднерусской тоски», отчаяния и безысходности:

Мы б жили без тоски и холода во взоре,
По милости судьбы и к ней попав в фавор [9, с. 469].

Поскольку к южанам судьба более благосклонна, им нет необходимости столько усилий прилагать для получения необходимого: южные регионы плодородны и благоприятны по климатическим условиям.

В каналах Петербурга, стоявшего на Черном море, плескались бы нереиды, древнегреческие мифические существа, и радовали бы глаз (отсылка к крымскому античному мифу), а «тварь в снегу и синяках» никогда не появилась бы на улицах южной столицы. Древнегреческие боги и герои, столь многочисленные в культурном облике Петербурга (да и собственные герои также имеющие в монументах античный облик, как, например, Суворов), логичнее и обоснованнее нашли бы себе место в Крыму, на территории которого не только существовали древнегреческие поселения, но и происходили события древнегреческих мифов. Обычные сны не снились бы россиянам, а «лазурные» бы «под веками пестрели», виделись бы крылья Икара и Геракловы столбы.

Последние также являются частью античного крымского мифа. По сюжету десятого подвига [5] Эфрисей поручил древнегреческому герою пригнать в Микены коров великана Гериона, чтобы принести их в жертву богам. Первая часть подвига (кража стада у великана) оказалась достаточно легко выполнимой, но на обратном пути у Геракла возникло несколько препятствий. Когда он решил переместится от Геракловых столбов, то «погнал стадо на восток, за Понт Эвксинский, где были обширные степи и много сочной травы» [12]. Пока коровы паслись, Геракл завернулся в шкуру льва и заснул. Богиня Апа украла колесницу и быков Гериона и

шантажом заставила вступить героя с ней в любовную связь. Согласно крымской легенде скифские цари, имевшие своими владениями территорию Тавриды, произошли от Скифа, сына Геракла и богини Апы (полудевы-полузмеи). Геркулесовы столбы – это самая крайняя точка путешествия Геракла. В древности мореплаватели считали, что за ними край Земли. Понятие Геркулесовы столбы – достаточно широко, самая распространенная версия, что они обрамляли Гибралтар, но существует мнение, что в проливе Босфор Геркулесовы столбы также являлись составной частью комплекса сооружений. В стихотворении упоминание этих высот безусловно отсылает читателя к мифу об античном Крыме.

Миф о средневековом Крыме представлен читателю строкой «Венеция б в веках подругой нам была» [9, с. 469]. На территории Северного Причерноморья (в западноевропейских источниках называемого Газарией) в XIII–XV веках располагалось свыше двадцати генуэзских и венецианских поселений, среди которых на территории современного Крыма были крупные крепости Каффа, Чембало, Солдайя. Несмотря на то, что Генуя и Венеция регулярно враждовали из-за торговой конкуренции, по происхождению и культуре в восприятии русских они были очень близки. Как известно, «в 1292 году началась семилетняя война за сферы влияния между Венецией и Генуей, в которой Венецианская республика потерпела поражение. В 1299 году итальянские государства заключили «вечный мир» [2]. То есть любимая поэтом Венеция в полной мере была близкой подругой средневековому Крыму, и значительная часть крымской истории связана с итальянскими колониями.

По А. С. Кушнеру, если бы столица Российской империи располагалась на крымском побережье, совершенно иным содержанием была бы наполнена русская литература. Сам Петр, основатель града, не воплотился бы в ней в облике жестокого, презирающего маленького человека Медного Всадника:

Не идол бы взлетал над бездной, Медный Всадник
Не мчался б, приземлясь, по трупам, по телам. [9, с. 469].

Причём А. С. Кушнер аллюзивно обращается в цитированных строках не только к А. С. Пушкину («Не так ли ты над самой бездной / На высоте, уздой железной / Россию поднял на дыбы» [11]), создавшему устрашающий образ великого русского монарха, но и к стихотворению И. Ф. Анненского «Петербург» («Царь змеи раздавить не сумел, / И прижатая стала наш идол» [3]). Поэт-модернист видел северную Венецию городом еще более сумрачным, бесчеловечным, безнадежным. И конечно, будь Петербург на Черном море, то не стал бы править городом идол – Медный Всадник, Раскольников не убил бы старуху-процентщицу, Акакий Акакьевич не мог бы родиться в крымской живительной атмосфере («Тогда б ни топора под мышкой, ни шинели…» [9, с. 469]). Эсхатологический петербургский миф просто не возник бы.

Перечисляя таким образом самые известные произведения русской классики, действия которых происходят в Санкт-Петербурге, А. С. Кушнер безусловно, показывает, насколько определяющими они являются для создания петербургского текста.

Это ни в коей мере не значит, что поэта не устраивает русская литература или сверхтекст о Петербурге, созданный русскими писателями. Он погружает читателя в некую не сложившуюся русскую историю, которая могла бы пойти иным путём, «когда бы град Петров стоял на Черном море», и подчёркивает, что если бы в основе культурного кода России лежал южный миф, а не северный, то несомненно иным было бы мировосприятие русского человека, иной была бы русская культура.

ВЫВОДЫ

Особенность авторского крымского мифа, таким образом, состоит в том, что поэт, опираясь на уже существующие мифологизированные константные представления о Крыме, создает свой миф, основанный тем не менее на вполне реальных, но так и не реализованных векторах российского государственного развития, заложенного еще Петром I. А включающие в себя авторскую иронию поиски нового понимания судеб России путём художественного осмысления предполагаемых, но не случившихся исторических ситуаций (это также обозначено,

например, в стихотворении того же времени «Когда б я родился в Германии в том же году…» [9, с. 461]), выводят на парадоксальное понимание того, что иной судьбы, на протяжении двух веков определяемой её северной столицей (именно тем Петербургом, какой явлен в произведениях русской классической литературы), у России быть не могло и не может. Тем не менее мифологизированная идея возможного, но не сбывшегося, основанная на мироотношении поэта, тем более отражается в его стихах, что она изначально живет в его сознании. Но образ реального, сложившегося северного Петербурга, его литературная мифология ближе и понятнее поэту. Вот почему, опираясь на противопоставление двух литературных мифов – северного петербургского и южного крымского (в разных вариантах последнего – «античном», «средневековом» и «райском») поэт в одном из интервью четко формулирует свое отношение к городу на Неве: «Наверняка мечта любого петербуржца – оказаться где-нибудь на Черном море, в прекрасном городе. Но не будем жаловаться! Потому что даже такой – снежный, мглистый, туманный, дождливый – Петербург нам нравится» [1].

Список литературы

1. Александр Кушнер: «То, что я родился в Ленинграде, считаю одной из самых своих больших удач» (Поэт Александр Кушнер и Алексей Лушников в телепрограмме «Весь Кушнер») [Электронный ресурс] // Информационный портал: Пр. – Режим доступа: http://polit.pro/news/aleksandr-kushner-to-chto-ya-rodilsya-v-leningrade-schitayu-odnoy-iz-samyh-svoih-bolshih-udach. – (Дата обращения: 18.06.2017).
2. Андреев, А. История Крыма [Электронная ресурс] / А. Андреев. – М., 2002. – Режим доступа: http://acrimea.narod.ru/index.htm. – (Дата обращения: 18.06.2017).
3. Анненский, И. Ф. Стихотворения и трагедии [Текст] / вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания А. В. Фёдорова / И. Ф. Анненский. – Л.: Советский писатель, 1990. – С. 186.

4. Ищенко, Н.А. Перо сильнее, чем клинок… Мифология Крымской войны 1853–1856 годов в литературе Великобритании второй половины XIX века [Текст] : Монография / Н. А. Ищенко – Симферополь : Крымский Архив, 2007. – 324 с.
5. Кун, Н. А. Коровы Гериона (десятый подвиг) [Текст] / Н. А. Кун // Н.А. Кун Легенды и мифы Древней Греции. – М., 1954. – С. 150–151.
6. Кунусова, А. Н. Венецианский текст в русской поэзии XX века [Текст] : дис. … канд. филол. наук : 10.01.01 / А.Н. Кунусова. – Астрахань, 2011.
7. Курьянов С. О. «…тайный ключ русской литературы»: генезис, структура и функционирование Крымского текста в русской литературе X–XIX веков [Текст] : монография / С. О. Курьянов. – Симферополь : Бизнес-информ, 2014. – 424 с.
8. Курьянова В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого [Текст] / В. В. Курьянова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. – 220 с.
9. Кушнер А. Избранное [Текст] / предисл. И. Бродского / А. Кушнер. – Санкт Петербург: «Художественная литература», 1997. – 496 с.
10. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе [Текст] / А. П. Люсый – СПб.: Алетейя, 2003. – 314 с.
11. Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. / под общей ред. Д.Д. Благого, С. М. Бонди и др. / А.С. Пушкин. – М., 1960. – Т. 3. – С. 297.
12. Севостьянов, А. Легенды и сказания Крыма [Электронный ресурс] / А. Севостьянов. – Aegitas, 2014. – 514 с. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/1020179/28/Legendy_i_skazaniya_Kryma.html. – (Дата обращения: 18.06.2017)
13. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды [Текст] / В. Н. Топоров. – Санкт-Петербург : «Искусство-СПБ». 2003. – 616 с.
14. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» [Текст] / В. Н. Топоров // Ученые записки Тартуского государственного университета : Труды по знаковым системам. Семиотика города и городской культуры. Петербург. XVIII. – Тарту, 1984. – Вып. 664. – С. 3–29.

15. Sadzińska, Ewa Петербургская лирика Александра Кушнера в системе сверхтекста русской литературы / E. Sadzińska [Текст] // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. Zeszyt specjalny – 2015, с. 283-292.

POEM BY A. KUSHNER WHENEVER THE CITY OF PETER STOOD ON THE BLACK SEA...: ORIGINALITY OF CRIMEAN MYTH

Kuryanova V. V.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)
e-mail::kuryanova_v@mail.ru

Summary. The article is devoted to the phenomenon of the Crimean text in Russian literature. On the basis of A. Kushner's poem *Whenever the city of Peter stood on the Black Sea* the author of the article considers the variants of the Crimean myth (constant mythologized representations) important for the given super-text, namely the myth of the Crimea as an ancient country and the myth of the Crimea as the Garden of Eden. Their representation in the given poem and in Kushner's lyrics are also examined. Additionally the author identifies a medieval (Genoese-Venetian) version of the Crimean myth that was characteristic of the late (mostly twentieth century) works, which has not yet been studied by researchers. As it is traditional for the Crimean text studies, the article presents the well-known Crimean-Petersburg antithesis, viewed as the opposition between the Russians of the North and the South, but in this study it is emphasized that the usual representations are supplemented in the poetic text under study by the antithesis Venice-Petersburg, and Venice acts as a kind of semantic synonym for the Crimea. The interaction of two myths that are forming for two topographic texts, St. Petersburg and Crimean (with the involvement of the Venetian), shown by A. Kushner with a certain irony and with the use of paradoxical analogies, attests to the originality of the poet's artistic decisions in interpreting the Crimean myth.
Keywords: super-text, topos text, Crimean myth, Petersburg myth, Kushner.

References

1. *«To, Chto ya Rodilsya v Leningrade, Schitayu Odnoy iz Samykh Svoikh Bol'shikh Udach» (Poet Aleksandr Kushner i Aleksey Lushnikov v Teleprogramme "Ves' Kushner")* [Alexander Kushner: "I Think it is my Highest Fortune that I Was Born in Leningrad" (Poet Alexander Kushner and Alexei Lushnikov in the TV Program "The Whole of Kushner")]. Information Portal. Available at: http://polit.pro/news/aleksandr-kushner-to-chto-ya-rodilsya-v-leningrade-schitayu-odnoy-iz-samyh-svoih-bolshih-udach. (accessed 18 June 2017).
2. Andreev A. *Istoriya Kryma* [History of Crimea]. Moscow, 2002. Available at: http://acrimea.narod.ru/index.htm. (accessed 18 June 2017).

3. Annenskiy I. F. *Stikhotvoreniya i Tragedii* [Poems and Tragedies]. Leningrad: Sovetskiy Pisatel' Publ., 1990. 186 p.
4. Ishchenko N.A. *Pero Sil'neye, Chem Klinok… Mifologiya Krymskoi Voyny 1853–1856 Godov v Literature Velikobritanii Vtoroi Poloviny XIX Veka* [The Pen Is Stronger than The Blade ... Mythology of The Crimean War of 1853-1856 in The Literature of Great Britain of The Second Half of The XIX Century]. Simferopol': Krymskiy Arkhiv Publ., 2007. 324 p.
5. Kun N. A. *Korovy Geriona (Desyatyi Podvig).* Cows of Gerion (The Tenth Feat). Legends and Myths of Ancient Greece. Moscow, 1954. pp. 150–151.
6. Kunusova A. N. *Venetsianskii Tekst v Russkoi Poezii XX Veka.* [Venetian Text in Russian Poetry of the Twentieth Century]. Astrakhan, 2011.
7. Kur'yanov S. O. *«…Taynyi Klyuch Russkoi Literatury»: Genezis, Struktura i Funktsionirovaniye Krymskogo Teksta v Russkoi Literature X–XIX Vekov* ["... The Secret Key of Russian Literature": The Genesis, Structure and Functioning of The Crimean Text in Russian Literature of the 10–19th century Centuries]. Simferopol': Business Inform Publ., 2014. 424 p.
8. Kur'yanova V. V. *Krymskii Tekst v Tvorchestve L. N. Tolstogo* [Crimean Text in The Works of Leo Tolstoy]. Simferopol': Business Inform Publ., 2015. 220 p.
9. Kushner A. *Izbrannoe.* [Selected Works]. St. Petersburg: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1997. 496 p.
10. Lyusyy A. P. *Krymskii Tekst v Russkoi Literature* [Crimean Text in Russian Literature]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2003.
11. Pushkin A.S. *Sobraniye Sochinenii* [Collected Works]. 10 Tons. Moscow, 1960.
12. Sevost'yanov A. *Legendy i Skazaniya Kryma* [Legends of Crimea]. Available at: https://www.e-reading.club/chapter.php/1020179/28/Legendy_i_skazaniya_Kryma.html. (accessed 18 June 2017).
13. Toporov V. N. *Peterburgskii Tekst Russkoi Literatury: Izbrannyye Trudy*. [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg: Art-SPB Publ., 2003. 616 p.

14. Toporov V. N. *Peterburg i «Peterburgskii Tekst Russkoi Literatury»*. [Petersburg and "Petersburg Text of Russian Literature"]. *Bulletin of the Tartu State University: Proceedings on Sign Systems. Semiotics of the city and urban culture. Petersburg. XVIII*, Tartu, 1984, no 664, pp. 3–29.
15. Sadzińska, Ewa *Peterburgskaya Lirika Aleksandra Kushnera v Sisteme Sverkhteksta Russkoi Literatury*. [Petersburg's Lyrics of Alek*s*ander Kushner in the System of Supertext of Russian Literature] *Acta Universitatis Lodziensis. Litteraria Rossica.* 2015, pp. 283–292.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Филологические науки. Том 3 (69). № 1. 2017 г. С. 111–127.

УДК 82.091(=1.4)/(=1.9)

ТАКТИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ ЗА РОССИЙСКИЙ ИМИДЖ В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ СЕРЕДИНЫ XIX В.

Орехов В. В.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И Вернадского», Симферополь
e-mail: v-orehov@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования русской литературой середины XIX в. текста «ответной рецепции», ставшего реакцией российского общества и русской литературы на европейский текст о России. Несхожесть тактических приемов, выработанных русскими литераторами для коррекции зарубежного имиджа России, рассмотрены в контексте мировоззренческих противоречий российской общественной и литературной жизни обозначенной эпохи. Подходы в коррекции российского имиджа, предлагаемые русскими литераторами, зависели от литературных и политических авторских пристрастий. Так, официальная литература привносила в имагологический дискурс элементы государственной идеологии; славянофилы сосредоточивались на поиске в иностранном тексте о России извечной предвзятости, фатальной ненависти и искаженных фактов; западники, напротив, даже признавая мифологичность европейского восприятия России, стремились обнаружить в этом тексте объективное критическое начало, которое, по их мысли, могло бы быть полезным для осмысления российской действительности. В рамках разных идеологических парадигм создавались несхожие тексты «ответной рецепции», которые, тем не менее, сливались в единый общенациональный текст в защиту европейского престижа России.
Ключевые слова: имагология, текст, ответная рецепция, национальный имидж.

ВВЕДЕНИЕ

С начала XIX в. зарубежный текст о России превратился в один из важнейших объектов российской «национальной рефлексии». Закономерно, что русская литература включилась в этот процесс и активно генерировала отклики (тексты «ответной рецепции») на факты инонациональной рецепции России. В результате между русской и европейской литературами XIX в. существовал перманентный диалог по поводу российского имиджа (т. н. «имагологический диалог»). Однако было бы упрощением представлять эту ситуацию в виде самодовлеющего процесса, который сводился к упорядоченной межлитературной циркуляции имагологических суждений. Дело в том, что русско-европейский диалог о российском имидже осуществлялся в условиях острой литературной борьбы внутри самой русской литературы. А как следствие: ответы русской литературы на иностранные мнения о России зачастую «конфликтовали» между собой, производя впечатление смыслового

диссонанса. Чтобы объяснить природу этих разногласий, необходимо увидеть русский текст «ответной рецепции» сквозь призму внутринационального идеологического противостояния той эпохи.

Цель настоящей статьи – доказать зависимость русско-европейского имагологического диалога от особенностей конфликта мировоззренческих позиций в русской литературе XIX в. При этом необходимо решить следующие **задачи**: выявить тексты «ответной рецепции» русской литературы, путем сопоставления обнаружить содержащиеся в них принципиальные противоречия, соотнести эти противоречия с внутринациональной литературно-идеологической полемикой. **Объект** статьи – текст «ответной рецепции» русской литературы XIX в., **предмет** – особенности внутрилитературных противоречий, воплощенные в тексте «ответной рецепции». В перспективе результаты статьи могут быть применены в решении актуальных вопросов литературной компаративистики.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Вопрос о формировании общенациональной позиции в отношении европейского имиджа России остро стал перед русской литературой еще в XVIII в. В условиях относительного идеологического единства и на базе мировоззренческих установок, присущих эпохе классицизма, эта задача решалась по довольно простому сценарию: литература моделировала ситуации и характеры, способные служить неким образцом поведенческой тактики. Пожалуй, наиболее авторитетным образцом для европейской репрезентации России в конце XVIII в. стал «русский путешественник» Н. М. Карамзина, показавший российскому читателю, как следует «делать честь своему отечеству» [16, с. 225], странствуя по Европе.

Однако к середине XIX в. мировоззренческие противоречия в российской общественной и литературной жизни сильно обострились. Российская аудитория была разделена на группы и лагери точно так, как разделена была сама литература. А потому внутрилитературный (внутринациональный) диалог по поводу того, как же стоит отвечать иностранцам на их «сказания» о России, зачастую превращался в горячую полемику.

Так, в 1858 г. «Современник» опубликовал критическую статью о книге А. А. Гаряйнова «Что такое г. Тьер и нашествие его на Россию» [11], которая, в свою очередь, являлась критическим разбором труда французского историка о войне 1812 г.

Статья в «Современнике» не подписана, но принадлежала она Добролюбову [5, с. 338]. Автор рецензируемой брошюры, А. А. Гараяйнов – ныне забытый публицист. «Человек 1812 года» (как себя характеризовал Гаряйнов), он, кажется, начиная с эпохи взятия Парижа, интересовался отзывами иностранцев о России. В 1825 г. им опубликовано стихотворение «Воззвание парижан к нашему царю. 1815» [7]. В эпоху Крымской войны Гаряйнов был автором военных газетных передовиц: в них был и искренний запал, и обостренное чувство патриотизма, и оперативность. Он писал тогда в «Северную пчелу» статьи почти о каждом крупном военном событии и почти сразу переиздавал эти статьи в виде отдельных брошюр [8-10]. Военная ситуация оправдывала несдержанность в выражениях, декларативность, обилие лозунгов, приверженность официальной позиции, но в обновленных исторических условиях середины XIX века это начинало возбуждать раздражение новой критики.

Вернемся к брошюре Гаряйнова «Что такое г. Тьер…». Разоблачительный пафос автора выражался уже в названиях разделов: «Мелкие грехи г. Тьера»; «Крупные грехи г. Тьера»; «Г. Тьер весь налицо»; «Апофеоза г. Тьера». Между тем, Н. А. Добролюбов, иронизируя над А. Гаряйновым, цитирует его «опровержения». На замечание Тьера о неверии Кутузова в Божию Матерь и в Бога, Гаряйнов «горячо и благородно, – пишет “Современник” – защищал память великого полководца от нелепого и ужасного обвинения Тьера», и далее доводы Гаряйнова: «Фельдмаршал не был ханжа, но был хороший христианин в духе православной кафолической церкви, по старине. В этом убеждена вся Россия, и поручатся все, его знавшие. Мог ли князь, особенно, не веровать Владычице Небесной, он, добрейший из людей, надежный друг, преданный, родной и нежный отец! Все эти качества в человеке как-то еще больше располагают молиться Пречистой Деве, представительнице чистой любви Небесной. Образ Божией Матери даже в походах не оставлял его, и он будто Ей не веровал!» [14, с. 60]

Постепенно ирония статьи «Современника» усиливается. «К удивлению и к сожалению нашему, – замечает критик, – г. Гаряйнов принял грубый, раздраженный тон, допустил несколько выходок не совсем деликатных. Так, защищая Барклая-де-Толли, г. Гаряйнов говорит: “что кому за дело до происхождения чьего-нибудь?” А между тем сам же он “знакомство с Тьером” начинает с того, что “отец его (Тьера – *В. О.*) был мастеровым, а сестра содержала обеденный стол по два франка с половиною с персоны”. <…> Гаряйнов упрекает Тьера за то, что он назвал Кутузова, между прочим, *кривым* (что, в сущности, вовсе и не обидно). Господин Гаряйнов справедливо замечает, что выставлять на вид телесные недостатки человека – неблагородно. А между тем, сам же г. Гаряйнов издевается над малым ростом Тьера. Упрекая его за преувеличенное показание потери русских в битве при Молодечно, г. Гаряинов так говорит: “что за кровожадный человек этот г. Тьер: только и думает, как бы поболее перебить народу, а посмотреть на него, – в среднюю шеренгу внутренней стражи нельзя поставить; но чему дивиться – крошечные собачки всегда бывают очень злы”» [14, с. 61, 64].

«Современник» подмечает, что порою Гаряйнов «увлекается до того, что забывает сказать настоящее опровержение Тьеру и ограничивается восклицательным знаком и обращением вроде следующего: «Люди 1812 года! Скажите этому г. Тьеру, что он бессовестно и бесстыдно клевещет!» [14, с. 62]

Тон статьи превращается в совершенно уничтожающий, когда речь заходит о заявлении Гаряйнова, что книга его «должна перевестись на иностранные языки и пошлется в чужие краи». На что критик замечает: «Не лучше ли не делать этого? Нам кажется, что она может более повредить делу, нежели защитить его» [14, с. 63].

«Современник», откровенно потешаясь над брошюрой Гаряйнова, выбирает предметом критики манеру автора, а не цель его сочинения. Н. А. Добролюбов не хотел бы допустить, чтобы российская сторона была представлена столь неискушенным полемистом. Впрочем, не только – неискушенным. Корреспондент «Северной пчелы», Гаряйнов воспринимался как выразитель официальной точки зрения. Открыто спорить с такими литераторами допускалось далеко не всегда.

Скажем, А. В. Дружинин, познакомившись с опровержением Н. И. Греча на скандальный антироссийский памфлет Кюстина «Россия в 1839 году», записал в дневнике: «Эта рецензия далеко не так подла, как заставляет предполагать имя Греча <…>» [15, с. 298]. Мог ли Дружинин высказать это мнение публично, когда даже имя Кюстина было запрещено упоминать в печати? А вот дневниковая запись Герцена о той же книге Греча: «Гречева защита государя против Кюстина факт поразительный, – она обвиняет правительство гораздо хуже Кюстина тоном апологии <…>. Явная ложь, наглые презрительные ссылки на дела, всем известные и представленные совсем иначе, рабский, холопский взгляд и дерзкая фамильярность <…>. Нигде не защищает он России, он говорит только о лице государя, оправдывает его <…>» [12, с. 155]. Так полемика с официальными источниками и с «защитниками» России чаще всего велась на уровне потаенных записей и откровенных бесед в узком кругу.

Впрочем, основное литературное противостояние (во всяком случае, открытое противостояние) по поводу тактики «ответной рецепции» возникло между западникам и славянофилами. Как две эти партии разделились между собой на основе разности представлений о прошлом и будущем России, о необходимости или вреде подражания Западу и т. д., точно так же они разошлись во мнениях, каким образом следует русским защищать свой зарубежный имидж. Проблема европейского имиджа России настолько близко соприкасалась с идеологической системой славянофилов, что могло создаться впечатление, будто именно негативные суждения европейцев о России и стали импульсом возникновения славянофильского мировидения. Достаточно вспомнить героя повести В. А. Соллогуба «Тарантас» Ивана Васильевича, чьи патриотические «убеждения» зародились во время путешествия за границу. «<…> Иван Васильевич замечал, – пишет Соллогуб, – что, куда бы он ни показался, в какую землю бы он ни приезжал, – на него смотрят с каким-то недоброжелательным завистливым вниманием. Сперва приписывал он это личным своим достоинствам, но потом догадался, что Россия занимает невольно все умы и что на него так странно смотрят единственно потому, что он русский. Иногда за табльдотом делали ему самые ребяческие вопросы: скоро ли Россия завладеет всем светом? правда ли, что в будущем году Цареград назначен русской столицей? Все

газеты, которые попадались ему в руки, были наполнены соображениями о Русской политике. <…> Каждый день выходили из печати глупейшие насчет России брошюры и книги, написанные с какой-то лакейской досадой и ровно ничего не доказывающие, кроме бездарности писателей и опасений Европы. Мало-помалу заграничная жизнь заставила Ивана Васильевича невольно задуматься о своей родине. Думая о ней, он начал ею гордиться, а потом начал ее и любить» [18, с. 333]. В глазах Белинского подобная «история» патриотических чувств свидетельствовала об иллюзорности патриотических убеждений. «Неприязненные *толки иностранцев* о России, – писал он, отзываясь на повесть Соллогуба, – заставили Ивана Васильевича думать о своем отечестве и полюбить его. Черта, вполне достойная *Ивана Васильевича*! <…> Ему нужно, чтобы его толкали извне <…>. Без поездки за границу ему никогда не пришло бы в голову полюбить Россию <…>. Поэтому, как приятно, что <…> это не чувство, а новая мечта его праздношатающейся фантазии!» [4, с. 828]. И Соллогуб, и Белинский, конечно, метили в людей, мысливших в славянофильском русле. Характеристика Ивана Васильевича отразила противоречия между славянофилами и западниками по вопросу «неприязненных *толков иностранцев* о России». И думается, противоречия эти относились к числу принципиальных.

Противостояние между поклонниками и противниками европейского влияния существовало в России издавна. В XVII в. участие иностранцев во внутренних делах России вызывало недовольство православной церкви. Так, патриарх Иоаким в своем завещании «молил» российских царей, «да возбранят» они «проклятым еретикам иноверцам начальствовать в <…> государских полках»: «Потому что иноверцы с нами, православными христианами, в вере не единомысленны, в преданиях отеческих несогласны, церкви, матери нашей, чужды: какая же может быть помощь от них, проклятых еретиков, православному воинству?» [цит. по: 13, с. 161]. И кажется совершенно справедливым заключение Н. Страхова, что «славянофильство в зачаточных и неясных, хотя иногда и резких, формах обнаруживается с незапамятных времен» – «как естественная реакция своеобразного русского развития против <…> влияния Европы» [19, с. VII]. Однако с петровской эпохи конфликт между

сторонниками пришлых нравов и их противниками превратился в ось идеологической эволюции российского общества и русской литературы.

В 1811 г. сторонники «русского направления» объединились в литературное общество «Беседа любителей русского слова». Патриотическая идеология общества была ориентирована на официальное понимание предмета. Даже структурно Беседа напоминала некий государственный орган, поскольку была сформирована по образцу Государственного Совета [6, с. 22]. В 1815 г. в противовес ей образовалось знаменитое литературное общество «Арзамас». Участники «Арзамаса» со светской легкостью и литературным умением вышучивали своих оппонентов «беседчиков». Среди прочих поводов для иронии был, например, и такой: в 1816 г. С. С. Филатов публиковал в «Чтениях» Беседы статьи, где оспаривал «несправедливые суждения иноплеменных писателей касательно России». По этому случаю Д. К. Кавелин (в «Арзамасе» – «Пустынник»), как полагалось в «Арзамасе», прочел «Похвальное слово» будто бы усопшему Филатову. В «Слове» иронически имитировалось чтение филатовских трудов в Беседе. «Просыпавшиеся от времени до времени, свидетельствуют, – живописал Кавелин, – что в нем (в сочинении Филатова – *В. О.*) с математической точностью доказано было следующее: “В самой отдаленной древности и едва ли не прежде великого князя Владимира, может быть, даже Рюрика, может быть, даже прежде Арзамаса, российское воинство было образовано столько же хорошо, если не лучше настоящего <…>”. Пробудитесь, возлюбленные, воспряньте на минуту, и я еще крепче усыплю вас – прочтем напечатанное в Архивах Б[еседы] сочинение нашего усопшего: “О несправедливом суждении иноплеменных писателей касательно состояния России до XVIII века”» [2, с. 178].

Между тем, менялись условия, усложнялся идеологический уровень борьбы. К 1840-м гг. из литературного, по сути дела, спора она переросла в одно из острейших идейных противоречий, пронизавших российскую жизнь. И если в 1816 г. ответ «славенофила» на «несправедливые суждения иноплеменных писателей» мог вызывать неприятие со стороны «французоманов» – в первую очередь своей «усыпляющей» формой, то через три десятка лет подобный ответ вызывал западническую критику уже по существу самого вопроса.

Разность взгляда на тактику «ответной рецепции» обусловливалась коренным расхождением идеологических позиций западников и славянофилов. Это легко обнаруживается даже по тому «рецепту» противодействия европейской предвзятости, который предлагал А. С. Хомяков в статьях «Мнение иностранцев о России» (1845) и «Мнение русских об иностранцах»: проникнуться уважением к России, дабы внушить это уважение иностранцам. Этот «рецепт» оказывался косвенным ударом по западникам, которые готовы были критиковать и менять отечественный быт.

Для убедительности обратимся к дневнику А. И. Герцена. В январе 1844 г. Герцен узнал, что в Париже опубликована статья некоего русского, который утверждал, будто во Франции такое количество российских шпионов, что русские не решаются там откровенно беседовать с соотечественниками, опасаясь доноса. «Итак, мы являемся позорнее и позорнее для Европы, – замечал по этому поводу Герцен, – покров за покровом падает, и вместо сильного народа является коленопреклоненная толпа и палач. А славянофилы за надежды, за возможности смотрят с пренебрежением на европейцев <…>. В этом, как и во всем, останутся резкие преграды между нами» [12, с. 144]. В эту пору Герцен был целиком поглощен осмыслением разногласий между западниками и славянофилами и то и дело возвращался к проблеме европейского имиджа России. В декабре того же 1844 г. он записывал в дневнике вопросы, типичные для славянофилов: «Зачем иностранцы нас не понимают, зачем смотрят враждебно, зачем мало занимаются нами <…>?» И тут же отвечал: «Да зачем мы сами не более 15 лет стали заниматься собою как самобытными, да зачем, начавши собою заниматься, вывели одни нелепости? Заниматься кем-нибудь тогда только можно, когда он стоит этого» [12, с. 211]. Смог бы в то время Герцен выполнить рекомендацию Хомякова и проникнуться уважением к тем российским реалиям, которые считал губительными для своей страны, да еще до такой степени, чтобы передать это уважение иностранцам? И стоит ли удивляться тому раздражению, которое вызывали у Герцена славянофильские «рецепты» спасения России и ее европейского престижа? Вместе с тем не стоит забывать, что для Герцена не было свойственным безоговорочно воспринимать в качестве истины

антироссийские выпады зарубежных авторов. После эмиграции в Европу он станет одним из наиболее ярких и последовательных разоблачителей иностранных предвзятых мнений о России.

Несхожесть восприятия западниками и славянофилами современных отзывов европейцев о современной России распространялась и на отношение к зарубежным историческим источникам. В 1857 г. Н. Г. Чернышевский опубликовал в «Современнике» статью по поводу выпущенного П. И. Бартеневым «Собрания писем царя Алексея Михайловича». Чернышевский замечал: «Не лучше ли было бы позаботиться об издании на русском языке важнейших сочинений, написанных о старой Руси иноземцами? По своей драгоценности для изучения нашего старинного быта они важны не менее, нежели наши отечественные источники, быть может, даже важнее их». «<…> Вероятно, найдутся некоторые, – продолжает Чернышевский, – готовые уже возразить: “Но иноземные путешественники большей частью смотрели на нас глазами, предубежденными не в нашу пользу, и слишком мало знали наш быт”. Такое предубеждение против достоверности известий, сообщаемых иностранными писателями о старой Руси, совершенно несправедливо» [21, с. 3], – заключает публицист и в качестве подтверждения своей мысли приводит обширный пересказ очерка о «частном быте русских в XVI – XVII вв., составленный исключительно по иноземным писателям» [21, с. 5].

Подбирая материал, Чернышевский акцентирует внимание на пресловутых «азиатских чертах»: «Подобно народам татарского и монгольского племен, русские считали тучность одним из главных условий красоты» [21, с. 8]. «<…> Говорили, что если в женщине меньше пяти пудов веса, то красавицею ее нельзя назвать. <…> Пристрастие к баням не мешало общему восточному пороку – неопрятности, которая удивляла и смущала иностранцев» [21, с. 9]. «Следствия обычая женить <малолетнего мальчика на взрослой девушке> бывали приятны для свекра, и потому духовенство напрасно усиливалось препятствовать подобным бракам». «Нечего говорить о том, – заключает Чернышевский, – что все эти гнусные привычки имели чисто восточный характер» [21, с. 15]. После этого у читателя сам собой напрашивался вывод, что сближение России с Западом было единственным способом

борьбы с «азиатчиной». Нынешним историкам хорошо известно, что приведенные Чернышевским иностранные «известия» о России – это всего лишь элементы европейского мифа о «варварской России», рожденные политическими и национальными амбициями, но никак не стремлением авторов к исторической достоверности. Однако неприятие Чернышевским российской современности заставляло его абсолютизировать «достоверность» иностранных исторических источников в ущерб источникам отечественным, то есть допускать «перехлест», который по своей сути был подобен «перехлесту» славянофильскому: награждать приоритетом доверия лишь отечественные свидетельства. Борьба этих радикальных позиций вела к постепенному осознанию, что объективность исторических представлений предполагает изучение и «своих», и «чужих» свидетельств.

Для Чернышевского цитированная статья не была лишь эпизодическим поводом «задеть» славянофилов и в очередной раз провозгласить собственную западническую позицию. Исследование иностранных источников о российской истории являлось для него и осознанной необходимостью, и делом искреннего, глубокого интереса к познанию объективного хода истории. Это подтверждается среди прочего, например, его вниманием к иностранным сочинениям о Крымской войне. Известно, что он неоднократно выступал с критическими отзывами о них. Но приведем свидетельство, которое выглядит даже более красноречиво, нежели сами печатные работы Чернышевского. Речь идет о воспоминаниях Л. Ф. Пантелеева, где зафиксирована беседа Чернышевского с иркутским жандармским полковником Келером. И любопытно, о чем разговаривали жандарм и знаменитый литератор, а в недавнем прошлом – каторжанин Чернышевский, направлявшийся через Иркутск на поселение в Астрахань. «Когда разговор перешел на участие Чернышевского в “Современнике”, – вспоминает мемуарист, – то он особенно остановился на одной из своих статей, а именно: рецензии на известную книгу Кинглека о Крымской кампании. В течение, может быть, двух часов Н. Г. рассказывал содержание этой книги, и притом с такими подробностями, что можно было подумать, что он сам был участником осады Севастополя, так хорошо знал он расположение бастионов, батарей, частей войск и т. д.» [17, с. 484]. Кажется, такая точность, с какой память Чернышевского сохранила

подробности английского источника, свидетельствует об одном: Чернышевский изучал текст с чрезвычайным вниманием, а значит, сознавал его принципиальную значимость.

При этом неверным было бы полагать, будто славянофилы совершенно игнорировали европейские источники об истории России. Когда, например, К. С. Аксаков написал драму «Освобождение Москвы в 1812 году», то предуведомлял читателя, что «драма верна <…> относительно исторических лиц» и утверждал, что характер Салтыкова подтверждается отзывами «своих и иностранных писателей» [1, б. с.]. А когда А. С. Хомяков написал драму «Димитрий Самозванец», то предпослал ей эпиграф на французском языке, взятый, как пояснял Хомяков, из старинного сочинения неизвестного европейского автора. «Я думаю, – говорилось там, – что, если бы он (Димитрий – *В. О.*) вел себя более скромно, не якшаясь с поляками, женился бы на русской, приспосабливался бы к местным правилам, то будь он хуже последнего монаха, корона осталась бы на его голове» [20, с. 278]. Эти слова настолько точно отражают позицию самого Хомякова, что невольно возникает предположение: не является ли текст эпиграфа искусно выполненной Хомяковым имитацией исторического источника?

Как раз во время создания этой драмы выходили в свет «Сказания современников о Дмитрии Самозванце» (1831–1834) Н. Г. Устрялова (на это обращает внимание и Б. Ф. Егоров [20, с. 579]), и Хомяков вполне мог предпринять такую мистификацию, чтобы подчеркнуть близость драмы к актуальным историческим интересам. Кроме того, примерно тогда же, в 1832 г. Хомяков написал стихотворение <В альбом С. Н. Карамзиной>, также предварив его двумя иностранными эпиграфами. Один из них – на английском языке – гласил: «Быть в Петербурге с душой и сердцем – значит, быть одиноким», и был подписан: «Неопубликованное путешествие» [20, с. 100]. Вряд ли стоит сомневаться, что этот эпиграф – шутливая выдумка Хомякова: он чувствовал моду на иностранные источники о России и подтрунил над этой модой, сочинив в альбом Карамзиной изящную мистификацию. Если и эпиграф к «Димитрию Самозванцу» был сочинен самим Хомяковым, то он, конечно, не был салонной шуткой, а являлся

художественным приемом, который придавал драме вид исторической достоверности.

Но даже если эпиграф к «Димитрию Самозванцу» – действительно цитата из исторического источника, то очевидно, что автор выбрал именно то свидетельство, которое подтверждало славянофильский взгляд на факт российской истории. Как Чернышевский подтверждал иностранными источниками необходимость приближения России к европейским нормам жизни, так Хомяков – опасность сближения с Европой. Но дело в том, что как раз иностранные сочинения о России, хоть старинные, хоть современные, в своем большинстве подтверждали позицию западников, а не славянофилов. А потому и получалось, что западники искали в европейском тексте о России, в первую очередь, объективное начало, а славянофилы – субъективно-предвзятое. Из этого проистекало и различие тактических приемов в создании текста «ответной рецепции». Западники брали на вооружение многие «фигуры» европейского текста о России, дабы в исторической перспективе надежно и прочно внушить иностранной публике уважение к России.

Так, в 1849 г. М. А. Бакунин опубликовал в Лейпциге брошюру «Русские дела», где обрушивался на отечественные порядки и использовал при этом формулы европейской публицистики и литературы, обвинял царя в стремлении «использовать к своей выгоде искусственно поддерживаемые иллюзии Европы относительно действительного состояния России» [3, с. 417].» Но, наряду с этим, Бакунин старался внушить европейскому читателю, что в России существуют предпосылки для исправления зла, и одна из них – противостояние русского народа деспотическому порядку вещей. «О русском народе, – заявляет Бакунин, – за границею вообще не имеют никакого представления <…>. Это – величайшая ложь, когда читаешь, что каждое утро 65 миллионов человек молятся за царя и что царский приказ является чем-то неприкосновенным <…>. Никто о нем не думает <…>» [3, с. 405]. По тому же пути чуть позже пошел и А. И. Герцен в знаменитой работе «О развитии революционных идей в России» (1851). Автор мало спорил с европейскими мнениями о самодержавии, о крепостном рабстве, о деспотизме. Смысл брошюры сводился к тому, что европейская критика всех этих российских пороков действительно

справедлива, но Европа не видит за этими пороками позитивного начала, которое заключает в себе русский народ. Вот об этой неизвестной, позитивной стороне российской жизни и рассказывал Европе Герцен, в остальном приняв европейскую критику на собственное вооружение.

ВЫВОДЫ

К середине XIX в. поиск русской литературой приемов и средств воздействия на европейское видение России превратился в животрепещущую задачу, решение которой вело к интенсивной внутрилитературной полемике. Подходы в коррекции российского имиджа, предлагаемые русскими литераторами, зависели от литературных и политических авторских пристрастий. Так, официальная литература привносила в имагологический дискурс элементы государственной идеологии; славянофилы сосредоточивались на поиске в иностранном тексте о России извечной предвзятости, фатальной ненависти и искаженных фактов; западники, напротив, даже признавая мифологичность европейского восприятия России, стремились обнаружить в этом тексте объективное критическое начало, которое, по их мысли, могло бы быть полезным для осмысления российской действительности. В рамках разных идеологических парадигм создавались несхожие тексты «ответной рецепции», которые, тем не менее, сливались в единый общенациональный текст в защиту европейского престижа России.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Освобождение Москвы в 1812 году. Драма в пяти действиях [Текст] / С. Т. Аксаков. – М., 1848. – 212 с.
2. Арзамас и арзамасские протоколы [Текст]. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. – 304 с.
3. Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876 гг. [Текст] / М. А. Бакунин. – М.: Изд-во всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. – Т. 3. – 572 с.

4. Белинский В. Г. Собр. соч. В 3-х т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М.: Гос. изд-во худож. лит. , 1948. – Т. 2. – 930 с.
5. Боград В. Э. Журнал «Современник». 1847–1866. Указатель содержания [Текст] / В. Э. Боград. – М.- Л.: Худож. лит, 1959. – 826 с.
6. Боровкова-Майкова М. С. Вводная статья к протоколам Арзамаса [Текст] / М. С. Боровкова-Майкова // Арзамас и арзамасские протоколы. – Л., 1933. – С. 21–73.
7. Гаряйнов А. А. Воззвание парижан к нашему царю. 1815 [Текст] / А. А. Гаряйнов // Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и прозе военных литераторов. Собранные А. Писаревым. Ч. I. – М., 1825. – С. 131.
8. Гаряйнов А. А. Восточный вопрос [Текст] / А. А. Гаряйнов. – СПб., 1854. – 68 с.
9. Гаряйнов А. А. Две современности [Текст] / А. А. Гаряйнов. – СПб., 1855. – 36 с.
10. Гаряйнов А. А. Современное представление [Текст] / А. А. Гаряйнов. – СПб., 1854. – 57 с.
11. Гаряйнов А. А. Что такое г. Тьер и нашествие его на Россию [Текст] / А. А. Гаряйнов. – СПб, 1858. – 86 с.
12. Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти тт. [Текст] / А. И. Герцен. – М.: Гослитиздат, 1955–1958. – Т. 9.
13. Добролюбов Н. А. Первые годы царствования Петра Великого (История царствования Петра Великого. Н.Устрялов. СПб. 858 г. Три тома). Статья первая [Текст] / Н. А. Добролюбов // Современник, 1858. – Т. LXIX. – № 6. – Отд. II. – С. 138–166.
14. <Добролюбов Н. А.> Что такое г. Тьер и нашествие его на Россию. А. Гаряйнова [Текст] / Н. А. Добролюбов // Современник. – 1858. – Т. LXIX. – № 5. – С. 58–63.
15. Дружинин А. В. Полинька Сакс. Дневник [Текст] / А. В. Дружинин. – М.: Правда, 1989. – 432 с.
16. Карамзин Н. М. Сочинения: в 2-х т. [Текст] / Н. М. Карамзин. – Л.: Худ. лит., 1983. – Т. 1. – 672 с.
17. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания [Текст] / Л. Ф. Пантелеев. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – 848 с.

18. Соллогуб В. А. Избранная проза [Текст] / В. А. Соллогуб. – М.: Правда, 1983. – 527 с.
19. Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе [Текст] / Н. Страхов. – Киев, 1897. – 465 с.
20. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы [Текст] / А. С. Хомяков. – Л.: Советский писатель, 1969. – 594 с.
21. Чернышевский Н. Г. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением «Устава соколиного пути» и проч., издал Петр Бартенев. Москва. 1856 [Текст] / Н. Г. Чернышевский // Современник, 1857. – Т. LXII. – № 3. – С. 1–18.

TACTICS OF THE LITERARY FIGHT FOR THE RUSSIAN IMAGE IN THE CONTEXT OF THE INTERNAL IDEOLOGICAL POLEMICS OF THE MID-NINETEENTH CENTURY

V. V. Orekhov

Summary. The article presents the examination of the Russian mid-nineteenth century literature respond to European texts about Russia. During this period, Russian literature formed a general response to works by foreign authors about Russia. However, in this process the tactics of Russian writers were different. In Russian literature, there was no unified opinion on how to react to a foreign reception of Russian reality. This gave rise to a sharp polemic within Russian literature. In the article, this polemic is studied in the context of the ideological struggle that embraced Russian society in the nineteenth century. This ideological struggle was reflected in Russian literature. The main participants in this struggle are official patriots, Slavophils and Westernizers. Each of these parties created its response to European works on Russia. Some certainly criticized European feedback about Russia, others counter posed to it the image of ideal Russia, while others used Western reviews for their own criticism of Russian life. These were different positions. But still the authors were united by the desire to make a better image of Russia and Russia itself.
Keywords: imagology, text, answering reception, national image.

References

1. Aksakov K. S. Osvobozhdenie Moskvy v 1812 Godu. Drama v Pyati Deistviyakh [Liberation of Moscow in 1812. Drama in Five Acts]. M., 1848. 212 p.
2. Arzamas i Arzamasskie Protokoly [Arzamas and Arzamas Protocols]. L.: Izdatel'stvo Pisatelei v Leningrade Publ., 1933. 304 p.
3. Bakunin M. A. Sobranie Sochinenii i Pisem. 1828–1876. [Collected Works and Letters. 1828–1876]. M.: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo Obshchestva Politkatorzhan i Ssyl'no-Poselentsev Publ., 1935. T. 3. 572 p.

4. Belinskii V. G. Sobranie Sochinenii [Collected Works. 3 V.]. M.: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury Publ., 1948. T. 2. 930 p.
5. Bograd V. E. Zhurnal «Sovremennik» 1847–1866. Ukazatel' Soderzhaniya [The Journal Sovremennik. 1847–1866. Content Index]. M.-L.: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1959. 826 p.
6. Borovkova-Maikova M. S. Vvodnaya Stat'ya k Protokolam Arzamasa [Introductory Article to the Arzamas Protocols]. Arzamas i Arzamasskie Protokoly. L., 1933. P. 21–73.
7. Garyainov A. A. Vozzvanie Parizhan k Nashemu Tsaryu. 1815 [Appeal of the Parisians to our King. 1815]. Kaluzhskie Vechera, ili Otryvki Sochinenii i Perevodov v Stikhakh i Proze Voennykh Literatorov. Sobrannye A. Pisarevym. Ch. I. M., 1825. P. 131.
8. Garyainov A. A. Vostochnyi Vopros [The Eastern Question]. SPb., 1854. 68 p.
9. Garyainov A. A. Dve Sovremennosti [Two Modernities]. SPb., 1855. 36 p.
10. Garyainov A. A. Sovremennoe Predstavlenie [Modern Performance]. SPb., 1854. 57 p.
11. Garyainov A. A. Chto takoe g. T'er i nashestvie ego na Rossiyu [What is Mr. Thiers and his Invasion of Russia]. SPb, 1858. 86 p.
12. Gertsen A. I. Sochineniya. V 9-ti TT. [Works. 9 V.]. M.: Goslitizdat, 1955–1958. T. 9.
13. Dobrolyubov N. A. Pervye Gody Tsarstvovaniya Petra Velikogo (Istoriya Tsarstvovaniya Petra Velikogo. N.Ustryalov. SPb. 858 g. Tri Toma). Stat'ya Pervaya [The First Years of the Reign of Peter the Great (History of the Reign of Peter the Great, N. Ustrialov, St. Petersburg, 858, Three Volumes). Article One]. Sovremennik, 1858. T. LXIX. № 6. S. II. P. 138–166.
14. < Dobrolyubov N. A.> Chto Takoe G. T'er i Nashestvie ego na Rossiyu. A. Garyainova [What is Mr. Thiers and his Invasion of Russia by A. Garyajnov]. Sovremennik. 1858. T. LXIX. № 5. P. 58–63.
15. Druzhinin A. V. Polin'ka Saks. Dnevnik [Polin'ka Saks. A Diary]. M.: Pravda, 1989. 432 p.
16. Karamzin N. M. Sochineniya: v 2-kh T. [Works. 2 V.]. L.: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1983. T. 1. 672 p.

17. Panteleev L. F. Vospominaniya [Memories]. M.: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury, 1958. 848 p.
18. Sollogub V. A. Izbrannaya Proza [Selected Prose]. M.: Pravda, 1983. 527 p.
19. Strakhov N. Bor'ba s Zapadom v Nashei Literature [The Struggle with the West in Our Literature]. Kiev, 1897. 465 p.
20. Khomyakov A. S. Stikhotvoreniya i Dramy [Poems and Dramas]. L.: Sovetskii Pisatel' Publ., 1969. 594 p.
21. Chernyshevskii N. G. Sobranie Pisem Tsarya Alekseya Mikhailovicha s Prilozheniem “Ustava Sokolinogo Puti” i Proch., Izdal Petr Bartenev. Moskva. 1856 [A Collection of Letters by Tsar Alexei Mikhailovich with the Appendix “Charter of the Falconry”, etc., Published by Peter Bartenev. Moscow. 1856]. Sovremennik, 1857. T. LXII. № 3. P. 1–18.

АВТОРЫ

Башаран Венера Ильмировна – ассистент кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия

Биякаева Алина Викторовна – магистр филологии, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Вавулина Анастасия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного для учащихся гуманитарных факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Волокитин Дмитрий Юрьевич – ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Гажала Ирина Андреевна – магистр кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Гончаренко Александр Александрович – аспирант отдела рукописей Института мировой литературы РАН, г. Москва – Краснодар, Россия

Гуменюк Ольга Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры украинской филологии Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь, Россия

Зябрева Галина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Курьянова Валерия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лепина Лада Станиславовна – ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Нигматуллина Алсу Мансуровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия

Николенко Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного для учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Полякова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия

Романова Татьяна Юрьевна – старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия

Рубцова Евгения Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия

Яблоновская Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Волокитин Д. Ю.

ЕЩЕ РАЗ О ТЕРМИНОЛОГИИ: ФАКТ И СИТУАЦИЯ В РАБОТЕ НАД ЖУРНАЛИСТСКИМ МАТЕРИАЛОМ……..3

Лепина Л.С.

ИЗМЕНЕНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ ПОСЛЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……...13

Яблоновская Н. В.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ…….27

2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Башаран В. И., Нигматуллина А. М.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ТУРЕЦКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПЕРИОДА КЕМАЛИСТСКИХ РЕФОРМ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЯКУБА КАДРИ КАРАОСМАНОГЛУ «ЧУЖАК» «YABAN»)…….48

Биякаева А. В.

БЫТОВЫЕ И КУЛЬТОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОДЕКС В ТЕКСТЕ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ…»)……..59

Гончаренко А. А.

ГОРЬКИЙ И КИНО: НАСТАВНИК ИСКУССТВ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМА 1930-Х ГОДОВ……...68

Гуменюк О. М.

ЖАНРОВО-СТИЛЬОВА СВОЄРІДНІСТЬ КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЇ НАРОДНОЇ ЕПІЧНОЇ ОПОВІДІ «НАР-КОМИШ»……81

Зябрева Г.А., Гажала И.А.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИРИКЕ И. Л. СЕЛЬВИНСКОГО 1920-Х-1930-Х ГГ……91

Курьянова В. В.

СТИХОТВОРЕНИЕ А. КУШНЕРА «КОГДА БЫ ГРАД ПЕТРОВ СТОЯЛ НА ЧЕРНОМ МОРЕ…»: СВОЕОБРАЗИЕ КРЫМСКОГО МИФА…….100

Орехов В. В.

ТАКТИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ ЗА РОССИЙСКИЙ ИМИДЖ В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ СЕРЕДИНЫ XIX В……..…..111

АВТОРЫ……..……128